

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ОВЧИННИКОВА Татьяна Маратовна

**ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
Денисов Сергей Федорович,
доктор философских наук,
профессор

Омск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В МОДЕЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА	
§1. Диалектика единичного и общего в познании конфликта.....	12
§2. Эпистемологическая специфика общего и единичного.....	33
§3. Моделирование как метод теоретизации конфликта.....	62
ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА	
§1. Логико-структурные модели конфликта.....	86
§2. Игровые модели конфликта.....	102
§3. Рефлексивная модель конфликта.....	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	151
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях глобально-кризисных ситуаций чрезвычайно возрастает общественная потребность в создании специализированного учения, ориентированного на конструктивное решение конфликтов. В двадцатом столетии учеными была проделана огромная работа по изучению феномена конфликта, созданию определенной научной культуры его восприятия, выявлению и совершенствованию способов его предупреждения и разрешения. Вместе с тем, конфликтология зачастую позиционируется как дисциплина прикладного характера, основным предназначением которой является разработка конкретных «практических рекомендаций» для урегулирования той или иной ситуации конфликта. Однако только теоретизация конфликтологического знания позволяет специалистам, исследующим конфликты различных видов, работать в одном и том же концептуальном направлении, расширять проблематику прикладных исследований, обеспечивая их надежной теоретической и методологической основой. В этой связи особенно востребован диалектический метод познания, который позволяет исследовать реально существующие конфликты не в их сформировавшемся виде, а в динамике и развитии, а также во взаимодействии и взаимосвязи с другими процессами, происходящими в обществе.

При изучении любого процесса или явления, в том числе и конфликтного взаимодействия, возникает необходимость в отображении результатов исследования. С одной стороны, их нужно представить в виде, удобном для анализа, а с другой стороны, – предусмотреть возможность их хранения и передачи в пространстве и времени. В связи с этим возникает потребность в использовании образов исследуемого объекта, словесных или графических, вследствие чего при изучении и анализе конфликтов большую, если не ведущую, роль играет моделирование. Актуальность моделирования конфликта заключается также в возможности на основе построенной модели прогнозировать дальнейшее развитие конфликта и осуществлять адекватное управление им, поскольку чрезвычайно важно уметь предвидеть, к каким

последствиям приведет та или иная стратегия управления. Современная практика конфликтологического менеджмента остро требует рационализации процесса принятия решения с учетом всех возможных вариантов развития событий, что делает необходимым использование в моделировании конфликта элементов формальной логики. При этом важно отметить, что по мере расширения масштабов практического применения этого инструмента познания, значимость его философского осмысления несколько не убывает. Какой должна быть модель конфликта, какими свойствами она должна обладать, каковы возможности и границы применения различных моделей, какова их эффективность в управлении конфликтами, каждый из которых несет в себе черты неповторимости, индивидуальности, – все эти вопросы продолжают оставаться насущными на современном этапе развития конфликтологии.

Степень разработанности проблемы. Термин «модель конфликта» появляется в научной литературе в середине XX века, однако употребляется он либо в значении модели социума, либо в значении теории, описывающей социум с точки зрения конфликтного взаимодействия. Модель конфликта, как отражение этого явления, мы находим у К. Боулдинга, который конфликтное взаимодействие воспроизводит в идеализированной форме, хотя и без какой-либо явной схематизации. К. Боулдинг конструирует две модели социального конфликта – статическую и динамическую. Р. Мак и Р. Снайдер определяют модель как совокупность свойств понятия «конфликт». Особый вид модели конфликта, – математическая модель, встречается в работах В. Вальтерра (модель борьбы за существование двух биологических видов в замкнутой среде), Л. Ричардсона (модель гонки вооружений), Т. Саати (динамическая модель ядерной войны).

Новый толчок развитию моделирования конфликта дала теория игр, которая стала востребованной благодаря работе Дж. фон Неймана и О.Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение». В России в этом направлении работали Н.Н. Воробьев, В.М. Гаврилов, В.Ф. Крапивин, В.А.

Лефевр, Г.Л. Смолян и др. Модельные описания создавались с целью выбора оптимального варианта возможного развития конкретной конфликтной ситуации. Однако, надежды на то, что с помощью классической теории игр удастся находить решения любых конфликтов, в том числе и глобальных, не оправдались, и с 1975 года наблюдается спад интереса и к классической теории игр, и, как следствие, к разработкам математических вариантов решения конфликтных ситуаций.

Оживление интереса к математическому моделированию конфликтов наблюдается с середины 1980-х годов. В.А. Светловым разрабатывается программа «Практическая логика», раскрывающая возможности использования элементов математической логики в проведении научного исследования, при формализации диалектических противоречий, принятии решений, анализе и решении конфликтов. Особым разделом этой программы является «Единая теория конфликта» (далее ЕТК), описывающая различные модели конфликта, которые можно использовать как независимо друг от друга, так и в различных сочетаниях. В ЕТК рассматриваются структурная, динамическая, вероятностная, игровая модели конфликта, однако самому понятию «модель конфликта» определения не дается, структура процесса моделирования в общем виде не описывается.

Математическое моделирование как метод исследования межгрупповых и межгосударственных конфликтов рассматривается Е.Г. Барановским и Н.Н. Владиславлевой. Авторы предлагают обобщенный алгоритм исследования и построения моделей международных конфликтов, которые могут быть использованы при прогнозировании развития кризисных ситуаций, оценке основных источников и причин конфликта, выборе наиболее оптимальных стратегий поведения в международном конфликте, но не исследуют вопрос о возможности применения данного алгоритма к другим видам социальных конфликтов. Описания феноменологической и индикаторной моделей слежения за международным конфликтом, а также модели «морфологический ящик» носят предельно обобщенный характер и не подкрепляются анализом реальных

конфликтов.

Моделированию как методу научного познания посвящен целый ряд философских исследований (В.А. Штоффа, М. Вартофского, Б.А. Глинского, Б.С. Грязнова, Б.С. Дынина, Е.П. Никитина, К.Е. Морозова и др.). В них анализируются гносеологические и логические аспекты моделирования, однако не исследуются его возможности в познании конфликта.

Упоминание о моделировании как методе научного исследования конфликта мы встречаем у А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова, но данные авторы называют моделирование конфликта методом прогнозирования, не рассматривая другие его возможности, и ограничиваются описанием нескольких типичных, по их мнению, моделей. Предприняты единичные попытки изучения проблемы моделирования конфликта в политологии (А.Н. Бордовских, Н.Н. Звонарев и др.) и социологии (Г.Р. Валиулина, И.С. Палитай). Итак, до сих пор отсутствуют систематизация и методическое осмысление различных подходов к проблеме моделирования конфликта, несмотря на растущий к ней интерес. Необходимо также отметить, что при создании модели конфликта важен учет не только общих закономерностей процесса моделирования, но и специфических особенностей отдельного конфликта, поскольку только через анализ единичного и особенного достигается конкретизация общего.

Проблеме соотношения категорий всеобщего, особенного и единичного уделяли внимание многие исследователи. Разработка категорий единичного, общего и особенного имеет длительную историю, начало которой восходит к первым древнегреческим философам (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит, Демокрит). Немаловажный вклад в разработку данной проблематики внесли Сократ, Платон и Аристотель, который обобщил воззрения философов античности и подвел своеобразный итог изысканиям мыслителей того времени по проблеме взаимосвязи всеобщего и единичного. В Средние века, в эпоху Возрождения и в Новое время проблемы всеобщего, особенного, единичного в своих учениях разрабатывали П. Абеляр, Фома Аквинский, Дж. Беркли, Ф.

Бэкон, Г. Гегель, Т. Гоббс, Р. Декарт, И. Кант, Г. Лейбниц, Дж. Локк, Н. Кузанский, У. Оккам, Росцелин, Б. Спиноза, Л. Фейербах, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Д. Юм. Основатели философии диалектического материализма также внесли свой немалый вклад в решение проблемы всеобщего, особенного и единичного. Многие отечественные ученые занимались анализом категорий всеобщего, особенного, единичного, выявляли их взаимосвязь с другими категориями диалектики. К ним можно отнести К.С. Бакрадзе, А.С. Богомолова, Н.И. Бродского, В.В. Давыдова, Е.К. Войшвилло, Д.П. Горского, Э.В. Ильенкова, П.В. Копнина, Г.Д. Левина, М.М. Розенталя, А.П. Шептулина и многих других. Однако эти категории не применялись в исследовании специфики моделирования вообще, и моделирования конфликта в частности.

Таким образом, очевидна необходимость выявления общего, особенного и единичного в процессе моделирования конфликта, разработка алгоритмов создания моделей, учитывающих как общие закономерности конфликтного взаимодействия, так и специфику каждого отдельного конфликта.

Проблема исследования заключается в выяснении сущности и особенностей процесса моделирования конфликта, а также в определении допустимых пределов использования различных типов моделей в регулировании конфликтов.

Цель исследования – выявление диалектики общего, особенного и единичного в управлении конфликтом с использованием формально-логических моделей.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи исследования:**

1. Описать сущностные характеристики категорий «единичное», «особенное», «общее» и «всеобщее».
2. Выявить диалектику общего и особенного в моделировании конфликта.

3. Исследовать возможности использования элементов формальной логики в моделировании конфликта.

4. Сформулировать общие алгоритмы управления конфликтом в рамках теоретико-игрового, структурного и структурно-игрового подходов.

5. Исследовать возможности алгебры рефлексивных процессов в моделировании конфликта.

6. Применить сформулированные алгоритмы к анализу отдельных конфликтов различного вида (межличностных, организационных, межгосударственных).

Методологической основой исследования является диалектический метод, важнейшей особенностью которого является воспроизведение в мышлении изучаемого предмета в его целостности, движении и развитии, а также во взаимодействии и взаимозависимости с другими объектами окружающей действительности, аналитический метод, различающий части исследуемого целостного объекта и соотносящий эти части друг с другом и с целым посредством этого целого, а также системный междисциплинарный подход, позволяющий использовать теоретические положения философии, математики, конфликтологии и других наук (логики, социальной психологии, экономики, политологии, социологии).

Теоретическую основу составили работы отечественных и зарубежных ученых. К первой группе источников относятся труды философов, рассматривавших проблему формально-логического содержания категорий единичного, особенного и общего (А.П. Шептулина, Г.Д. Левина, Ж.М. Абдильдина, Э.В. Ильенкова и др.), ко второй – вопросы моделирования (В.А. Штоффа, Б.А. Глинского, Б.С. Грязнова, Б.С. Дынина, Е.П. Никитина, М. Вартофского, К.Е. Морозова). В третью группу теоретических источников вошли труды, посвященные теории игр. Среди наиболее значимых следует упомянуть работы Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, Т.Л. Саати, В.А. Лефевра, Р.Д. Льюиса и Х. Райфа, Н.П. Мешкового и Р.Ш. Закирова, Д.А. Новикова и А.Г. Чхартишвили, Е.В. Шикина и др. Четвертую группу

источников составляют труды конфликтологов и социологов (А.Я. Анцупова, А.И. Шипилова, А.К. Дмитриева, Л.А. Нечипоренко и др.). Пятую – труды, посвященные непосредственно проблеме моделирования конфликта (Е.Г. Барановского и Н.Н. Владиславлевой, В.А. Семенова и В.А. Светлова).

В работе использовались теоретические и эмпирические **методы**, среди которых теоретический анализ, синтез, научное обобщение, аналогия, прогнозирование, наблюдение, интервьюирование, анализ документов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выявлена взаимосвязь общего, единичного и особенного в изучении феномена конфликта и его моделирования.

2. Дано новое определение понятию «модель конфликта» и описаны в обобщенном виде этапы моделирования конфликта.

3. С помощью построения таблиц истинности, определений логических операций и основных равносильностей алгебры высказываний проведено доказательство утверждений, касающихся различных состояний любой системы, которыми являются синергизм, антагонизм и конфликт. Предложено выражение с логическими переменными алгебры высказываний, характеризующее конфликтное состояние системы.

4. Описаны алгоритмы построения структурной, игровой и структурно-игровой модели конфликта. Данные алгоритмы применены к анализу различных ситуаций с целью разрешения имеющихся и предупреждения возможных конфликтов.

5. Разработана авторская концепция рефлексивной модели конфликта, позволяющей учитывать его единичные признаки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модель конфликта – это объект, воспроизводящий те или иные характеристики конфликта, исследование которого позволяет определить способы регулирования, разрешения или предупреждения моделируемого конфликта.

2. Моделирование конфликта необходимо при решении следующих задач:

- исследовании причин возникновения конфликтов, а также их эскалации;
- рассмотрении различных вариантов решения конфликта;
- определении соотношения и равновесия сил в оборонительных или наступательных действиях;
- прогнозировании эффективности применения той или иной стратегии в конфликтной ситуации;
- планировании переговоров в части выработки оптимального решения.

3. В обобщенном виде процесс моделирования конфликта состоит из постановки задачи, выбора модели, исследования модели и интерпретации результатов.

4. Основные понятия и равносильности алгебраических систем высказываний и предикатов могут быть положены в основу создания новой модели (логической), которая будет учитывать не только действия участников конфликта, но и возможные контрдействия, действия на контрдействия, а также действия других участников, не являющихся сторонами конфликта.

5. Управление конфликтом с использованием его рефлексивной модели основано на глубоком осмыслении самими субъектами причин и сущности возникших между ними противоречий, проникновении в мотивацию противоборствующих сторон, корректировке их целей, и позволяет найти решение конкретного конфликта для конкретных субъектов с их индивидуальными проекциями смыслов на возникшие обстоятельства, с реальными для них последствиями.

Теоретическая значимость исследования заключается в целостном осмыслении моделирования как метода научного исследования конфликта, выявлении его сущностных аспектов, что позволит использовать аналитическую технику моделирования и исследования конфликтов в любой области социального, гуманитарного и психологического знания. Также

материалы диссертации и полученные в ходе исследования выводы могут внести определенный вклад в такие сферы философского знания как онтология и гносеология.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные обобщения и выводы могут быть использованы в практике конфликтологического консультирования, в переговорном процессе, при принятии оптимальных решений в ситуации неопределенности, а также в практике преподавания учебных курсов при подготовке будущих конфликтологов.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования нашли отражение в опубликованных статьях и тезисах докладов, а также были представлены на конференциях: Всероссийская научная конференция «Реальность. Человек. Культура: философия конфликта. IV Ореховские чтения» (Омск, 2012 г.); Всероссийская научная конференция «Реальность. Человек. Культура: конфликтное поле современной культуры. V Ореховские чтения» (Омск, 2013 г.); Всероссийская научная конференция «Реальность. Человек. Культура: трансформация бытия человека в обществе потребления. VI Ореховские чтения» (Омск, 2014 г.).

Структура диссертационного исследования определяется его основными целями и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, содержащего 161 наименование. Общий объем работы – 171 страница.

ГЛАВА I. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В МОДЕЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА

§1. Диалектика единичного и общего в познании конфликта

Человек начинает познание окружающего мира с практического воздействия на него, в ходе которого он прежде всего сталкивается с отдельными вещами и отдельными явлениями, воспринимая их вначале уникальными и единственными в своем роде. На этом этапе познания каждый предмет может быть назван единичным, поскольку он не отделен еще от своего конкретно-единичного признака, взятого во всем богатстве его содержания, признака «абсолютно единичного, единичного «во всех возможных мирах»¹. Затем, переходя от одного ко многому и анализируя обнаруживающееся при этом повторяющееся (сходное), субъект в своем сознании выделяет ту или иную группу предметов (явлений), отличающихся от основного мира, обладающих абстрактными единичными и общими признаками. Эта группа в свою очередь подвергается сравнению с другой группой предметов или явлений, установлению между ними сходства (тождества), и по мере обнаружения общих признаков они объединяются в более широкую группу. В результате совершается переход от менее общего к более общему и создаются необходимые условия для исследования «в чистом виде законов, которым подчиняются реальные, существующие в пространстве и времени» объекты познания².

Возникает вопрос: когда мы начинаем интуитивно понимать, что такое конфликт и каковы признаки этого явления? Так, еще только появившись на свет, новорожденный начинает испытывать чувство дискомфорта, вызванного ощущением голода, жажды, холода, не выделяя при этом себя и своих переживаний из восприятия объективных вещей и не различая социальных и

¹ Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего / Отв. ред. А.П. Шептулин. – М.: «Наука», 1987. – С. 46.

²Там же. С. 162.

физических объектов. С развитием узнавания ребенок начинает дифференцировать приятных и неприятных ему людей, что проявляется в его эмоциональной реакции на них, – симпатии или антипатии¹. На этом начальном этапе самосознания ощущения дискомфорта и внутренней дисгармонии отделяются от ощущений удовольствия и эмоционального комфорта. Далее увеличение двигательных возможностей (сначала ползание, затем ходьба) приводит к возрастанию доступности многих вещей, часто небезопасных для ребенка. Со стороны родителей вынужденно возникает запрет, сталкиваясь с которым в реализации некоторых своих устремлений, ребенок начинает понимать, что его желания не всегда совпадают с желаниями и чувствами другого человека. Потребность в реализации и утверждении собственного «Я» приводит к тому, что возникающее в его речи слово «не хочу» наполняется реальным содержанием, становится осмысленной реакцией на *сходные* чувства рассогласованности: недовольствия, связанного с необходимостью прервать интересное занятие, дискомфорта от неудобной одежды, чувства внутренней необходимости противопоставить себя взрослому.

Дальнейшее взросление и развитие приводит к возникновению межличностных отношений, в ходе которых вырабатываются навыки социального взаимодействия. Происходит выделение себя и партнера в качестве самостоятельных объектов общения, что позволяет познающему субъекту дифференцировать свои переживания «как существующие отдельно от окружающего мира»². Индивид постепенно постигает взаимосвязь последовательных событий собственной жизни, а затем эта связь обнаруживается им в событиях, происходящих в жизни окружающих его индивидов. Чем старше человек, тем более он способен осознавать конфликтующие элементы, которые объясняют симптомы, противоречия и внешние конфликты, и, по мнению Карен Хорни, «тем более запутанной

¹ См.: Возрастная психология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – С. 150.

² Там же. С. 185.

становится картина из-за числа и разнообразия противоречий», что подводит нас к вопросу: «существует ли какой-нибудь базисный конфликт, лежащий в основе всех частных конфликтов и действительно ответственный за них?»¹. Другими словами, каковы те признаки, которые, с одной стороны, являются общими для таких явлений, как столкновение отдельных личностей или внутренних мотивов, внутрисемейные трения, конкурентная борьба монополий, гражданские войны, военные перевороты и т.д., а с другой, позволяют выделять конфликтные явления из всего многообразия явлений окружающей нас действительности? И может быть, ввиду возможного отсутствия таких общих признаков, отсутствует необходимость создания единой универсальной теории конфликта, применимой ко всем без исключения конфликтам?

Философия с давних времен искала ответы на вопросы о законах сосуществования людей и народов, о причинах войн, вражды, раздоров, столкновений. Однако, по мнению В.А. Светлова, говорить о становлении конфликтологической парадигмы социального знания можно лишь тогда, когда появляется теоретическая конструкция, способная «дать объяснение принципам возникновения, существования и исчерпывания себя как таковых основных типичных форм конфликтного взаимодействия»². Построение же такой «конструкции» происходит лишь в том случае, когда многообразие единичностей сводится к общему и постигается как форма проявления этого многообразия. Но, несмотря на то, что идеи, высказанные по поводу конфликта Гераклитом, Геродотом, Платоном, Аристотелем, Эпикуром, Макиавелли, Гоббсом и другими мыслителями, не были развернуты в целостную теорию, без них было бы невозможно систематизированное оформление представлений о конфликте, начавшееся лишь в XX веке (работы Г. Зиммеля, Л. Козера, Р. Парка, Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга и др.).

¹ Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. Светлова. – М.: Академический проект. – 2007. – URL: http://www.psychol-ok.ru/lib/horney/nvk/nvk_04.html (дата обращения 20.11.2013).

² Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология: Учебное пособие. – СПб: Питер, 2011. – С. 8.

Для Г. Зиммеля, автора термина «социология конфликта», общество – это бесчисленное множество взаимодействий (интеракций). Каждый отдельный человек отличается от другого, «его бытие и деятельность по форме или содержанию, или тому и другому вместе, присущи лишь ему одному, а бытие-иным имеет позитивный смысл и ценность для его жизни»¹. Вместе с тем, нет ни одного внешнего проявления отдельности субъекта, будь то одиночество, ответственность или свобода, которое не зависело бы от взаимодействия его с другими субъектами. Во взаимодействие вступают два или более индивида, но оно есть даже и там, где, на первый взгляд, видно лишь одностороннее воздействие².

Взаимодействие практически всегда складывается вследствие определенных интересов и ради определенных целей, которые побуждают человека «к деятельности для другого, с другим, против другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний»³. При этом важным представляется указание Зиммеля на тот факт, что при всем различии интересов и целей, преследуемых людьми, социальные формы интеракции, в которых эти интересы и цели находят свое воплощение, могут быть идентичными, а совпадающие интересы и цели могут воплощаться в различных формах.

Из всех форм социальной жизни наиболее важной является борьба. Само предназначение жизни есть «борьба в абсолютном смысле, охватывающая относительное противопоставление борьбы и мира; абсолютный же мир, который, быть может, точно так же включает в себя это противоречие, остается божественной тайной»⁴. Вся история культуры, по мнению Зиммеля, может быть осмыслена как хроника конфликтов и примирений: «Столь же несомненно она имеет своей целью создание новых форм, более соответствующих силам

¹Филиппов А.Ф. Обоснование теоретической социологии: Введение в концепцию Георга Зиммеля // Георг Зиммель. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. — М.: Юрист, 1996. — С. 589.

²См.: Там же.

³Кашин В.В. Формальная социология Георга Зиммеля // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008. — №7 (89), июль. — С. 6.

⁴Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Г. Зиммель. Избранное. Том 1. Философия культуры. — М.: Юрист, 1996. — С. 514.

настоящего – быть может, сознательно задерживая наступление открытой борьбы, – и заменяющих лишь старую проблему новой, один конфликт другим»¹. Называя обобществлением форму, в которой индивиды на основании тех или иных интересов образуют единство, Зиммель находит элементы единства (социации) «даже там, где, как казалось большинству его современников, есть только противоположность социальности, т.е. в споре, вражде, конкуренции»², поскольку не считает солидарность общим признаком различных форм обобществления. Ту же мысль мы находим и у Э.В. Ильенкова: однородные явления не обязательно должны обладать «фамильным сходством», – общее в них может выражаться и в виде различий, даже противоположностей, делающих особенные явления дополняющими друг друга компонентами целого, вполне реального «ансамбля»³. Таким образом, в процессе обобществления кроме тенденции к согласию встречаются противоположные тенденции борьбы и конкуренции. Описывая различные формы обобществления, Зиммель делает вывод о том, что спор и вражда, дружба и любовь, господство и подчинение составляют социальную жизнь лишь во взаимосвязи. Конфликт также не может существовать безотносительно к другим формам социального взаимодействия, как и последние не могут существовать без корреляции друг с другом, следовательно, конфликта «в чистом виде» не существует. Интересно предположение Зиммеля о том, что биполярность не является общим признаком конфликтных отношений, в конфликте может присутствовать третья сторона (приглашенная или неприглашенная). Значимым, на наш взгляд, является также утверждение о том, что любой конфликт с необходимостью предполагает наличие обратного действия, а не основывается на одностороннем воздействии.

¹Зиммель Г. Конфликт современной культуры. С. 514.

²Филиппов А.Ф. Обоснование теоретической социологии: Введение в концепцию Георга Зиммеля. С. 591.

³Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. –М.: Политиздат, 1984. – С. 276.

Исследования Зиммеля по проблемам конфликта, конкуренции и борьбы составили целое научное направление, ориентированное на анализ различного вида противоречий в общественной жизни. Вслед за Зиммелем конфликт как одну из форм социального взаимодействия рассматривает Льюис Козер, различая конфликт и враждебное (антагонистическое) отношение. Последнее, по мнению Козера, представляет собой «только предрасположенность к действию»¹, а предрасположенность не всегда выливается в действие, т.е. в конфликт. Если Зиммель указывает на то, что конфликт является составляющей всех социальных отношений и выполняет позитивные функции, поскольку ведет к восстановлению единства и равновесия группы, то Козер задает, на наш взгляд, вполне резонный вопрос: «если конфликт объединяет, то что разъединяет?»², и далее: «можно ли считать, что *конфликты по поводу разных проблем* будут одинаково влиять на данное отношение и что *структуры любого типа* одинаково выиграют от конфликта?»³ Ставя под сомнение тезис Зиммеля о позитивной функции как общем признаке любого конфликта, Козер, по сути, говорит о недопустимости механического переноса общих закономерностей на отдельные конфликтные ситуации, наделенные единичными признаками.

Роберт Парк называет конфликт не просто формой социального взаимодействия, а его сущностной формой, в которой контакт является обязательным условием⁴. К общим признакам любого социального конфликта Парк относит его осознанность субъектами конфликта, и, как следствие, принятие решения, определяющее рациональность их поведения. Дискуссионный вопрос о возможности существования зоологического конфликта (конфликта в животном мире) может быть рассмотрен в контексте социально-экологической концепции Парка, исходным пунктом которой послужило представление об обществе как организме, как о «глубоко

¹ Козер Л. Функции социального конфликта / Перевод с англ. О. Назаровой; Под общей редакцией Л.Г. Ионина. – М. «Идея-Пресс», 2000. – С. 60.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

⁴ См.: Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Под ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – С. 393–399.

биологическом феномене», а процесс социального изменения воспринимался как движение от конфликта к согласию¹. В основе всего социального развития лежит «биотический» уровень общества, он и определяет социальную организацию. Социальная эволюция представляется Парком как движение от биологического к культурному уровню, которое направляется конкуренцией, принимающей различные формы в ходе эволюции и достигающей на культурном уровне оптимума – «соревновательной кооперации»². Именно конкуренция более всего придает сообществу характер организма, формируя его структуру и регулируя последовательность нарушения и восстановления равновесия в развитии. Каждая фаза социального развития (экологическая, экономическая, политическая и культурная) является результатом предшествующих и воплощением определенной и особенной формы конкуренции: борьбы за выживание на биотическом уровне, конфликта, адаптации и ассимиляции. На политическом уровне конкуренция представляется как конфликт, контроль и регуляция которого осуществляются средствами политики с целью установления социальной солидарности. Таким образом, в соответствии с концепцией Парка, особые формы конкуренции обособляются, выступая собственным самоотрицанием, вследствие чего преодолеваются в дальнейшем развитии общества, в то же время экономический, политический и моральный порядок являются фактически сублимированными формами биотической конкуренции.

Итак, можно выделить следующие исходные моменты конфликтологической парадигмы, основанной на понимании конфликта как формы социального взаимодействия:

а) конфликтность – это естественное состояние любой социальной системы;

¹ См.: Баньковская С.П. Роберт Парк [Электронный ресурс] // Современная американская социология. – URL: <http://socioline.ru/pages/sovremennaya-amerikanskaya-sotsiologiya> (дата обращения 15.11.2013).

² Там же.

б) любой социальный конфликт представляет собой не просто противоречие, возникшее между определенными социальными субъектами, а такое противоречие, которое так или иначе ими осознано и оценено.

Исходя из данных постулатов, представители субъектно-деятельностного подхода рассматривают социальный конфликт как «социальное противоречие на стадии его реального разрешения вовлеченными в него субъектами»¹. В этом аспекте субъекты конфликта с помощью собственных устремлений и усилий включают механизмы и средства снятия существующих между ними противоречий. Однако возникает вопрос: если мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием или субъекты не могут (или не хотят) его разрешать, будет ли такое противоречие конфликтом? И если, по мнению А.В. Дмитриева, любой конфликт «предполагает определенное соприкосновение и коммуникацию сторон», поведение которых «предусматривает конкретные выгоды за счет друг друга»², то на основании какого признака внутриличностный конфликт может быть отнесен к классу конфликтных явлений? Только на основании того, что участники конфликта «определяют его как таковой»³?

Второй путь, которым можно пойти в решении проблемы теоретического осмысления понятия «конфликт» связан с возможностями системного подхода, который предполагает рассмотрение любого процесса или явления как системы, – множества взаимодействующих друг с другом элементов. Проблема конфликта в рамках системного подхода рассматривалась в социологии в первой половине XX века, и одним из первых представителей данного направления был Толкотт Парсонс. Система для Парсонса есть любой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных

¹Степанов Е.И., Куконков П.И. Конфликтологический мониторинг и менеджмент как необходимые компоненты современных социологических исследований [Электронный ресурс] // Научно-практический журнал «Конфликтология и жизнь». – Сайт международной ассоциации конфликтологов. – URL: <http://www.confstud.ru/content/view/50/2/> (дата обращения 20.11.2013).

²Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. – М.: Гардарики, 2002. – С. 13.

³Там же.

действий. Общество – это система функционально взаимосвязанных переменных, а потребности личности выступают как переменные в данной системе. Описывая конфликт, Парсонс исходит из той посылки, что реальность организована логически и рационально. Вводя понятие «система действия» он рассматривает такие ее подсистемы как социальные, культурные, личностные подсистемы и поведенческие организмы, последние три трактуются им по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды, при этом ни социальная, ни личностная подсистемы «не являют собой нечто реально существующее»¹. Центральной проблемой в теоретической схеме Парсонса является проблема социального порядка. Общее для любой социальной системы – взаимозависимость ее частей или переменных, стремление к сохранению их сбалансированности и тенденция к поддержанию границ, что и определяет порядок во взаимоотношениях между компонентами, входящих в систему². Конфликт по Парсонсу есть причина дестабилизации социальной системы и дезорганизации общественной жизни. Основной задачей любой социальной системы он называет поддержание бесконфликтных отношений между различными ее элементами, для чего система должна справиться со следующими проблемами: проблемой рациональной организации и распределения своих материальных, человеческих и культурных ресурсов; проблемой определения основных целей и поддержания процесса их достижения; проблемой сохранения солидарности и устранения скрытых напряжений в системе личностной мотивации членов общества.

Если стратегия Парсонса заключалась в построении общей теории бесконфликтной системы, основывающейся на универсальном организационном принципе и применимой для практических действий в условиях любой конкретной ситуации конфликта, то Роберта Мертона в большей степени интересовал вопрос, как будут люди реагировать на

¹ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Науч. ред. пер. М.С. Ковалева. – М.: Аспект-пресс, 1998. – С. 17.

² Там же.

противоречия, присущие социальным структурам, в зависимости от занимаемых ими социальных позиций. По мнению Мертон, вопрос о единстве в обществе «не может решаться априорно, – это в первую очередь вопрос фактов»¹. Социальные структуры, по Мертону, играют активную роль в формировании мотивов и целей поведения людей и вместе с этим возможностей их достижения и порождают обстоятельства «при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» (так сказать, ожидаемый) ответ на возникшую ситуацию»².

Мертон рассматривает два противоположных состояния социальной системы – сбалансированное и несбалансированное (конфликтное). В первом случае между целями и средствами их достижения есть соответствие, выражающееся в поддержке большинством членов социальной системы целей своей культуры и подчинении ее законам и нормам. Второе состояние (конфликтное) характеризуется несовместимостью провозглашенных системой целей и санкционированных ею же средств их достижения.

Таким образом, конфликт в теории Мертона – это особое состояние социальной системы, определенность, в которой присутствуют моменты самоотрицания, поскольку социальные структуры вызывают конфликты, которые, в свою очередь, способствуют изменениям самой социальной системы.

Современная конфликтология также предлагает рассматривать конфликт с точки зрения системного подхода. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов в качестве основных методов системного анализа конфликтов называют:

а) системно-структурный, в соответствии с которым конфликт является системой подструктур, которые, в свою очередь, «состоят из элементов, неразлагаемых на подструктуры»³;

¹Цит. по: Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 54.

²Цит. по: Там же. С. 55.

³ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – 4-е изд. испр. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – С. 130.

б) системно-функциональный, предполагающий выявление «характера и способов воздействия одних элементов и подструктур конфликта на другие»¹;

в) системно-информационный, состоящий в анализе информационных процессов (процессов обмена информацией) между подструктурами конфликта, между внутренней и внешней средой конфликта, а также в поиске возможных путей информационного влияния на его участников²;

г) системно-генетический, нацеленный на исследование причин и движущих сил развития конфликта;

д) системно-ситуационный, при котором «конфликт рассматривается как социально-обусловленная и динамичная система, не сводимая к простой сумме своих элементов, обладающая структурой, в которой свойства элемента определяются его местом в этой структуре»³.

Называя системный подход «новой парадигмой в конфликтологическом дискурсе»⁴, В.А. Светлов и В.А. Семенов строят свою теорию (Единую теорию конфликта) с целью создания общей методологии анализа и разрешения любого конфликта. Основу дальнейших рассуждений составят основные концептуальные положения данной теории.

Для отыскания признаков, свойственных любому конфликту, будем в соответствии с системным подходом рассматривать среду, в которой возникает и развивается конфликт, как систему, т.е. как упорядоченную совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Взаимодействие элементов любой системы носит направленный характер. Если система достигает полезного для себя результата, то возникает положительная обратная связь, которая усиливает устойчивость поведения системы в избранном направлении. Напротив, если система достигает отрицательного эффекта, то возникает отрицательная обратная связь (торможение, коррекция

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 131.

² См.: Там же. С. 260–268.

³ Там же. С. 131.

⁴ Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 86.

выбранного способа поведения), которая ослабляет устойчивость поведения системы в избранном ею направлении.

Оба вида обратной связи выполняют важную функцию саморегуляции системы, так как только благодаря обратной связи система узнает о целесообразности и эффективности своего поведения. Ни один из видов обратной связи не является благоприятным или неблагоприятным для системы в абсолютном смысле. Как положительная, так и отрицательная обратная связь могут оказывать на функционирование системы различное воздействие – от самого незначительного до существенного, затрагивающего ее бытие в данном качестве.

В случае положительной обратной связи взаимодействующие элементы получают подтверждение своим действиям и стремятся всеми силами сохранить и усилить его. Если суммированный эффект взаимодействия элементов системы превышает действие, оказываемое каждым из них в отдельности, то говорят о синергетической обратной связи. Поскольку каждый объект одновременно и элемент, и система, то можно говорить о синергетической связи двух систем: при синергетической связи систем А и В усиление (ослабление) системы А ведет к усилению (ослаблению) системы В. Возможен и другой вид положительной обратной связи – усиление (ослабление) системы А ведет к ослаблению (усилению) системы В. Такая связь является антагонистической.

Таким образом, возможны два вида положительной обратной связи:

1. Система (элемент) А получает подтверждение своего позитивного отношения (действия) к системе (элементу) В обратным позитивным отношением (действием) В к А, – синергизм.

2. Система (элемент) А получает подтверждение своего негативного отношения (действия) к системе (элементу) В обратным негативным отношением (действием) В к А, – антагонизм.

Следуя идее использования элементов математической логики для описания конфликтного взаимодействия («алгебра совести» В.А. Лефевра)¹ и морально-правового аспекта экономической деятельности («алгебра поступков» В.О. Лобовикова)², введем следующие обозначения: $A, B, C, D \dots$ – произвольные элементы (личности, группы, государства, внутренние структуры личности и т.п.), взаимодействующие друг с другом, и одновременно их позиции (заявленные обещания, требования). Для упрощения рассуждений в дальнейшем будем называть их субъектами. Символ A будем интерпретировать как исполнение позиции субъекта A , символ \bar{A} – неисполнение этой позиции. С помощью этих символов и символов бинарных логических операций конъюнкции (\wedge), дизъюнкции (\vee), импликации (\Rightarrow), эквиваленции (\Leftrightarrow) можно конструировать различные формулы и интерпретировать их применительно к субъектам и их позициям.

Формула $A \wedge B$ символизирует **полную совместимость** позиций субъектов A и B , – общая позиция исполняется тогда и только тогда, когда исполняется позиция каждого субъекта в отдельности (в отличие от $A \Leftrightarrow B$, т.к. в соответствии с определением этой операции ее результат может быть истинным и в случае ложности каждого из компонентов). Формула $\bar{A} \wedge \bar{B}$ отражает **полную несовместимость** позиций A и B , поскольку символизирует полную совместимость позиций, противоположных исходным позициям.

$A \vee B$ – **позиции частично совместимы**, – интегрированная позиция не исполняется только в том случае, когда не исполняется ни одна из заявленных позиций субъектов A и B .

$A \Rightarrow B$ – **для того чтобы исполнилась позиция B достаточно, чтобы исполнилась позиция A** . Если рассматривать A и B как действия некого субъекта, то данную последовательность символов можно трактовать и как

¹См.: Лефевр В.А. Алгебра совести. – М.: Когито-Центр, 2003. – 426 с.

² См.: Лобовиков В.О. Логико-математические модели государственно-политического и морально-правового управления экономикой (Математическая философия экономики и права. Ч.1. Критика политической экономии: совершенная конкуренция и абсолютная монополия; состояние равновесия и предпринимательство; laissez-faire и государственное регулирование рынка). – Екатеринбург: Изд-во «Университет», 2003. – 392 с.

аттитюд этого субъекта, поскольку для того, чтобы действие В реализовалось достаточно реализации действия А, а значит, мы имеем дело с установкой (готовностью) к действию субъекта, возможности реализации его действия в конкретной ситуации.

$A \Leftrightarrow B$ – позиция А выполняется тогда и только тогда, когда выполняется позиция В, или: для того, чтобы исполнилось требование В необходимо и достаточно одновременно, чтобы исполнилось требование А.

Аналогичным образом можно трактовать законы алгебры высказываний:

1. Коммутативные законы конъюнкции и дизъюнкции:

$$A \wedge B \equiv B \wedge A \quad A \vee B \equiv B \vee A$$

Полная (частичная) совместимость позиций А и В равносильна полной (частичной) совместимости позиций В и А.

2. Ассоциативные законы конъюнкции и дизъюнкции:

$$(A \wedge B) \wedge C \equiv A \wedge (B \wedge C) \quad (A \vee B) \vee C \equiv A \vee (B \vee C)$$

Полная (частичная) совместимость полностью (частично) совместимых позиций А и В и позиции С равносильна полной (частичной) совместимости позиции А и полностью (частично) совместимых позиций В и С.

3. Дистрибутивные законы:

$$(A \vee B) \wedge C \equiv (A \wedge C) \vee (B \wedge C) \quad (A \wedge B) \vee C \equiv (A \vee C) \wedge (B \vee C)$$

Полная совместимость частично совместимых позиций А и В и позиции С равносильна частичной совместимости полностью совместимых позиций А и С и полностью совместимых позиций В и С (аналогичным образом можно интерпретировать дистрибутивный закон дизъюнкции относительно конъюнкции).

4. Законы де Моргана:

$$\overline{A \wedge B} \equiv \overline{A} \vee \overline{B} \quad \text{– утверждение: «Неверно, что позиции субъектов А и В}$$

полностью совместимы» равносильно утверждению: «Частично совместимы позиции, противоположные позициям субъектов А и В».

$\overline{A \vee B} \equiv \bar{A} \wedge \bar{B}$: «Неверно, что позиции субъектов А и В частично совместимы» равносильно утверждению: «Позиции А и В полностью не совместимы».

5. Тавтологично-ложные выражения:

$$A \wedge \bar{A} \equiv 0 \quad A \wedge 0 \equiv 0$$

Символ 0 можно трактовать как заведомо неисполнимое требование, заведомо нереализуемая позиция, нереалистичное обещание и т.п. Следовательно, заведомо нереализуема та ситуация, в которой позиция субъекта одновременно и исполняется, и не исполняется.

6. Тавтологично-истинные выражения:

$$A \vee \bar{A} \equiv 1 \quad A \vee 1 \equiv 1$$

Возможная интерпретация символа 1 – позиция (требование), реализация которой изначально определена, независимо от позиций взаимодействующих субъектов. Таким образом, при любом выборе субъекта: или его позиция исполнится, или нет.

7. Закон двойного отрицания: $\overline{\bar{A}} \equiv A$: «Неверно, что позиция субъекта А не исполнится» равносильно утверждению: «Позиция субъекта А исполнится».

8. $A \Rightarrow B \equiv \bar{A} \vee B$: «Готовность к действию субъекта В при реализации позиции субъекта А равносильна частичной совместимости его позиции с позицией, противоположной позиции А».

Доказательство этого закона можно представить в виде таблицы истинности:

A	B	$A \Rightarrow B$	\bar{A}	$\bar{A} \vee B$
0	0	1	1	1
0	1	1	1	1
1	0	0	0	0
1	1	1	0	1

Заметим, что все приведенные законы можно доказать аналогичным образом, опираясь на определение логических операций алгебры высказываний.

9. $A \Leftrightarrow B \equiv (A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow A)$: «Позиция А выполняется тогда и только тогда, когда выполняется позиция В» равносильно утверждению: «Исполнение позиции А достаточно для исполнения позиции В и исполнение В достаточно для того, чтобы исполнилось А».

По мнению В.А. Светлова, синергетическая и антагонистическая положительные связи между элементами систем (или между двумя системами) могут быть представлены следующими формулами:

Синергизм: $A \wedge B \wedge (A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow A)$, – позиции субъектов полностью совместимы и исполнение позиций является взаимным, т.к. исполнение одной из них влечет за собой исполнение другой.

Антагонизм:

$A \wedge \bar{B} \wedge (A \Rightarrow \bar{B}) \wedge (\bar{B} \Rightarrow A)$ или $\bar{A} \wedge B \wedge (\bar{A} \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow \bar{A})$, – полностью совместимы позиция А и позиция, противоположная В и при этом исполнение позиции А достаточно для того, чтобы позиция В не исполнялась, а также неисполнение А достаточно для того, чтобы позиция В исполнилась.

Для дальнейших рассуждений выберем одну из ситуаций, характеризующих антагонистическую обратную связь, и построим таблицу истинности:

A	B	\bar{A}	\bar{B}	$A \wedge \bar{B}$	$A \Rightarrow \bar{B}$	$(A \wedge \bar{B}) \wedge (A \Rightarrow \bar{B})$	$\bar{A} \Rightarrow B$	$(A \wedge \bar{B}) \wedge (A \Rightarrow \bar{B}) \wedge (\bar{A} \Rightarrow B)$
0	0	1	1	0	1	0	0	0
0	1	1	0	0	1	0	1	0
1	0	0	1	1	1	1	1	1
1	1	0	0	0	0	0	1	0

¹ См.: Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 139–142.

С точки зрения математической логики выражения, записанные в выделенных столбцах, равносильны, т.к. их значения совпадают для всех наборов логических значений входящих в них переменных. Но только второе из них отражает динамику связи между субъектами: из исполнения (неисполнения) позиции одного следует неисполнение (исполнение) позиции другого.

Взаимодействие элементов системы может быть измерено качественно и количественно, совокупность таких характеристик на данный момент функционирования системы называют ее состоянием¹. В качестве одной из характеристик можно рассматривать вид взаимосвязи, имеющей место между элементами системы. Такие элементы могут быть простыми и сложными включающими в себя простые в качестве составных частей. Будем считать, что система, состоящая из элементов А и В (простых или сложных), находится в состоянии синергизма (антагонизма), если связь между этими элементами синергетическая (антагонистическая).

Возникает вопрос: верно ли, что при любом взаимодействии элементов предопределен или синергизм или антагонизм? Для ответа на него заменим выражения, характеризующие положительную обратную связь (синергизм и антагонизм), выражениями, им равносильными с точки зрения алгебры высказываний, образуем их дизъюнкцию и проверим, является ли она тождественно–истинной:

$$A \wedge B \wedge C \Rightarrow B \wedge C \Rightarrow A \equiv A \wedge B$$

$$A \wedge \bar{B} \wedge C \Rightarrow \bar{B} \wedge C \Rightarrow A \equiv A \wedge \bar{B}$$

$$\bar{A} \wedge B \wedge C \Rightarrow \bar{B} \wedge C \Rightarrow \bar{A} \equiv \bar{A} \wedge B$$

¹См.: Состояние системы // Словарь Лопатникова: общеэкономический и экономико–математический объяснительный словарь [Электронный ресурс]: URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9B%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/%D0%A1%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B/>(дата обращения 05.09.2014)

A	B	\bar{A}	\bar{B}	$A \wedge B$	$A \wedge \bar{B}$	$(A \wedge B) \vee (A \wedge \bar{B})$	$\bar{A} \wedge B$	$(A \wedge B) \vee (A \wedge \bar{B}) \vee (\bar{A} \wedge B)$
0	0	1	1	0	0	0	0	0
0	1	1	0	0	0	0	1	1
1	0	0	1	0	1	1	0	1
1	1	0	0	1	0	1	0	1

Вывод: выражение, соответствующее дизъюнкции синергизма и антагонизма не является тождественно-истинным, т.к. существует набор логических значений переменных A и B , при котором выражение ложно. Это свидетельствует о наличии еще одного состояния системы, отличного и от синергизма, и от антагонизма. Таким состоянием является **конфликт**.

Единая теория конфликта определяет это понятие следующим образом:

«Субъекты A и B находятся в состоянии конфликта, если и только если их позиции полностью совместимы, но исполнение каждой одной из них блокируется своим же собственным исполнением»¹. В.А. Светлов и В.А. Семенов предлагают две формулы, каждая из которых описывает конфликт:

$$A \wedge B \wedge (A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow \bar{A}) \quad \text{или} \quad A \wedge B \wedge (A \Rightarrow \bar{B}) \wedge (B \Rightarrow A)$$

Но при построении соответствующих таблиц истинности оказывается, что эти выражения с точки зрения логики высказываний тождественно-ложны, т.к. принимают ложное значение при любом наборе входящих в них переменных:

A	B	\bar{A}	\bar{B}	$A \wedge B$	$A \Rightarrow B$	$B \Rightarrow \bar{A}$	$A \wedge B \wedge (A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow \bar{A})$
0	0	1	1	0	1	1	0
0	1	1	0	0	1	1	0
1	0	0	1	0	0	1	0
1	1	0	0	1	1	0	0

¹ Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 139.

² Там же. С. 140.

Следовательно, такая совокупность позиций и аттитюдов субъектов А и В заведомо не реализуема. Сами авторы говорят о том, что такая комбинация противоречива.

Можно предложить следующее выражение с логическими переменными А и В, отражающее конфликтное состояние системы:

$F = (A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow \bar{A}) \wedge (B \Rightarrow A) \wedge (A \Rightarrow \bar{B})$ – для каждого субъекта справедливо: исполнение позиции одного из них блокируется исполнением позиции другого.

Построим таблицу истинности для выражения F:

A	B	\bar{A}	\bar{B}	$A \Rightarrow B$	$B \Rightarrow \bar{A}$	$(A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow \bar{A})$	$B \Rightarrow A$	$A \Rightarrow \bar{B}$	$(B \Rightarrow A) \wedge (A \Rightarrow \bar{B})$	F
0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	1	1	0	1	1	1	0	1	0	0
1	0	0	1	0	1	0	1	1	1	0
1	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0

Построив таблицу истинности для дизъюнкции синергизма, антагонизма и конфликта, можно убедиться в том, что это выражение тождественно-истинно:

A	B	\bar{A}	\bar{B}	$(A \wedge B) \vee (A \wedge \bar{B}) \vee (A \wedge B)$	F	$(A \wedge B) \vee (A \wedge \bar{B}) \vee (A \wedge B) \vee F$
0	0	1	1	0	1	1
0	1	1	0	1	0	1
1	0	0	1	1	0	1
1	1	0	0	1	0	1

Это означает следующее:

1. Синергизм, антагонизм и конфликт – три различных состояния системы, отождествление антагонизма и конфликта является логической ошибкой.

2. Синергизм, антагонизм и конфликт – три возможных состояния системы, т.е. система может находиться либо в состоянии синергизма, либо в состоянии антагонизма, либо в состоянии конфликта.

3. Если существует хотя бы одна пара субъектов, для которой справедливо: исполнение позиции одного из них блокируется исполнением позиции другого, то система находится в состоянии конфликта.

4. Независимо от позиций субъектов изначально predetermined: система либо конфликтна, либо бесконфликтна (с синергетической или антагонистической связью между ее элементами).

Наличие конфликта свидетельствует о существовании отрицательной обратной связи между элементами системы, главной функцией которой является поиск и переход «от неоправдавших себя форм поведения к новым ради достижения своих внутренних целей»¹. Если положительная обратная связь исчерпывается синергизмом ($A \wedge B$) и антагонизмом ($A \wedge \bar{B}$), то отрицательная обратная связь, соответствующая конфликтному состоянию системы, должна существовать либо как антисинергизм ($\overline{A \wedge B} \equiv \bar{A} \vee \bar{B}$), либо как антиантагонизм ($\overline{A \wedge \bar{B}} \equiv \bar{A} \vee B$). В истинности данного предположения можно убедиться, преобразовав по законам алгебры высказываний выражение, описывающее конфликтное состояние системы:

$$(A \Rightarrow B) \wedge (B \Rightarrow \bar{A}) \wedge (B \Rightarrow A) \wedge (A \Rightarrow \bar{B}) \equiv (\bar{A} \vee B) \wedge (\bar{B} \vee \bar{A}) \wedge (\bar{B} \vee A) \wedge (\bar{A} \vee \bar{B}) \equiv (\bar{A} \vee \bar{B}) \wedge (\bar{A} \vee B) \wedge (\bar{B} \vee A)$$

Имеем конъюнкцию трех выражений с логическими переменными, первое из которых равносильно антисинергизму, второе и третье – антиантагонизму.

Как конфликтное, так и бесконфликтное состояние системы могут в равной степени способствовать как ее сохранению, так и разрушению. В.А. Семенов называет следующие виды конфликтных систем:

¹Светлов В.А. Аналитика конфликта. – СПб: Росток, 2001. – С. 27.

– конфликты-катастрофы, разрушающие те системы, в которых происходят;

– конфликты-пульсации, оставляющие развитие системы на прежнем уровне;

– стабилизирующие конфликты, переводящие систему на более высокий (или низкий) уровень стабильного существования¹.

Все бесконфликтные системы являются результатом разрешения конфликта, и могут быть разделены на системы, в которых:

– между конфликтующими элементами нет взаимодействия или оно блокируется другими элементами системы;

– развитие синергизма или антагонизма принимает форму ограниченного некоторым предельным значением роста (уменьшения), в результате чего система переходит на новый более высокий (низкий) уровень стабильности;

– развитие синергизма или антагонизма принимает форму монотонного и безграничного роста (уменьшения), такие системы динамически нестабильны;

– развитие синергизма или антагонизма принимает форму неограниченного роста (уменьшения), что приводит к быстрому их разрушению².

Итак, конфликт – это особое состояние системы, характеризующееся устойчивой тенденцией возвращаться к состоянию нарушенного равновесия между элементами, ее образующими. Использование элементов математической логики в описании конфликтного взаимодействия позволяет объяснить разнообразие конфликтных и бесконфликтных систем, определить пути трансформации одних систем в другие, независимо от того, элементы какой природы образуют систему. С другой стороны, описывая конфликтное взаимодействие в терминах алгебры высказываний, необходимо помнить о том,

¹См.: Семенов В.А. «Эсперанто для конфликтологов» (на пути к созданию единой теории конфликта) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Вып. 5.– Том 3. – 2003. – С. 43.

²См.: Там же.

что общее проявляет себя в единичном. Не может существовать «блокировка позиции субъекта» *вообще* и противодействие субъектов в каждом отдельном конфликте. В противном случае мы получим формальную теорию, совершенно неприменимую к анализу реальных конфликтов. Пренебрегая единичными признаками конфликта, мы не сможем управлять им, поскольку не бывает управления *вообще*, – управляя конфликтом, мы воздействуем на его субъектов, каждый из которых обладает набором неповторимых качеств; мы влияем на его динамику, которая также зависит от множества единичных факторов. Не менее важным является выявление особенного в отдельных конфликтах, поскольку именно особенное определяет специфику управления конфликтами определенного класса.

§2. Эпистемологическая специфика общего и единичного

Разработка категорий единичного, общего и особенного имеет длительную историю, начало которой восходит к первым древнегреческим философам. Э.В. Ильенков говорит о том что «наших далеких предков трудно заподозрить в склонности в изобретении «абстрактных объектов» и «конструктов»¹. Общее (всеобщее) предшествует и по существу, и по времени единичному, отдельному, частному, обособленному, выступая в сознании и языке как «синоним телесной субстанции»² в образе воды (Фалес), огня (Гераклит), неделимых частичек (Демокрит). При таком наивно-наглядном представлении еще не ставится вопрос о том, отражает ли всеобщее только реально существующие характеристики бытия или в какой-то мере является следствием познавательного процесса.

Понимание всеобщего как объективного свойственно и Платону, но у Платона оно отрывается от материальной действительности и превращается в особый мир идеальных сущностей, которые выступают причиной всех вещей.

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 274.

² Там же.

При этом платоновская идея – это не просто причина соответствующего рода вещей, но еще и их смысловой образец; идеальная модель вещи порождает эту вещь не только субстанциально, но и логически¹. А.Ф. Лосев формулирует самые общие черты Платоновской идеи следующим образом. Платоновская идея есть *родовое* понятие, то есть обобщение отдельных вещей и их групп, и, следовательно, имеет дело не с вещами, но с логическими абстракциями. Платоновская идея есть не просто обобщение вещей и предметов, но *предельное* обобщение, то есть такое обобщение, дальше которого уже делается невозможным самый процесс абстрагирования. Идея Платона есть смысл, смысловая сущность и определение той или иной вещи, самый принцип ее осмысления, ее порождающая модель, т.е., с одной стороны, идея вещи есть род в отношении вида, с другой стороны, вещь есть функция идеи, поскольку функциональные отношения не есть просто отношения рода и вида, но отношения любой смысловой сложности². Таким образом, идея по Платону – это то самое единое, которое составляет суть многообразия, проявления идеи – суть многое. Категории единого и многого Платон рассматривает в «Пармениде», показывая при этом, что «многое лишь постольку есть многое, поскольку определяет себя как единое»³.

Аристотель, в отличие от Платона, считал, что, несмотря на многообразие действительности, существует некоторое ограниченное число свойств, под которое можно подвести путем обобщения все это многообразие. Категории и есть не что иное, как основные роды бытия, и не они порождают бытие, а бытие находит свое выражение в категориях. Таблицу категорий Аристотель открывает категорией сущности: «И если все в совокупности есть некоторое целое, то сущность есть первая часть его; а если все в совокупности рассматривать как последовательный ряд, то и в этом ряду сущность – первое,

¹ См.: Лосев А.Ф. «Учение» Платона об идеях. – История античной эстетики (т. II). СОФИСТЫ. СОКРАТ. ПЛАТОН. М.: «Искусство», 1969. – С.169–193.

² См.: Там же.

³ Цит. по: Гегель. Энциклопедия философских наук. – Том 1. – Наука логики. – М.: Мысль, 1975. – С. 207.

затем следует качество, потом – количество»¹. В своем первоначальном смысле сущность есть предмет, обладающий самостоятельным бытием, не нуждающийся для своего существования в существовании другого, не находящийся «ни в каком подлежащем»², т.е. бытие единичное (например, отдельный человек). Такое единичное самостоятельное бытие есть субстрат (субстанция).

Особенность субстанции в том, что она может внутри себя самой совмещать противоположные друг другу свойства, но вовне себя не может иметь ничего, что было бы ей противоположно: «... в самом деле, что могло бы быть противоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно»³. Субстанция, или единичное бытие, может выступать в суждении только как субъект этого суждения: сущность в первичном смысле – «это та, которая не говорится ни о каком подлежащем»⁴. Предикат может высказывать нечто о таком субъекте, но сам субъект как единичное бытие ни о чем высказываться не может. Субстанции в этом смысле или значении Аристотель называет первыми сущностями. Первая сущность есть «определенное нечто»⁵, то, что она выражает, «есть нечто единичное и одно по числу»⁶, – вещь индивидуальная, отдельная. Вторыми сущностями Аристотель называет уже не указанные посредством знаков или имен отдельные предметы, а сущности, которые по отношению к этим предметам будут или их видами или их родами: «Вторыми сущностями называются те, к которым как видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле», – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида –

¹ Аристотель. Метафизика. XII. 1069 а 20 // Аристотель. Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1975. – С.300.

² Аристотель. Категории. 5, 2а 10–15 // Аристотель. Сочинения. Т.2. М.: Мысль, 1978. – С. 55.

³ Там же. 3b 25–30. С. 59.

⁴ Там же. 5, 2а 10–15. С. 55.

⁵ Там же. 5, 3b 25–30. С. 59.

⁶ Там же.

живое существо»¹. Если первая сущность не «составляет никакого сказуемого», то «вид сказывается о единичном, а род – и о виде, и о единичном»². Вторые сущности могут быть и подлежащими, но в отличие от первых сущностей они здесь «не нечто одно», а «скорее некоторое качество»³. В качестве родов и видов «вторые сущности» отличаются от «субстанций», или «первых сущностей»: они могут иметь противоположное себе. Так, огонь как «субстанция», или «первая сущность», не имеет в природе ничего, что было бы противоположно ему как огню. Но горячее как «вторая сущность» имеет противоположное себе – холодное. В этом учении о различии «первых сущностей» («субстанций») и «вторых сущностей» (родов и видов, или родовых и видовых свойств) отчетливо отразилось убеждение Аристотеля в первичности единичных вещей природы и вторичности знания о них, выражаемого в общих понятиях. В своей «Физике» Аристотель прямо указывает: «Подлежащее есть начало и, по-видимому, первее сказуемого»⁴. Именно поэтому он утверждает, что начало «не должно быть сказуемым для какого-либо подлежащего»⁵. В отличие от «первой сущности» «вторая сущность» может быть предикатом суждения.

В исследовании проблемы сущности в «Метафизике» Аристотель перечисляет возможные ее воплощения. Он говорит, что «...о сущности говорится если не в большем числе значений, то, по крайней мере, в четырех основных, ибо и суть бытия вещи, и общее, и род считают сущностью всякой вещи, и наряду с ними четвертое – субстрат»⁶. И далее: «так же как субстрат, суть бытия и сочетание их называются сущностью, так и общее»⁷. Обобщая эти два высказывания, мы получаем шесть возможных сущностей:

¹ Аристотель. Категории. 5, 2а 15–20. С. 56.

² Там же. 5, 3а 35–3б. С. 59.

³ Там же.

⁴ Аристотель. Физика. I. VI. 189 а 31–32 // Аристотель. Сочинения. Т.3. – С. 73.

⁵ Там же.

⁶ Аристотель. Метафизика. VII 3 1028 б 30 – 1029 а // Аристотель. Сочинения. Т. 1. – С. 189.

⁷ Там же. VII 12 1038 б 5–10. С. 213.

1) субстрат, – «то, о чем сказывается все остальное, в то время как он уже не сказывается о другом»¹; который «лежит в основе двояким образом: или как существующее определенное нечто – подобно тому, как живое существо есть носитель своих свойств, – или так, как материя есть носитель энтелехии»²;

2) суть бытия, совпадающая с отдельной вещью («знать отдельную вещь – значит знать суть ее бытия»), из чего с необходимостью следует, что «обе они есть нечто одно»³; Аристотель называет такую сущность «чистой», – о ней «сказывают не поскольку она находится в чем-то другом, отличном от нее, т.е. в материальном субстрате»⁴, например, «кривизна и бытие кривизной»⁵), и не совпадающая с вещью, если она «обозначается как привходящее» («бледно и то, чему случается быть бледным, и само привходящее свойство»⁶) или дана как материя;

3) то, что состоит из сути бытия и субстрата;

4) всеобщее;

5) общее, – «то, что по своей природе присуще больше чем одному»⁷;

6) род.

Все эти возможные воплощения проходят у Аристотеля испытание критерием сущности: «существовать отдельно и быть определенным»⁸. Единичная вещь по Аристотелю – не сущность, поскольку ей нельзя дать определения. Род, общее и всеобщее подходят к роли сущности по второму критерию, но не подходят по первому. Что касается родов, то они не существуют помимо видов. В этой же связи им рассматривается вопрос и о самостоятельном существовании общего. Поскольку «одно в одно и то же время не может быть во многих местах, между тем как общее многим бывает в одно и то же время во многих местах», то «ничто общее не существует

¹ Аристотель. Метафизика. VII 3 1028 b 30 – 1029 a. С. 189.

² Там же. VII 13 1038 b 5–10. С. 213.

³ Там же. VII 3 1031 b 15–20. С. 197.

⁴ Там же. VII 3 1037 b 1–5. С. 211.

⁵ Там же.

⁶ Там же. VII 3 1031 b 15–20. С. 197.

⁷ Там же. VII 13 1038 b 10–15. С. 213.

⁸ Там же. VII 3 1029 a 25–30. С. 191.

отдельно, помимо единичных вещей»¹, так «...не существует какого-либо «живого существа» помимо отдельных живых существ»². Таким образом, по Аристотелю общее обозначает «не «вот это», а «такое то»³ и «ничто высказываемое как общность не есть сущность»⁴. Здесь Аристотель решительно расходится с Платоном и академиками, у которых идеи, объединявшие род, общее и всеобщее, как раз и были наделены отдельным существованием: «Треугольник, квадрат, параллелограмм, – общее в них, – «фигура вообще» – есть пустое создание мысли, есть лишь абстракция. Напротив, треугольник есть первая фигура, истинно всеобщее, которое встречается также и в четырехугольнике, как сведенная к простейшей определенности фигура. Таким образом, с одной стороны, треугольник стоит наряду с квадратом, пятиугольником и т.д., но с другой стороны он есть подлинно всеобщая фигура»⁵. Аристотель, таким образом, различает подлинное и «пустое» (абстрактное) всеобщее, которое реально само не существует, подлинное же всеобщее реально как особенное, единичное, как сущее для другого.

Учение Аристотеля стало базой для философских течений номинализма и средневекового реализма. В соответствии с идеями номинализма (И. Росцелин, У. Оккам) всеобщие понятия (универсалии) не имеют вне мышления никакого действительного прообраза, представляя собой только субъективные формы мысли. В рамках номиналистической концепции реально существует лишь единичное, общее «представляет собой лишь «пустой звук», «сотрясение воздуха»⁶. По мнению У. Оккама «весь мир состоит из единичных вещей, а все

¹ Аристотель. Метафизика. VII 16 1040 b 25. С. 220.

² Там же. VII 13 1038 b 30–35. С. 214.

³ Там же.

⁴ Там же. VII 13 1041 a 1–5. С. 220.

⁵ Гегель. Собрание Сочинений. В 14 томах. Т. 10. Лекции по истории философии. Книга вторая. – М.: Партийное изд-во, 1932. – С. 272–273.

⁶ Шептулин А.П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития. – М.: Знание, 1980. – С. 33.

познание сводится к внешнему и внутреннему опыту»¹. Последователи крайнего номинализма считают универсалии лишь языковыми обозначениями, именами: «всеобщее имеет свое наличное бытие (свою реальность) только в виде «логоса», в виде значения слова, термина, знака языка»². Сторонники умеренного номинализма (или концептуализма) утверждают, что универсалии являются самостоятельными мыслительными формами, но, в отличие от крайнего номинализма, не отрицают, что им соответствует нечто в реальной действительности (П. Абеляр).

Номинализм – предшественник эмпиризма, представитель которого Дж. Локк понимает всеобщее только как абстрактное, словесное выражение сходства явлений, познание же «может только разлагать данные ему конкретные предметы на их абстрактные элементы и рассматривать затем последние в их изолированности»³. В реализме, напротив, принимается утверждение о реальности всеобщих понятий (Ансельм Кентерберийский, Гильом из Шампо, Фома Аквинский).

Основоположник рационализма Р. Декарт, основываясь на представлении о логическом совершенстве математических построений, говорит о том, что в природе существует единый порядок, охватывающий столь разнородные вещи, как числа и фигуры, звезды и звуки, – все, что только доступно человеческому уму. Такой порядок Декарт предлагает мыслить в категориях причины и следствия: «все вещи могут быть выстроены в некие ряды, хотя и не постольку, поскольку они относятся к какому-либо роду сущего, подобно тому, как философы распределили их по своим категориям, но поскольку одни из них могут быть познаны на основании других...»⁴. Во всяком ряде связанных между собой вещей, гласит ключевой постулат «Универсальной Математики» Декарта, всегда имеется одна, образующая основание или причину всех прочих

¹ Краткая философская энциклопедия / Редакторы-составители Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблев, В.А. Лутченко. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С. 316.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 274.

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики. С. 413.

⁴ Цит. по: Майданский А.Д. Логический метод Р.Декарта и Б.Спинозы: Монография. – Таганрог: Из-во ТРТУ, 1998. – С. 10.

вещей данного ряда. Эти вещи-основания Декарт называет «абсолютными» вещами. Все прочие («относительные») вещи представляют собой своего рода модусы «абсолютных» и постигаются только посредством «соотнесения с абсолютным и выведения из него»¹. От того, насколько точно (достоверно) определено исходное основание, зависит достоверность понимания всего ряда относительных вещей, поэтому абсолютную вещь всегда следует рассматривать прежде относительных. Абсолютная вещь образует «чистую и простую природу», к которой в той или иной мере причастны все вещи данного ряда. При этом объединяет их в ряд не формальное сходство каких-либо признаков, а общее происхождение, начало которому дает абсолютная вещь. Именно из нее появляются все более конкретные образования, причем в строго определенной последовательности, и каждый следующий элемент ряда имеет некое свойственное лишь ему одному «отношение». Необходимо «различать все эти отношения и следить за их взаимной связью и их естественным порядком, так, чтобы, начав с последнего из них, мы смогли, пройдя через все другие, достичь того, что является наиболее абсолютным»².

Таким образом, в учении об абсолютных вещах Декарта мы встречаемся с прообразом диалектической идеи о конкретном всеобщем, которое проявляет себя в виде простой единичной вещи, образующей причину или основание бытия ряда других единичных вещей. При этом логический порядок познания единичных вещей не совпадает с порядком их реального существования. Всякая единичная вещь, получая свое существование от какой-либо другой единичной вещи, дает, в свою очередь, существование новому ряду вещей. Человеческий разум интересуется не только описанием бесчисленных обстоятельств существования вещи, ему в большей степени интересно, почему вещь существует так, а не иначе. А это невозможно понять, не зная «чистых и простых природ», лежащих в основании единичных вещей и определяющих закономерность их существования. Такими природами материальных вещей

¹Майданский А.Д. Логический метод Р. Декарта и Б. Спинозы. С. 11.

²Цит. по: Там же. С. 10.

Декарт считает фигуру, протяжение, движение, а «природами» вещей интеллектуальных – знание, волю, сомнение и т.п. Эти открываемые разумом «природы» не существуют отдельно, но обнаруживаются только через посредство единичных вещей¹.

Для Б. Спинозы процесс познания состоит из нескольких ступеней. Мир, как совокупность «единичных или отдельных вещей», постигается чувственным, опытным знанием, низшей разновидностью знания. Вторая ступень познания – это понимание, которое основывается на рассудке и разуме. И только интуитивно-дедуктивное знание способно к постижению мира в его целостности². Единичные изменяющиеся вещи – это вещи, обладающие наличным бытием «здесь и теперь», «эти вот» вещи. Человеческий интеллект, пишет Спиноза, «не в состоянии охватить и постичь «порядок существования или последовательный ряд (~вереницу, series) единичных изменяющихся вещей» вследствие их превосходящей всякое число множественности и бесчисленных обстоятельств, всякое из которых прямо или косвенно служит причиной бытия или небытия «вот этой» отдельной вещи»³. Однако, этот порядок существования не дает ничего, кроме определений посредством рода и видового отличия, а «это все далеко отстоит от сокровенной сущности вещей»⁴, которую надлежит искать только в постоянных и вечных вещах и вместе с тем в законах, «начертанных в этих вещах, как в своих истинных кодексах, следуя которым все единичное осуществляется и упорядочивается»⁵.

Г.В. Лейбниц в своем учении о мире как системе индивидуальных и неповторимых субстанций-монад говорит о том, что нигде не бывает совершенного сходства, поскольку разным вещам, являющимся по сути проявлениями разных монад, присущи неизбежные различия не только в характере возникновения, но и в истории изменения и развития. Все монады

¹Майданский А.Д. Логический метод Р. Декарта и Б. Спинозы. С. 12.

²См.: История диалектики XIV–XVIII вв. – М.: Мысль, 1974. – С.153.

³ Цит. по: Майданский А.Д. Логический метод Р.Декарта и Б.Спинозы. С. 33.

⁴Там же.

⁵Там же. С. 34.

суть представляющие силы, и каждая из них определенным особенным образом отражает весь мир, универсум. Монады Лейбница бесконечно малы, неисчерпаемы, вечны и им присуще упорное стремление реализовать себя в деятельности. Но деятельность монад состоит не просто в том, чтобы представлять собой нечто иное, внешнее. Каждая монада стремится к бесконечному саморазвитию, вечному прогрессу. Периодически отбрасываемая от своих достижений вспять периодами «свертывания», она каждый раз после некоторого отступления стремится вперед, изменяясь в себе самой¹. Благодаря этому простая субстанция различается во множестве своих модусов, не утрачивая изначального единства и простоты. Она отрицает всякое внешнее и полагает его как свое, как различие в себе самой, в единой субстанции. Таким образом, все многообразие в мире пронизано внутренним единством, и монада есть живая форма конкретно-всеобщего содержания, – единого в своем многообразии и многообразного в своем единстве.

Г.В.Ф. Гегель различает «абстрактно всеобщее», как фиксированное в словах тождество явлений (их простое сходство), и подлинное, «конкретно всеобщее», понимаемое, как внутренняя сущность, закон существования и изменения явлений. В то же время подлинно всеобщее, по Гегелю, предстает в виде идеи, понятия, т.е. как нечто духовное. При этом отличие подлинной всеобщности от чисто формального отвлечения состоит в том, что, с одной стороны, «подлинно всеобщее само существует в виде особенного, т.е. как эмпирически наличная во времени и пространстве (вне головы человека) данная и в созерцании воспринимаемая реальность»². С другой стороны, подлинное всеобщее нужно мыслить «уже совершенно очищенным от всех остатков «вещества чувственности», «чувственной материи», как бестелесную схему деятельности «духа»³. Таким образом, «подлинно всеобщее» у Гегеля

¹См.: История диалектики XIV–XVIII вв. С. 185–211.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 282.

³ Там же. С. 283

есть особенное всеобщее, а эта особенность, «как отличное от другого особенного, есть единичность»¹.

Если у Гегеля категории – это основные и всеобщие определения действительности, то И. Кант полагает необходимым создание «трансцендентальной» логики, предметом которой должен быть класс суждений, обладающих строгой всеобщностью, являющихся доопытными, априорными. Но признание существования «вещей в себе», необходимых для чистых рассудочных понятий, очищенных от всякого рода единичности, потребовало решения проблемы предметности мышления. Вводя понятие «схемы», он говорит о единстве единичного и всеобщего, связанного с тем, что именно схема «рождает способность всеобщего как категории приобретать «объективную реальность», т.е. применяться к индивидуальному, к предметам»².

Исходным положением анализа проблемы возникновения и сущности категорий в марксистской философии, в том числе и категорий общего и единичного, является характеристика роли философии в обществе, данная Марксом в одиннадцатом тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»³. Именно пытаясь объяснить существующий мир, все прежние философы стремились вначале разрабатывать гносеологические проблемы, построить свою схему процесса познания, а уже затем, опираясь на нее, создавали теории в различных сферах человеческих знаний и практической деятельности. В марксизме категории единичного, особенного и всеобщего рассматриваются как средство отражения объективных связей бытия. К. Маркс называет взаимосвязь между производством, распределением, обменом и потреблением правильным силлогизмом, в котором производство составляет всеобщность,

¹ История диалектики. Немецкая классическая философия / [редкол. А.С. Богомолов и др.]. – М.: «Мысль», 1978. – С. 20.

² Там же. С. 76.

³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений: в 50 т. – Т. 3. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. – С. 4.

распределение и обмен – особенность, а потребление – единичность, замыкающую собой целое (хотя и отмечает при этом поверхностность такой связи): «Производство определяется всеобщими законами природы, распределение — общественной случайностью, и его влияние на производство может поэтому быть или более благоприятным, или менее благоприятным; обмен находится между ними обоими как формально общественное движение, а заключительный акт – потребление, рассматриваемое не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, ... оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу»¹.

Всеобщее в марксистской диалектике – это такая связь материальных явлений в составе некоторого целого, при которой все его компоненты «родственны» не в силу того, что все они обладают одним и тем же признаком, а в силу единства генезиса, в силу того, что все они возникли в качестве многообразных модификаций одной и той же субстанции, имеющей вполне материальный (т.е. независимый от мысли и слова) характер. «Форма всеобщности в природе, – пишет Энгельс, – это закон... Форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное»². Раскрывая объективную связь вещей и явлений мира с помощью категорий единичного, особенного и всеобщего, материалистическая диалектика говорит о том, что всеобщее воплощает в себе все богатство индивидуального, отдельного, что единичное не существует без всеобщего, а последнее без единичного, что в известных условиях единичное не только связано с всеобщим, но и переходит в него. Концептуально-методологический принцип познания Ф. Энгельс формулирует следующим образом: «...всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из

¹Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс и Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений: в 50 т. – Т. 46, ч.1. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1968. – С. 31.

²Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений: в 50 т. – изд. 2-е. – Т. 20. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. – С. 549.

единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное – в преходящем»¹.

Объективная связь явлений, существующая независимо от нашего знания о ней, вместе с тем находит свое выражение в языке и формах исследования объектов, поскольку они формируются в ходе практической, материальной деятельности в объективном мире и несут на себе черты этого мира. Теоретический анализ и реконструкция этих связей с помощью понятий имеют огромное значение для практики, которая, имея дело с единичными объектами в специфических условиях, направляется знанием всеобщих законов, действующих в этих объектах как тенденция, и учитывает особенности, определяемые конкретными условиями. Так, «есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *всеобщие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»².

В.И. Ленин, конкретизируя и обобщая эти положения К. Маркса и Ф. Энгельса, предлагает краткую, но отражающую главное содержание формулировку: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)...»³. При этом Ленин называет бессмысленной

¹Энгельс Ф. Диалектика природы. С. 548.

²Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение. С. 31.

³Ленин В.И. К вопросу о диалектике // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. – изд 5. – Т. 29. Философские тетради. – М.: Политиздат, 1969. – С. 318.

попытку «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений»¹.

Рассмотрим, как описываются сущностные аспекты категорий единичного, особенного и общего в современной диалектике. Понимание особенного и общего обуславливается определенной концепцией единичного, которое рассматривается обычно как исходный пункт движения к общему. Содержание категории единичного раскрывается с помощью нескольких групп понятий: отдельное, отграниченное, дискретное, изолированное, автономное, обособленное, отличающееся (отличное) от другого, неповторимое, индивидуальное².

В соответствии с одной из точек зрения «единичное – это отдельный предмет, отдельное явление, процесс, событие, имеющее место в природе и обществе»³. Под единичным авторы данного определения понимают также «понятие о реальном единичном факте» или «мысль об этом факте»⁴. Отождествление единичного и отдельного имеет место также в работах Е.Д. Клементьева, В.П. Степанова, В. Касенова, Б.С. Сладкова⁵. Критикуя данную точку зрения, А.П. Шептулин говорит о том, что она возможна только в рамках номиналистической концепции единичного и общего, в соответствии с которой «отдельные чувственно-конкретные вещи всецело единичны»⁶. По его мнению, отдельные предметы единичны, поскольку каждый из них имеет свои неповторимые черты. Но эти, присущие только одному предмету, черты не исчерпывают его содержания. Каждый предмет наряду с неповторимым имеет

¹ Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Политиздат, 1967. – С. 142.

² См.: Рыбаков Н.С. О смысле всеобщего [Электронный ресурс]. – URL: http://filial.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_32.pdf. (дата обращения 01.11.2013)

³ Категории материалистической диалектики / Под ред. М.М. Розенталя и Г.М. Штракса. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. – С. 280.

⁴ Там же.

⁵ Шептулин А.П. Категории диалектики как ступени познания. – М.: Наука, 1971. – С. 108.

⁶ Шептулин А.П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития. С. 33.

повторяющееся, вследствие чего «отдельное нетождественно единичному», – «отдельное богаче единичного»¹.

Разделяя точку зрения А.П. Шептулина, Н.С. Рыбаков считает, что если считать единичное отдельным, которое обладает самостоятельным бытием и отличается от другого отдельного, то при отыскании признаков неповторимости отдельного происходит подмена единичного индивидуальным. Но «категория индивидуального, совершенной формой которого является уникальное, внешне очень близка к единичному, но не тождественна ему и не может подменять его»², в связи с чем сводить единичное к индивидуальному неправомерно. Единичный объект (процесс, признак) – один из многих и никакой неповторимости, индивидуальности, уникальности за единичным не скрывается. Единичное – не просто одно из многих, но такое одно, которое является минимально общим.

В большинстве случаев общее определяется как сходное, повторяющееся, инвариантное. М.Г. Макаров добавляет еще два смысловых оттенка общего: 1) тождественный признак всех элементов некоторого множества; 2) само множество как общность, связанная в единое данным признаком³. Некоторые авторы говорят о разнообразии видов существования и проявления общего в действительности, что свидетельствует об отсутствии единообразного способа воплощения общего, в итоге чего общее оказывается не только сходным и повторяющимся, устойчивым, но и текучим, подвижным. Это отражается в категориях общего-случайного и общего-необходимого, общего-внутреннего и общего-внешнего, общего-существенного и общего-несущественного, общего по форме и общего по содержанию⁴. Стремление разобраться в сущности этой категории приводит к построению двух

¹ Шептулин А.П. Категории диалектики как ступени познания. С. 109.

² См. Рыбаков Н.С. О смысле всеобщего [Электронный ресурс]. – URL: http://filial.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_32.pdf. (дата обращения 01.11.2013)

³ См.: Макаров М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. – Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1988. – С. 90.

⁴ См.: Рыбаков Н.С. О смысле всеобщего [Электронный ресурс]. – URL: http://filial.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_32.pdf. (дата обращения 01.11.2013)

содержательно разных концепций общего. Г.Д. Левин пишет, что в основе разных пониманий общего лежат две различные теории – сходства и тождества. Для определения общего в первом случае ключевым является понятие сходства («такой же самый»), во втором – понятие тождества («тот же самый»). При этом он говорит о многозначности термина тождества: «тождество» \equiv «сходство» \equiv «абсолютное сходство» \equiv «единство»¹. В дальнейшем мы будем использовать термин «тождественный» в том же значении, что и Г.Д. Левин: «если объект А тождественен объекту В, то А есть тот же самый объект, что и В, если объекты А и В нетождественны, то А и В – это два разных объекта»², следовательно, существует сходство нетождественных объектов.

В соответствии с традиционной теорией общего, – теорией сходства (К.С. Бакрадзе, Е.К. Войшвилло, Д.П. Горский, А.П. Шептулин), – «общее – это признак реального, существующего в пространстве и времени объекта, находящегося в отношении сходства к признаку по крайней мере еще одного объекта определенного, фиксированного класса»³. При этом «общее» и «сходное» – не синонимы. Общее – это общее чему-то с чем-то. Если признак предмета А сходен с признаком предмета В, его называют общим. Общим можно назвать только то, что существует на базе носителя (признака или предмета). Сходство самостоятельно существующих объектов не есть их общность⁴.

Обобщая данные дефиниции, получаем: множество сходных признаков равномошно множеству их носителей, а общий признак – один на все множество обладающих определенным сходством признаков. В связи с чем Г.Д. Левин задается вопросом: разум человека – это сходный признак (сколько людей, столько разумов) или общий (разум один на всех)⁵? Возможно, для ответа на этот вопрос целесообразно считать общим признаком – не что-то

¹ Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 36.

² Там же.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 43.

«одно на всех», а свойство класса эквивалентности сходных признаков (признаки будут принадлежать одному и тому же классу, если находятся в отношении сходства, в противном случае они будут принадлежать различным классам). Тогда «быть разумным» можно считать свойством класса признаков разумности, свойственных различным людям.

Ж.М. Абдильдин и А.Н. Нысымбаев говорят об ограниченности значения такого общего в научно-теоретическом познании. Если общий признак выявляется посредством сравнения одной единичности данного класса с другими, то «такое общее выполняет функцию отличия одного класса (вида) предметов от другого класса и играет роль некоторого субстрата (некоторой основы) для классификации предметов и явлений»¹, в то время как цель познания «не в том, чтобы научиться отличать один предмет от другого, а в теоретическом воспроизведении его как живого целого»².

Э.В. Ильенков, один из представителей «теории связи», считает, что общее не просто отлично от сходного, а противоположно последнему. В своей «Диалектической логике» он говорит о том, что «конкретное (эмпирически очевидное) существо связи, объединяющей различных индивидов в некоторое «одно», в общее множество, выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке, не в том определении, которому одинаково свойственно и тому, и другому. Скорее такое единство (общность) создается таким признаком, которым один индивид обладает, а другой нет»³. Однако, установление связи между объектами не противоречит выявлению сходства и различия между ними. Более того, по мнению Г.Д. Левина, «сходство в ряде случаев может быть более существенным, чем связь, которая может быть понята лишь на его основе»⁴.

¹ Абдильдин Ж.М., Нысымбаев А.Н. Диалектико-логические принципы построения теории. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1973. – С. 89.

² Там же. С. 90.

³ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 273.

⁴ Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 26.

Г.Д. Левин видит реальный смысл дискуссии между сторонниками теорий сходства и связи в том, что она представляет собой форму осознания философской проблемы взаимосвязи категорий «единичное» и «общее» с категориями «часть – целое» и «абстрактное – конкретное», характеризуя теорию сходства как «инструмент материальной, практической деятельности людей, имеющей дело с индивидуальными предметами и индивидуальными признаками этих предметов...», а теорию тождества, – как «инструмент теоретического анализа, относящегося к классам признаков и их носителей»¹.

В четвертом издании «Основ марксистско-ленинской философии» предпринята попытка объединения этих двух позиций в отношении категории «общее», которое, по мнению авторов, «отражает сходство свойств, сторон объекта», а также связь между элементами, частями данной системы, а также между различными системами². Однако механическое соединение в одном предложении терминов «сходство» и «связь» данной проблемы, по нашему мнению, не решает.

Иногда для раскрытия сущности отдельного вводятся понятия «это сходное» и «сходное вообще». Первым шагом в этом процессе является наблюдение и описание некоторой совокупности отдельных. Затем в результате абстракции выделения, позволяющей отбросить в отдельных единичное и выделить сходное, появляется совокупность эмпирических представлений, объективным аналогом которых является множество сходных, отличающихся только положением в пространстве, времени или тем и другим одновременно³. То есть, на уровне чувственного познания класс сходных объектов воспринимается как класс объектов, каждый из которых занимает строго определенное положение в пространстве и времени.

¹ Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 18.

² Основы марксистско-ленинской философии. Учебник / Богомолов А.С., Гак Г.М., Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., и др. – 4-е изд., перераб. – М.: Политиздат, 1977. – С. 112.

³ См.: Материалистическая диалектика. В 5-ти т. – Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. Ф.Ф. Вяккерев. – М.: Мысль, 1981. – С. 122.

Если же происходит отвлечение от пространственно-временных различий между сходными в процессе абстракции отождествления, то формируется эмпирическое понятие, объективным аналогом которого называют сходное *вообще*¹. Оно присуще множеству отдельных объектов безотносительно к пространственно-временным различиям между ними, не имеет какой-либо локализации в пространстве, т.к. может актуально существовать в различных его частях. Таким образом, класс сходных объектов «склеивается» в один предмет в результате замены отношения сходства на отношение тождества. В результате «отождествления нетождественного»² имеем цепочку превращений: «класс сходных предметов» → «класс тождественных предметов» → «один общий предмет» → «общее понятие»³. Сходное *вообще*, в отличие от *этих* сходных, не может взаимодействовать с нашими органами чувств ни прямо, ни косвенно, следовательно, оно принципиально ненаблюдаемо. В то же время содержание его наглядно, ибо совпадает с содержанием эмпирических представлений о сходных объектах.

Итак, чтобы на месте класса сходных предметов «увидеть» один общий предмет, необходимо:

- 1) абстрагироваться от всех признаков этих предметов, за исключением того, по которому они сходны;
- 2) отождествить каждый такой признак с каждым из его носителей;
- 3) абсолютизировать сходство возникших при этом абстрактных предметов;
- 4) заменить это абсолютное сходство тождеством⁴.

Таким образом, эмпирическое понятие возникает в результате отождествления признака с предметом и отражает признак в единстве с его носителем.

¹ Материалистическая диалектика. Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. С. 123.

² Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 99.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 101.

Если эмпирическое понятие отражает объективно существующее сходное *вообще*, то объяснить понятие с помощью того же сходного *вообще*, – значит допустить порочный круг, так как отдельное содержит в себе *это* сходное, а понятие – сходное *вообще*. Для избегания этой тавтологии материалистическая диалектика рассматривает категорию общего как составной части основания отдельного, которым называют «содержание, отличающееся от сходного вообще, но обладающее тем же способом существования»¹.

В результате абстракции замещения эмпирическое содержание сходного вообще заменяется неэмпирическим содержанием, которое также присуще множеству отдельных объектов безотносительно к пространственно-временным различиям между ними, образуя теоретическое понятие, объективным аналогом которого и является основание. Специфика основания состоит в том, что оно и принципиально ненаблюдаемо (как сходное вообще), и принципиально ненаглядно. Основание есть единство общего и специфического.

Г.Д. Левин характеризует процесс перехода к теоретическому понятию как процесс отождествления предмета с признаком, в результате которого предмет начинает мыслиться как признак, для чего необходимо:

- 1) абстрагироваться от всех признаков сходных индивидуальных предметов, принадлежащих одному и тому же классу, кроме одного (выделяемого);
- 2) абсолютизировать сходство оставшихся признаков;
- 3) отождествить каждый из носителей такого признака с самим этим признаком;
- 4) заменить абсолютное сходство тождеством².

В результате абстрактное (теоретическое) понятие отражает признак «в чистом виде»³.

¹ Материалистическая диалектика. Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова С. 126.

² См.: Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 103.

³ Там же. С. 54.

Выявляя единичное и общее, мы сравниваем отдельное материальное образование с другими. Очевидно, что при таком сопоставлении сходство свойств и признаков может оказаться случайным, а может быть таковым в силу необходимости или закономерности. Так наряду с категорией «общее» появляется категория «всеобщее». Авторы «Категорий материалистической диалектики» называют всеобщим объективно существующую «общность черт, свойств, признаков единичных предметов и явлений объективной действительности, сходство отношений, связей между ними»¹. При этом термин «всеобщее» далее заменяется термином «общее» и понимается как повторяемость в единичном, а также как группа или «класс предметов, характеризующих общими для них признаками»². Итак, «всеобщее» ≡ «общее» и «общее» ≡ «общность» (сходство), т.е. «общее» ≡ «отношение сходства». В то же время «общее» ≡ «группа (класс)», т.е. множество объектов. Таким образом, в соответствии с данной концепцией, общее (всеобщее) – это одновременно и множество элементов и отношение между ними, что, на наш взгляд, является логической ошибкой.

По мнению же Н.С. Рыбакова, всеобщее и общее качественно отличны друг от друга: первое не является продолжением второго в смысле максимальной степени общности: «субстрат общего – сходное, субстрат всеобщего – свернутость многих в одно, то есть завершенность»³.

Среди тех, кто не ставит знака равенства между общим и всеобщим также существуют различные точки зрения, нашедшие свое отражение в теориях сходства и тождества. В соответствии с одной из них общее-сходное абстрактно, и его нужно дополнить конкретно-всеобщим (А.С. Богомолов, В.В. Давыдов, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, М.М. Розенталя), в соответствии с другой (традиционной, или теорией сходства) общее-сходное конкретно, и его

¹ Категории материалистической диалектики / Под ред. М.М. Розенталя и Г.М. Штракса. С. 280.

² Там же.

³ См.: Рыбаков, Н.С. О смысле всеобщего [Электронный ресурс]. – URL: http://filial.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_32.pdf. (дата обращения 01.11.2013)

не нужно ничем дополнять. Традиционная теория говорит о том, что общее – это повторяющееся в материальных образованиях, оно, наряду с единичным, является стороной отдельного, и вне отдельного не существует. Общее неодинаково, некоторые повторяющиеся свойства и связи случайны, другие необходимы. В первом случае мы имеем общее, во втором – всеобщее. Таким образом, «общее-случайное» ≡ «общее»; «общее-необходимое» ≡ «всеобщее». Признак, сходный с признаками всех объектов этого класса называют всеобщим¹, в свою очередь всеобщее может рассматриваться в рамках определенного круга физических явлений, живых систем или сфер общественной жизни или, охватывая все материальные образования быть подлинно всеобщим².

В.В. Давыдов называет всеобщим «реальность внутри себя многократно и многообразно расчлененную на особенные (отдельные) сферы, взаимно друг друга дополняющие, друг от друга, по-существу, зависящие и потому сцепленные взаимно узами общности происхождения...»³.

Э.В. Ильенков описывает категорию всеобщего следующим образом: Всеобщее – это «закономерная связь двух или более особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного, реального, а отнюдь не номинального единства»⁴. Всеобщее, по Ильенкову, невозможно выявить в составе особенных индивидов путем формальной абстракции (путем выявления одинакового, тождественного в них). Переводя на язык логики афоризм Маркса о том, что «... сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁵, Ильенков говорит о том, что всеобщие определения, выражающие сущность рода, бесполезно искать в ряду тех абстрактно-общих признаков, которыми обладает каждый отдельный

¹ См.: Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 9.

² См.: Шептулин А.П. О сущности всеобщего / А.П. Шептулин // Философские науки. – 1984. – №1. – С. 36.

³ Цит. по: Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 14.

⁴ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 273.

⁵ Цит. по: Там же. С. 279.

представитель данного рода: «сущность человеческой природы вообще можно выявить только через научно-критический анализ «всей совокупности», «всего ансамбля» социально-исторических отношений человека к человеку, через конкретное исследование закономерностей, в русле которых в действительности протекал и протекает процесс рождения эволюции как человеческого общества в целом, так и индивида»¹. Всеобщее в однородных явлениях внешним образом может выражаться столь же хорошо и в виде различий, даже противоположностей, «делающих особенные явления дополняющими друг друга компонентами целого, вполне реального «ансамбля», а не аморфного множества единиц, зачисленных сюда на основании более или менее случайного признака»².

Если абстрактно-всеобщее можно представить как просто умственное отвлечение, то конкретно-всеобщее проявляется в качестве формы взаимодействия особенных субъектов во всем их многообразии. Как таковое, оно и воплощает, заключает в себе, в своей конкретной определенности все богатство особенного и единичного. Всеобщее обнаруживает себя именно *в особенностях*, в индивидуальных характеристиках всех без исключения компонентов целого.

Понятие сходного опирается на понятие многого, поскольку для выявления сходства необходимо одно и другое, не совпадающее с первым, но два одних образуют многое. Многое же и есть сущностное выражение общего. Движение от единичного (одно – одно) к общему (многое – многое) осуществляется через особенное, которое по своему смыслу есть отношение типа «одно – многое». Особенное предстает как промежуточная ступень между единичным и общим, оно есть и способ связи единичного с единичным (одного с разными другими), и способ существования общего в единичном (многого в одном). Именно через особенное в вещь (предмет, процесс) «внедряются» отличительные, неповторимые черты.

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 279.

² Там же. С. 276.

Особенное зачастую определяется как «группа» предметов или явлений, которая «являясь общим, в то же время входит в другую, более общую группу, и в этой группе является уже отдельным, единичным, частью более широкого целого»¹.

Особенное – это также «круг»² предметов, а по сути, их множество, которое является одновременно и всеобщим и единичным, являясь подмножеством другого множества. Однако, при таком подходе к пониманию особенного оно может быть выделено лишь тогда, когда существует расширение некоторого множества объектов. Если на определенном этапе развития знания о некоторых предметах или явлениях окружающей нас действительности может быть определена следующая цепочка расширений $N_1 \subset N_2 \subset \dots \subset N_{i-1} \subset N_i$, то ни N_1 , ни N_i не могут быть особенным.

А.П. Шептулин под особенным понимает то, что отличает материальные образования от тех, с которыми их сравнивают. Таким образом, при выделении единичного и общего один объект сравнивается со всеми другими, а при выделении особенного объект сравнивается с частью других объектов³.

Итак, особенное – это, что лежит в основе движения от единичного (одно – одно) к общему (многое – многое). Но суть особенного этим не ограничивается, поскольку в отношении «одно – многое» содержится ряд отношений единичности (одно относится к разным одним). Оно, следовательно, есть соотнесенность многих единичных, каждое из которых существует наряду с другими, а, значит, не имеет единообразной формы отнесения одного ко многому. Именно на уровне особенного проявляется разнообразие мира, которого «еще нет на уровне единичного, а на уровне общего оно исчезает за сходным, одинаковым»⁴.

¹ Категории материалистической диалектики / Под ред. М.М. Розенталя и Г.М. Штракса. С. 281.

² Там же.

³ Шептулин А.П. Категории диалектики как ступени познания. С. 109.

⁴ Рыбаков Н.С. Возвращение к диалектике//Преподавание философии: проблемы дидактики и содержания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.– Калуга, 2000. С. 39–55.

Обобщая различные подходы к описанию сущностных аспектов категорий единичного, особенного, общего и всеобщего, Г.Д. Левин называет следующие варианты деления признаков на единичные, особенные, общие и всеобщие:

1. Трихотомическое деление:

Единичное – признак, **отличный** от признаков **всех** предметов фиксированного класса.

Всеобщее – признак, **сходный** с признаками **всех** предметов этого класса.

Особенное – признак, сходный с одними и отличный от других¹.

2. Дихотомическое деление:

Единичное – признак, **отличный** от признаков **всех** предметов фиксированного класса.

Всеобщее – признак, **сходный** с признаками **всех** предметов этого класса.

Общее – не единичное.

Особенное – не всеобщее².

Или: единичное – присущее одному, общее – не одному, всеобщее – всем, особенное – не всем. В дальнейшем мы будем придерживаться данного подхода к делению признаков на единичные, особенные, общие и всеобщие

Исторически познание развивается от единичного к общему, от осознания объекта как отдельного, выявления его сходства с другими объектами, выделения на основе этого сходства признаков, общих для той или иной группы объектов (выше нами было описано движение от единичного к общему в процессе возникновения у субъекта представлений о конфликте). Данная закономерность прослеживается и применительно к научному познанию, хотя в этом случае у познающего субъекта уже сформированы определенные общие понятия. В результате такого движения возникает «мир общих признаков и

¹ Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 41.

² Там же.

общих предметов»¹, и чем более общим является приобретенное субъектом знание об изучаемом предмете, тем большую пользу оно принесет для практической деятельности. Движение от единичного к общему является лишь первой стадией в процессе познания окружающей действительности. Оно не приводит к постижению сущности изучаемого, а лишь закрепляет в понятиях то общее, которое существует в отдельном. При этом возможны ошибки и неточности в абстрагирующей деятельности мышления, поскольку знание единичного и общего касается лишь внешних сторон, свойств и связей объекта. Для раскрытия сущности необходимо движение от общего к особенному и единичному. На данной стадии познание посредством общего проникает внутрь явлений, объясняет особенное и раскрывает сущность отдельного во всем многообразии его единичных признаков. Задача движения от общего к единичному заключается, следовательно, в том, чтобы сделать общую теорию пригодной для практических действий с отдельными индивидуальными объектами, общую методологию превратить в методы прикладных исследований изучаемых процессов и явлений.

Итак, материя «является» нам в самых разнообразных формах, эти формы играют роль объективных явлений лишь в том случае, когда они выступают как нечто отдельное (индивидуальное)². Одним из явлений, играющих ключевую роль в жизни человека, начиная с момента появления его на свет, является конфликт. Всякое отдельное так или иначе связано с другим отдельным. Так, любой конфликт происходит в определенном месте и в определенный промежуток времени, имеет свойственный только ему состав участников (субъектов конфликта). Субъекты, будучи отдельными, взаимодействуют друг с другом, при этом характер такого взаимодействия опосредован их целями и мотивами, которые, в свою очередь, зависят от того, в какой среде развивается данный конфликт и в какой исторический период он происходит. Изменения,

¹ Левин Г.Д.. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. С. 161.

² См.: Материалистическая диалектика. Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. С. 113.

как результат воздействия одного отдельного на другое, носят особый, неповторимый характер и становятся индивидуальными, единичными свойствами отдельных явлений. В результате каждый конфликт может быть охарактеризован рядом неповторимых (единичных) признаков, относящихся к субъектам конфликтного взаимодействия, мотивам, которыми они руководствуются, а также к причинам его возникновения и этапам развития. Если в конфликте один из участников заменяется новым, то и конфликт изменяется, начинается новый конфликт, поскольку интересы и цели сторон в отдельном межличностном конфликте индивидуализированы.

Всякое единичное в конфликте является в некоторой степени сходным. Человек А уникален и неповторим, но он носитель стратегий и тактик конфликтного поведения, которые могут быть присущи другим людям, в частности, конкретному человеку В. Например, выявлено влияние некоторых акцентуаций характера личности на выбор стратегии поведения в конфликте: так, преобладание психастенической формы акцентуации характера способствует выбору приспособления и сотрудничества¹. С другой стороны, всякое сходное – есть сторона единичного. Стратегия поведения в конфликте, как сходное для личностей одного и того же типа, может изменяться в зависимости от ситуации, становясь единичным для каждого из них. Таким образом, всякий конфликт связан с теми или иными обстоятельствами, внешними и внутренними, «круг которых всегда широк, переменчив и не может быть перечислен с исчерпывающей полнотой»², именно они наделяют конфликт единичными признаками. Однако есть нечто, позволяющее каждый конфликт считать именно конфликтом, те признаки, которые выделяют конфликт из множества социальных явлений, которые присущи не только одному отдельно взятому конфликту.

Отдельный конфликт, как правило, имеет место в том случае, если есть действие одной стороны и противодействие другой; когда одна из сторон

¹ См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 212.

² Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. С. 58.

выходит из конфликта, то он прекращается. Можно предположить, что наличие противоборствующих сторон – это признак, свойственный любому конфликту (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, А.В. Дмитриев, А.Н. Громова, А.Г. Здравомыслов, Ю.Г. Запрудский, Е.И. Степанов, Г.И. Козырев и др.). Однако, может существовать борьба и на уровне отдельного индивида, а именно, противоборство между элементами внутренней структуры его личности. Таким образом, наличие участников (субъектов) и череды событий, связанных с их конфликтными действиями — это общий признак отдельных конфликтов, но он не присущ *всем* конфликтам (т.е. не является всеобщим). Если же рассматривать конфликт как состояние некоторой системы (личности, группы индивидов, общества), то общим для всех таких состояний будет наличие хотя бы двух позиций, для которых имеет место: исполнение одной из них блокируется исполнением другой. При этом источник преобразований системы, позволяющих изменить ее состояние, в том числе и конфликтное, лежит в ней самой.

Выделение того или иного признака как *общего*, (присущего не одному конфликту) происходит, по нашему мнению, на основании установления отношения тождества. Например, в ситуации межличностного взаимодействия постепенное ухудшение отношений между субъектами А и В сменяется инцидентом, непосредственными участниками которого они являются. *Тот же признак*, – наличие инцидента, порождающего цепочку действий и противодействий сторон, присутствует и в ситуации военного противостояния государств С и D, на основании чего мы можем считать данный признак общим для рассматриваемых ситуаций конфликта. В практической же деятельности, связанной с управлением конфликтным взаимодействием, инструментом исследования является теория сходства: состав участников этого конфликта *такой же*, как и состав участников другого конфликта, (но не *тот же*), противоречия между ними *такие же* (но не *те же*). Как следствие: возможные методы воздействия *такие же*, но все же не *те же*.

Общее обнаруживается в многообразных формах проявления конфликта, в его особенных признаках, и оно не должно рассматриваться в отрыве от особенного и единичного. Любая современная теория конфликта описывает особенности протекания экономических, политических, этнических, педагогических и других конфликтов и технологий их регулирования. Но в результате такого рассмотрения при отсутствии теоретического определения конфликта, применимого без ограничения ко всем его видам, отдельные конфликты становятся настолько специфичными, что, по замечанию С.Г. Землянухиной, высказанному ею в отношении развития системы производственных отношений, «за их спецификой оказывается невозможным уловить ничего хотя бы отдаленно говорящего о возможности существования общих закономерностей»¹. Таким образом, нельзя недооценивать значение общего, замыкаясь только на частных и единичных явлениях, иначе мы можем получить в качестве неструктурированного «информационного мусора» массу всевозможных описаний конфликтов и не одной рекомендации к действию. Анализ же отдельного конфликта будет сведен к описанию его внешней стороны (временные рамки, кто конфликтует, как развивается взаимодействие). Пренебрежительное отношение к теории грозит, по мнению С.Л. Франка, «освободить нас от всякого вообще обобщающего понимания человеческой жизни, потопить нас в океане отдельных фактов настолько, чтобы захлебывающееся в них сознание уже перестало постигать общие горизонты общественного бытия»².

Конфликтология все еще остается сравнительно молодой наукой и ее понятийный аппарат и методы исследования, заимствованные из смежных отраслей знания, нуждаются в осмыслении применительно к новому объекту исследования. Согласно диалектической логике, цель познания состоит не в

¹ Землянухина С.Г. Диалектика общего и специфического в процессе развития производственных отношений (структурный аспект). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – С. 31.

² Цит. по: Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г. Прикладная социология: очерки методологии. – СПб: Изд-во С.-Петербургского государственного университета, 1999. – 296 с.

том, чтобы научиться отличать один объект от другого, а в теоретическом воспроизведении объекта (явления) как целого, в выявлении тех отношений, из которых вытекает особенное и единичное, присущее данному объекту или явлению. Специфическим методом выделения определенной системы связей и отношений для их специального изучения является моделирование.

§3. Моделирование как метод теоретизации конфликта

Вся история человечества может быть представлена как ускоряющийся процесс расширения и уточнения знаний. Современный этап общественного развития обычно рассматривается как переход от индустриального общества, основанного на производстве товаров, к обществу постиндустриальному, или информационному, основанному на производстве и распределении знания. На этом этапе, когда окружающая нас действительность усложнилась и за счет познания все новых ее сторон, и за счет создания человеком новых ее форм, невозможно обойтись без некоторого упрощения и формализации явлений окружающего нас мира. Зачастую число факторов, относящихся к исследуемой проблеме, слишком велико, и с целью упрощения ситуации прибегают к уменьшению количества этих факторов до уровня восприимчивости специалиста, что становится возможным посредством использования некоторого идеализированного образа этой ситуации. Исследуемый объект может быть либо слишком велик, либо слишком мал, и его изучение невозможно без создания подобного ему объекта, позволяющего преодолеть несоответствие пространственных масштабов прообраза и наших возможностей. Вообще, никакое теоретическое знание невозможно без абстрагирования, идеализации и схематизации. «Теоретические высказывания становятся утверждениями о процессах природы лишь в той мере, в какой отношения абстрактных объектов могут быть обоснованы как замещение тех или иных реальных свойств и связей действительности, выявленных в

практике»¹. Законы науки описывают не окружающую нас действительность «саму по себе», а системы идеализированных объектов (моделей), упрощающие и схематизирующие системы объектов природы и более или менее приближающиеся к ним.

Анализ литературы, посвященной проблемам моделирования в научном познании, показывает, что термин «модель» применяется в различных значениях. В.А. Штофф отмечает, что чаще всего моделью называют либо саму теорию, либо предмет этой теории (то, что она описывает или отражает)². Вместе с тем этот термин используется в качестве синонима любой количественной теории, математической схемы или вообще математического описания³. Так, например, в социологии моделирование социальных процессов отождествляется, в основном, с алгоритмизацией и оптимизационными расчетами⁴. В этом случае мы имеем дело с «неудачным» (по В.А. Штоффу⁵) использованием термина «модель» в качестве синонима для математической конструкции, примененной для описания некоторой конкретной ситуации.

Для изучения проблемы моделирования конфликта примем за основу определение В.А. Штоффа: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте»⁶.

Таким образом, существенными признаками этого понятия являются следующие:

А) модель воспроизводит объект;

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс – Традиция, 1999. – С. 64.

² См.: Штофф В.А. Моделирование и философия. Ленинград: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1966. – С.7.

³ Там же. С. 11.

⁴ Например, модели демографического прогноза, стабилизации кадров, баланса трудовых ресурсов. См.: Аликариев Н.С., Абдурахимов А. Моделирование социальных процессов. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1979. – 80 с.

⁵ Штофф В.А. Моделирование и философия. С. 11.

⁶ Там же. С. 19.

Б) модель замещает объект;

В) изучение модели дает новую информацию об этом объекте.

Рассматривая модель в качестве заместителя оригинала, Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин и Е.П. Никитин говорят о существовании двух точек зрения. В соответствии с одной из них под оригиналом следует понимать не целостный объект в его качественно-количественной специфике, а лишь некоторый ограниченный комплекс его свойств, связей и отношений, а именно тех, которые непосредственно интересуют исследователя. Моделью в этом случае считается не весь целостный объект, замещающий оригинал в процессе исследования, а лишь комплекс свойств, связей и отношений этого объекта, который сходен с соответствующим комплексом (оригиналом). Согласно второй точке зрения, оригиналом является исследуемый объект во всей его целостности. Соответственно и модель – весь целостный объект, замещающий оригинал¹. Говорить же о моделировании как о методе научного познания, по мнению этих авторов, можно только в том случае, когда воспроизводящий объект используется в целях исследования воспроизводимого объекта². Заметим, что при таком подходе к пониманию моделирования модель *используется* для исследования своего прообраза, что не является достаточным условием для получения новой информации о нем, как того требует определение В.А. Штоффа.

Итак, в основе воспроизведения объекта в модели лежит процедура установления соответствия «оригинал – модель», которое осуществляется человеком в процессе познания на основе объективно присущих оригиналу и модели свойств и отношений³. Целью установления данного соответствия является возможность получения новой информации о моделируемом объекте, и мы допускаем возможность того, что данная цель может быть и не достигнута, модель же при этом не перестанет быть моделью. Вообще,

¹ См.: Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного познания. – М.: Изд-во Московского университета, 1965. – С.19–20.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 19–34.

моделирование предполагает композицию соответствий, поскольку начинается с предварительного исследования оригинала, которое приводит к формированию некоторого образа в сознании познающего субъекта (невозможно упрощать и идеализировать то, о чем не имеешь никакого представления). Следовательно, «образ не только результат, но и необходимая предпосылка моделирования»¹, а далее в процессе моделирования происходит развитие и конкретизация первоначального образа моделируемого объекта. Результатом композиции соответствий «оригинал – образ», «образ – уточненный образ» и является рассматриваемое соответствие «оригинал – модель». Такое соответствие не является отображением, поскольку существуют оригиналы, которым можно поставить в соответствие более одного образа-модели, что служит объективной основой существования различных видов моделей, которые классифицируются по тому или иному критерию (основанию).

В зависимости от *способа построения* все модели могут быть разделены на два больших класса: материальные (действующие, реальные, вещественные) и идеальные. Материальные модели делятся на пространственно подобные (макеты, муляжи, и пр.), физически подобные (обладающие механическим, динамическим, кинематическим и другими видами физического подобия с оригиналом) и математически подобные (аналоговые, структурные модели, кибернетические устройства и т.п.). Идеальные модели – на образные (гипотетические модели, модели-аналоги, модели-идеализации и пр.), смешанные (схемы, графы, графики, чертежи) и знаковые².

По *характеру воспроизводимых сторон оригинала* модели делят на субстанциональные (идентичные оригиналу по своей физической природе),

¹Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного познания. С. 20.

²См.: Штофф В.А. Моделирование и философия. С. 23–35.

структурные (имитирующие его внутреннюю организацию), функциональные (имитирующие способ поведения оригинала) и смешанные¹.

По *целевому назначению* различают описательные (дескриптивные, познавательные) модели и нормативные (прескриптивные, прагматические). Первые предназначены для описания свойств или поведения реальных объектов, вторые – для определения целей деятельности и описания конкретных действий для их достижения. Таким образом, основное различие между указанными типами моделей состоит в том, что описательные модели отражают существующее, а нормативные модели – не существующее, но желаемое и, возможно, осуществимое².

По признаку *зависимости объекта моделирования от времени* различают статические и динамические модели. Статические модели отражают конкретное состояние реального объекта, некий «срез» этого состояния. Динамические же модели отражают процесс изменения состояний реального объекта, – различия между состояниями, последовательность их смены, развитие событий с течением времени³.

По *принципу моделирования* различают аналитические и имитационные модели. *Аналитические модели* описывают определенные свойства реального объекта (существующие или желаемые) с целью количественного или качественного анализа его состояния и поведения. Они не раскрывают «механизм» функционирования объекта моделирования, а лишь отображают этот объект в целом как совокупность его основных свойств (параметров, характеристик). Имитационные модели, напротив, воспроизводят поведение объекта, раскрывают «механизм» его функционирования путем имитации реальных процессов или явлений⁴.

¹ См.: Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного познания. С. 109–132.

² См.: Кулагин О.А. Принятие решений в организациях [Электронный ресурс]. – URL: http://bank.orenipk.ru/Text/t12_6.htm (дата обращения 01.03.2012).

³ Там же.

⁴ Там же.

В зависимости от *языка*, который используется при построении модели, они могут быть разделены на содержательные (с использованием естественного языка) и формальные, которые создаются с помощью одного или нескольких формальных языков (языков математических теорий, языков программирования)¹. Выбор той или иной модели осуществляется в соответствии с целью, определяемой субъектом моделирования, и зависит прежде всего от предметной области и характера поставленных задач.

Перейдем теперь к рассмотрению специфических особенностей моделирования в конфликтологии. Теория конфликта в качестве самостоятельной области социологии создается к середине XX века. Нечипоренко Л.А., описывая «буржуазную социологию конфликта», говорит о равновесно-интеграционной или структурно-функционалистской модели конфликта² (Т. Парсонса). Очевидно, что в этом случае речь идет либо о модели социума, либо о теории, описывающей социум с точки зрения конфликтного взаимодействия. Этой же точки зрения придерживается и А.К. Дмитриев, говоря о том, что в 30–40-х годах XX века была популярна *функциональная модель общества* Толкотта Парсонса, который сформулировал ряд «функциональных предпосылок» стабильности, обеспечение которых позволяет сохранить социальную систему в рамках сложившихся норм и ценностных ориентаций и избежать социальных конфликтов и потрясений³. В 60-х годах Ральф Дарендорф создает свою теорию конфликта. В работе «Вне утопии» он говорит о том, что «набросал эскиз конфликтной модели общества»⁴.

Модель конфликта как отражение этого социального явления мы находим у Кеннета Боулдинга, автора «Общей теории конфликта», который конструирует две модели социального конфликта – статическую и

¹ См.: Политология: Учебное пособие / Под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – С. 533.

² См.: Нечипоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта». М.: Политиздат, 1982. – С. 25–36.

³ См.: Дмитриев А.К. Конфликтология. М.: Гардарики, 2001. – С. 25.

⁴ Цит. по.: Нечипоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта». С. 68.

динамическую. Статическая модель рассматривает конфликт как специфическую систему, вычлняя в нем такие составляющие элементы как стороны конфликта (отдельные индивиды, группы, животные, искусственные объекты, теории, организации и т.д.) и отношения между противоборствующими сторонами. Динамическая модель по Боулдингу – это процесс, «в котором движение одной стороны так изменяет область расположения другой стороны, что вызывает у последней движение, которое в свою очередь изменяет область расположения первой стороны, вызвавшей движение первой стороны»¹. При этом Боулдинг считает, что все коллизии (конфликты) имеют общие элементы и одинаковые пути развития. По сути, именно в теории Боулдинга впервые создается идеальная модель конфликта в широком ее смысле; в ней конфликтное взаимодействие воспроизводится в идеализированной форме, хотя и без какой-либо явной схематизации. Тем не менее, использование терминологии теории игр в общей теории конфликта свидетельствует о стремлении автора создать универсальную социологическую схему (модель), которая бы не только объясняла общественные противоречия, но и указывала пути их преодоления. Сам Боулдинг утверждает, что его «абстрактная модель конфликтной ситуации или конфликтного процесса» с некоторыми модификациями равно применима к анализу промышленных конфликтов и забастовок, международных конфликтов и войн, семейных, правовых, расовых и политических конфликтов².

В том же значении, что и Боулдинг, термин «модель конфликта» употребляют Р. Мак и Р. Снайдер. Перебирая различные понятия, – антагонизм интересов и непримиримость целей, социальный раскол и напряженность взаимоотношений, агрессивность и вражда, конкуренция и соперничество, они признают, что ни одно из них не является синонимом конфликта. Конфликт, по их мнению, «большой частью резиноподобное понятие, которое можно

¹Цит. по: Нечипоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта». С. 110.

² Там же. С. 119.

растягивать, и полученное использовать в своих целях»¹. Далее они говорят о том, что серия свойств этого понятия составит **модель** для опознания (идентификации) и характеристики конфликтного феномена. В качестве свойств авторы предлагают следующие: ограниченность общего объекта притязания сторон, манера поведения каждой стороны, рассчитанная на то, чтобы причинить вред другой стороне, за счет проигрыша которой можно было бы осуществить свой выигрыш².

Еще до того, как конфликтология оформилась в качестве самостоятельной научной дисциплины, в биологии, математике, социологии создавались особые модели конфликтов – математические. Вито Вальтерра, рассматривая конкуренцию двух биологических видов за общее место в микрокосмосе, создает модель борьбы за существование в замкнутой среде двух биологических видов, один из которых поддерживает существование исключительно охотой на другой вид³. Модель Фредерика Ланчестера представляет собой описание с помощью дифференциальных уравнений интенсивность потерь воюющих сторон в следующей ситуации: N_1 подразделений стороны А, каждое из которых обладает ударной силой α , сражаются с N_2 подразделениями противника В, каждое из которых обладает ударной силой β . После II Мировой войны математический подход стал использоваться для решения проблем, связанных с военными действиями и контролем над вооружением. Так, например, Саати Томас, занимаясь исследованием вопроса: если ядерная война будет развязана, возможно ли ее окончание на начальном этапе при минимальных разрушениях, создает свою динамическую модель ядерной войны. Анализ этой модели позволяет сделать некоторые выводы о том, как начинаются войны, как они протекают и как кончаются. Модель определяет соотношение ракет, которое с большой долей вероятности не приведет к войне. В зависимости от условий, в нее заложенных,

¹Цит. по: Нечипоренко Л.А. Буржуазная «социология конфликта». С. 39.

²Там же.

³ См.: Саати Томас Л. Математические модели конфликтных ситуаций. – М.: Сов. радио, 1977. – С. 90–102.

определяется оптимальная стратегия для нападающей стороны: нанести по основным центрам противника либо *решительный* тотальный удар, либо *контролируемый* тотальный удар, либо нанести контролируемый удар по его ракетным установкам¹. Т.Л. Саати выделяет три класса математических моделей, применимых для любого социального процесса:

1. *Детерминированные (описывающие) модели*, представленные в форме уравнений или неравенств, описывающих поведение системы.

2. *Модели оптимизации (нормативные модели)*, содержащие выражения, представленные в алгебраическом, дифференциальном или интегральном виде, которые необходимо максимизировать или минимизировать.

3. *Вероятностные модели*, которые также выражаются в форме уравнений или неравенств, но имеют вероятностный смысл, например, в них может идти речь о математических ожиданиях².

К первому виду моделей можно отнести, например, модель В. Вальтерра, ко второму – модели Ф. Ланчестера и Т. Саати.

Новый толчок развитию многих направлений в конфликтологии, в том числе и математическому описанию конфликтного взаимодействия, дала теория игр, основные идеи которой были сформулированы Дж. Фон Нейманом и О. Моргенштерном в 1944 году (подробнее некоторые аспекты теории игр будут рассмотрены ниже). После того, как в 1970 году работа этих авторов «Теория игр и экономическое поведение» была переведена на русский язык, «математика конфликта» возникает и в СССР. В этом направлении работали Н.Н. Воробьев, В.М. Гаврилов, В.Ф. Крапивин, В.А. Лефевр, Г.Л. Смолян и др. Состоялись три Всесоюзные конференции по теории игр, где обсуждались проблемы математического моделирования конфликта³. Модельные описания создавались с целью выбора оптимального варианта регулирования возможного развития конкретной конфликтной ситуации. Однако, надежды на то, что с

¹ См.: Саати Томас Л. Математические модели конфликтных ситуаций. С. 103–109.

² См.: Там же. С. 29–30.

³ См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 44–45.

помощью классической теории игр удастся находить решения любых конфликтов, причем в различных системах, включая социальные, не оправдались, и с 1975 года наблюдается спад интереса и к классической теории игр, и, как следствие, к разработкам математических вариантов решения конфликтных ситуаций. С середины 1980-х годов наблюдается оживление интереса к математическому моделированию конфликтов. А.Я. Анцупов называет следующие направления математического анализа конфликта:

- разработка универсальных математических моделей разрешения конфликтных ситуаций;
- функционирование сложных систем в конфликтных ситуациях;
- анализ конфликтов в технических эргатических системах, т. е. системах типа «человек – машина»;
- разработка различных математических моделей взаимоотношений типа «хищник – жертва», т. е. в биологических системах;
- оптимизация поведения человека в конфликте¹.

Метод математического моделирования в последнее время все чаще применяется для исследования межгосударственных конфликтов. Е.Г. Барановский и Н.Н. Владиславлева предлагают обобщенный алгоритм исследования и построения моделей международных конфликтов, которые могут быть использованы при прогнозировании развития кризисных ситуаций, оценке основных источников и причин конфликта, выборе наиболее оптимальных стратегий поведения в международном конфликте².

Итак, термины «моделирование» и «модель» широко используются в конфликтологии. Более того, А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов говорят о том, что разработка моделей конфликта «по существу составляет основную задачу отечественной конфликтологии»³ и предлагают следующее определение: «Моделирование конфликта – метод прогнозирования конфликтов,

¹См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 44–45.

²См.: Барановский Е.Г., Владиславлева Н.Н. Методы анализа международных конфликтов. – М.: Научная книга, 2002. – 240 с.

³Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – М.: Эксмо, 2010. – С. 310.

закрывающийся в разработке сценария развития конфликтной ситуации на основе количественных и качественных показателей»¹. В связи с этим возникает вопрос: что мы все-таки моделируем: конфликт, реально протекающий здесь и сейчас, или конфликт потенциальный, в настоящий момент не существующий? Или возможно и то, и другое? Моделью конфликта те же авторы называют любой его «образ, аналог (мысленный или материальный), специально созданный в интересах познания последнего и используемый в качестве его «заменителя»². В.А. Светлов и В.А. Семенов говорят о рабочей и универсальной модели конфликта, последняя, по их мнению, «содержит логическое и теоретическое определение конфликта, применимое без ограничений ко всем видам социально-психологических конфликтов»³. Моделью же *вообще* данные авторы называют абстрактную схему, позволяющую «объяснять или предсказывать конкретные события»⁴. Имеем: модель конфликта – любой его образ, модель – определение конфликта, модель – сценарий развития ситуации, модель – абстрактная схема. На первый взгляд, понимание модели конфликта как его образа или аналога вполне соответствует определению В.А. Штоффа, приведенному выше. Однако возникают сомнения по поводу использования квантора общности: «любой образ». Так, например, в конфликтологии существует понятие образа конфликтной ситуации. Можно ли такой образ также считать моделью конфликта? Все в том же «Словаре конфликтолога» находим утвердительный ответ на данный вопрос: «Образ конфликтной ситуации является упрощенной, а часто и искаженной моделью реальной конфликтной ситуации»⁵. Но в таком случае определения модели конфликта и образа конфликтной ситуации вступают в некоторое противоречие. Ведь по мнению А.Я. Анцупова и А.И. Шпилова образ конфликтной ситуации – это «субъективная картина данной

¹ Анцупов А.Я., Шпилов А.И. Словарь конфликтолога. С. 310.

² Там же.

³ Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 128.

⁴ Там же. С. 328.

⁵ Анцупов А.Я., Шпилов А.И. Словарь конфликтолога. С. 345.

ситуации, складывающаяся в психике каждого участника»¹, а, следовательно, этот образ создан не «специально», как того требует ими же сформулированное определение модели конфликта. Может быть, все дело в том, что по мнению ряда авторов, «конфликтная ситуация» и «ситуация конфликта» – это не одно и то же, что вытекает из предлагаемых ими определений конфликтной ситуации², значит, и понятия модели конфликта и модели конфликтной ситуации также не тождественны друг другу? Не анализируя пока различные взгляды на соотношение понятий «конфликтная ситуация» и «конфликт», будем считать, что моделировать можно и конфликт, и любую ситуацию (конфликтную в том числе), и любой объект вообще, поскольку «принципиальная возможность моделирования объектов любой природы равнозначна принципиальной их познаваемости»³. При этом должно быть нечто общее, присущее всем видам моделей, что позволяет говорить о моделировании как о методе познания действительности. Что же касается образа конфликтной ситуации, то, включая в себя «представления оппонентов о самих себе, о противостоящей стороне; каждого участника о том, как другой воспринимает его; о среде, в которой складываются конкретные отношения»⁴, он является целостной, неструктурированной картиной, неразделенной в сознании на элементы. Моделью же является именно объект, а не некий образ, существующий в форме чувственных образов, понятий и суждений. Таким образом, нам представляется, что образ конфликтной ситуации нельзя считать моделью конфликта.

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 228.

² См. Конфликтология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 351000 «Антикризис. упр.» и другим экон. специальностям / под ред. О.З. Муштука. – М.: Market DS, 2008. – С. 99; Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами (managementoftheconflicts). – М.: Трикта: Академический Проект, 2007. – С. 127; Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2011. – С. 327; Степанов Е.И. Современная конфликтология: общ. подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту соц. конфликтов. – М.: URSS, 2008. – С. 66–67.

³ Морозов К.Е. Математическое моделирование в научном познании. – М.: Изд-во «Мысль», 1969. – С. 89.

⁴ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 228.

Вернемся к определениям модели конфликта, приведенным выше. При всей несхожести их объединяет общий признак, в той или иной форме в них присутствующий. А именно: модель способна замещать объект так, что ее изучение дает нам новую информацию о данном объекте. Это становится возможным только в том случае, если между ними существует определенное объективное, а не установленное случайным образом, соответствие. Элементы, между которыми устанавливается данное соответствие, вообще говоря, могут быть элементами любой природы: «все что угодно может быть моделью всего чего угодно»¹, поскольку любые два объекта имеют хотя бы одно общее для них свойство и существует хотя бы одно отношение, связывающее их между собой. Но, говоря о модели конфликта, мы однозначно определяем прообраз, – это конфликт, как реальный (существующий в данный момент времени или существовавший в прошлом), так и воображаемый, предполагаемый, ожидаемый, планируемый и т.п. Что же касается образа, то мы разделяем точку зрения М. Вартофского, в соответствии с которой существуют ограничения относительно того, «что может быть превращено в модель, а что нет»². Во-первых, и это факт общепризнанный, ни один объект, а, следовательно, и ни один отдельный конфликт, не может быть моделью самого себя, поскольку, как было отмечено выше, изучение модели должно давать нам новую информацию об объекте моделирования. Во-вторых, модель в отношении присущих ей свойств не может быть богаче моделируемого объекта или столь же богатой, как и объект. Таким образом, по аналогии с вероятностью события, можно говорить о степени соответствия модели оригиналу («степени модельности») как о некотором числе, лежащем между 0 и 1³. Очевидно, что во многих случаях степень модельности можно определить лишь приближенно. В связи с этим интересно замечание К.Е. Морозова о том, что «одним из главных

¹Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. Общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1988. – С. 30.

²Там же. С. 31.

³См.: Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного познания. С.19–20.

требований к модели является существенность сходства и несущественность различия с оригиналом в плане познавательной задачи»¹. Очевидно также, что невозможно создание модели, однозначно, полно и всеобъемлюще отражающей отдельный конфликт, каждая модель отражает различные стороны этого явления.

Итак, говоря о модели конфликта, будем считать, что прообразом в соответствии «оригинал – конфликт» является не «конфликт вообще», и не ситуация, которая может привести, а может и не привести к конфликтному взаимодействию, а отдельно взятый конфликт, как реальный, так и воображаемый. Безусловно, можно моделировать и любую ситуацию, не обязательно конфликтную, и любой социальный процесс, но в этих случаях речь будет идти уже не о моделировании конфликта.

Модель конфликта отражает различные стороны этого сложного явления, однако отражают или воспроизводят действительность все формы сознания (ощущения, восприятия, представления, понятия, суждения). Для того чтобы объект, отражающий или воспроизводящий конфликт, можно было бы считать именно моделью, его изучение должно давать новую информацию о моделируемом конфликте. По поводу новой информации: можно ли тогда определение конфликта или какую-либо теорию конфликта считать моделью (например, «универсальной»)? С одной стороны, такой подход не противоречит определению модели В.А. Штоффа, поскольку «все теории в конечном счете создаются для отражения объективной реальности, и в этом смысле являются моделями более или менее широкого круга явлений действительности»². С другой стороны, мы моделируем все же отдельный конфликт, а определение или теория при установлении «модельного соответствия» являются образами общих понятий. В этой связи В.А. Штофф и требует добиться унификации понятия «модель», исключив из научного языка такие значения термина «модель», как, например, «теория» или «гипотеза» и

¹Морозов К.Е. Математическое моделирование в научном познании. С. 31.

² Там же. С. 43.

сохранить его для таких специфических гносеологических ситуаций, которые данными понятиями не охватываются¹. Соответствие «конфликт – модель» не является отображением, поскольку каждому конфликту можно поставить в соответствие несколько образов-моделей в зависимости от целей моделирования. Мы привели лишь общие рассуждения относительно того, что «может быть превращено» в модель конфликта, давать же предварительное или окончательное определение таких общих понятий, как модель и моделирование конфликта, можно лишь после того, как будет проделана некоторая предварительная работа по изучению частных видов моделей, используемых в конфликтологии.

Одной из целей моделирования является понимание того, как устроен объект, каковы его структура, основные свойства, законы развития и взаимодействия с окружающей средой. По мнению авторов «Словаря конфликтолога», любой текст, в котором описывается конфликт, является его знаковой моделью². Но в этом случае как быть с принятым выше утверждением относительно нового знания, которое несет в себе модель? Любой ли текст предоставит нам новую информацию (и не только новую) об описываемом конфликте? Думается, что здесь нет противоречия, поскольку из общего определения модели не следует, что мы *обязательно* получим с ее помощью новое знание о том объекте, который она замещает. Построенная модель может и не подвергаться исследованию, из нее может быть и не извлечено новое знание. При этом она не перестает быть моделью, поскольку ей достаточно заключать в себе лишь возможность получения новых знаний. Наряду со знаковой моделью А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов определяют описательную модель конфликта как его «цветной, объемный, «томографический» снимок»³, называя ее «информационной моделью актуального состояния конфликта на момент его оценки»⁴. Однако не вполне ясно, как получить этот цветной и

¹Штофф В.А. Моделирование и философия. С. 10.

²Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. С. 310.

³Там же. С. 357.

⁴Там же.

объемный снимок, и чем снимок принципиально отличается от текста в плане предоставления информации о моделируемом конфликте. Возможно, отличие данного вида модели от предыдущего в том, что в этом случае описание конфликта дается именно «на момент оценки», и с изменением данного момента будет меняться и модель. В таком случае знаковую модель можно считать статической, отражающей определенное состояние реального или воображаемого конфликта, которое со временем не меняется, а описательную модель – динамической, отражающей процесс изменения конфликта, – различия между состояниями, последовательность их смены, развитие событий с течением времени. Заметим, что это лишь авторская версия, которая при более пристальном знакомстве с описательной моделью конфликта вполне может быть подвержена корректировке.

Итак, описательная и знаковая модели способны сделать отдельный конфликт доступным для понимания: их изучение и анализ позволяют назвать описанное или увиденное именно конфликтом, выявить его структуру и динамику, определить возможные причины возникновения. С этой же целью в конфликтологии используется прием, называемый картографией. Карта конфликта отображает «взаимоотношения между противниками»¹, тем самым помогая «лучше понять ситуацию и характер взаимоотношений между сторонами, а также возможность влияния третьей (внешней) стороны»². Таким образом, карта конфликта – это еще один вид моделей, используемых в конфликтологии.

Что же касается моделирования и прогнозирования конфликта, то, на наш взгляд, создание модели некоторой ситуации (например, сложившейся на текущий момент в стране или регионе) может служить основанием для прогнозирования различных конфликтов в данном регионе, которое заключается «в обоснованном предположении об их возможном будущем

¹Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2013. – С. 64.

²Там же. С. 65.

возникновении и особенностях развития»¹. Верно и обратное: на основании прогноза можно создать модель возможного конфликта. Но все же представляется, что называть моделирование исключительно методом прогнозирования конфликта, значит сузить данное определение, поскольку даже не каждая и знаковая модель может служить инструментом прогноза, а на основании структурного моделирования и вовсе невозможно обоснованно предсказать сценарий развития сложившейся ситуации.

Мы рассмотрели в общих чертах некоторые виды моделей, используемые в современной отечественной конфликтологии, что позволяет сформулировать предварительное определение модели конфликта. Если же в дальнейшем обнаружится, что какие-либо модели конфликта не охватываются данным определением, то это определение придется изменить.

Под **моделью конфликта** будем понимать объект, воспроизводящий те или иные характеристики конфликта, исследование которого позволяет определить способы регулирования, разрешения или предупреждения моделируемого конфликта. **Моделирование конфликта** – это построение (или выбор) и изучение моделей конфликта с целью получения новых знаний о нем, а также с целью управления сложившейся ситуацией конфликта или прогнозирования возможного ее развития.

Модель любого объекта (явления, процесса), в том числе и модель конфликта, обладает свойствами адекватности, сложности, конечности, наглядности, истинности и приближенности. Важнейшим свойством модели является адекватность ее соответствия прообразу относительно выбранного множества его характеристик и свойств. Модель конфликта будет адекватной, если в процессе ее создания было проведено правильное качественное и количественное описание конфликта по выбранному множеству характеристик, т.е. чем выше точность и объективность описания конфликта, тем адекватнее его модель. Другими словами: чем выше степень модельности, тем адекватнее

¹Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 381.

модель конфликта. При этом имеется в виду не адекватность *вообще*, а адекватность по тем свойствам модели конфликта, которые являются для исследователя существенными. Модель может быть адекватна относительно одного класса параметров и не адекватна относительно другого.

Говоря о простоте или сложности модели конфликта, нужно отметить, что одновременное требование простоты и адекватности модели являются противоречивыми, поскольку с точки зрения адекватности сложные модели являются предпочтительнее простых. В сложной модели конфликта можно учесть большее число факторов: полный состав участников, их мотивы, цели, интересы, позиции, ресурсы, баланс сил сторон конфликта, его предмет и т.п. Однако, хотя сложные модели и точнее отражают моделируемые свойства конфликта, они более громоздки, труднообозримы и неудобны в обращении. Безусловно, простыми моделями легче оперировать, однако упрощать модель можно до тех пор, пока сохраняются основные свойства, характеристики и закономерности, присущие изучаемому конфликту.

Модель конфликта конечна, если она отображает конечное число элементов системы, находящейся в состоянии конфликта и конечное число связей между ними, в противном случае мы будем иметь модель бесконечную. Если адекватность, конечность и простота (упрощенность) модели характеризуют качественное различие (на структурном уровне) между оригиналом и моделью, то приближенность модели будет характеризовать количественную сторону этого различия. Приближенность модели неизбежна и существует объективно, так как модель отражает лишь отдельные свойства оригинала. Степень приближенности создаваемой модели определяется целью моделирования и постановкой задачи.

В каждой модели есть доля истины, т.е. любая модель в чем-то правильно отражает оригинал, этого же требует и свойство адекватности. В любой модели конфликта содержится как безусловно истинное, так и условно истинное, т.е. верное лишь при определенных условиях. При анализе уровня истинности моделей необходимо выявить знания о конфликте, содержащиеся в

них: 1) точные, достоверные знания; 2) знания, достоверные при определенных условиях; 3) знания, оцениваемые с некоторой степенью неопределенности (с известной вероятностью для стохастических моделей или с известной функцией принадлежности для нечетких моделей); 4) знания, не поддающиеся оценке даже с некоторой степенью неопределенности; 5) незнания, т.е. то, что неизвестно.

Процесс моделирования конфликта может быть рассмотрен с различной степенью детализации. Так, Е.Г. Барановский и Н.Н. Владиславлева описывают несколько вариантов, в том числе алгоритм моделирования «по Шродту»¹:

1. Отбор наиболее существенных параметров и характеристик объекта, процесса или явления, который предстоит моделировать.

2. Построение неформальной модели. Неформальная модель – набор таких инструментов, которые способны объяснить отобранные наблюдения, но при этом определены недостаточно строго, что не позволяет точно выявить степень их логической взаимосвязанности.

3. Перевод неформальной модели в формальную, все допущения которой сформулированы в математической форме. Перевод состоит в поиске подходящей математической структуры, способной отразить те самые идеи и процессы.

4. Математическая обработка формальной модели.

5. Интерпретация полученных результатов, эмпирическая проверка и сравнение на соответствие реальности, то есть проверка адекватности модели. В случае полного или частично несоответствия надо возвратиться к первому шагу, скорректировать модель и проделать все шаги заново².

Взяв за основу этапы моделирования, описанные Б.А. Глинским, Б.С. Грязновым, Б.С. Дыниным и Е.П. Никитиным, мы предлагаем следующую структуру процесса моделирования конфликта:

¹ Шродт Ф.А. – профессор Канзасского университета, специалист в области математического моделирования политических процессов. – Прим. авт.

² См.: Барановский Е.Г., Владиславлева Н.Н. Методы анализа международных конфликтов. С. 108.

1. Постановка задачи. Моделирование конфликта необходимо при решении следующих задач:

- исследование причин возникновения конфликтов, а также их эскалации;
- рассмотрение различных вариантов решения конфликта;
- определение соотношения и равновесия сил в оборонительных или наступательных действиях;
- прогнозирование эффективности применения той или иной стратегии в конфликтной ситуации;
- планирование переговоров в части выработки оптимального решения.

Заметим, что данный список не является исчерпывающим. В соответствии с конкретной задачей исследователь должен изучить историю конфликта, собрать исчерпывающую информацию о нем (о его участниках, причинах, стадиях, масштабах и т.п.), выделить те объекты, свойства и отношения, изучение которых позволит найти решение поставленной задачи. Полученная информация фиксируется в некотором языке, как естественном, так и искусственном (языке графов, формальной логики, дифференциального или интегрального исчисления).

2. Выбор модели. На этом этапе исследователь от предварительного изучения конфликта переходит к созданию такого его «заместителя», на основании изучения которого можно решить поставленную задачу наиболее рациональным способом.

3. Исследование модели. На данном этапе модель становится предметом теоретического анализа. Все действия исследователя направлены на получение знаний об этом объекте, его свойствах и отношениях, возможна математическая обработка модели.

4. Интерпретация результатов. На базе полученных результатов знания о модели трансформируются в знания об исследуемой ситуации, пишутся сценарии возможного развития событий, оценивается вероятность событий, описанных в каждом сценарии, выбирается оптимальная стратегия

поведения, что позволяет в конечном итоге сформулировать искомое решение поставленной задачи.

В современных гуманитарных исследованиях все большее значение приобретают абстрактные логико-математические модели, в которых определенные черты моделируемого объекта выражаются математическими формулами. В отношении исторических исследований Н.С. Розов объясняет этот факт необходимостью «полноценного теоретического объяснения и предсказания последующих изменений»¹ процессов, происходящих в условиях воздействия на значимые переменные разнонаправленных воздействий. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов определяют математическую модель конфликта как «систему формализованных соотношений между характеристиками конфликта, разделяемых на параметры и переменные. *Параметры модели* отражают внешние условия и слабо меняющиеся характеристики конфликта, *переменные* составляющие – основные для данного исследования характеристики. Изменение этих значений конфликта представляет главную цель моделирования»². Те же авторы перечисляют и «типичные математические модели» конфликтов:

- вероятностные распределения;
- статистические исследования зависимостей (регрессионные модели, представляющие связь зависимых и независимых переменных в виде функциональных отношений);
- марковские цепи, описывающие такие механизмы динамики распределений, где будущее состояние определяется не всей предысторией конфликта, а только «настоящим»; основным параметром конечной цепи Маркова является вероятность перехода оппонента из одного состояния в другое за фиксированный промежуток времени;

¹Разработка и апробация метода теоретической истории / Под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 164.

² Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 187.

– модели целенаправленного поведения, имеющие вид задачи математического программирования с заданными целевой функцией и ограничениями, создаваемые с целью исследования процессов взаимодействия целенаправленных социальных объектов, в том числе и определения вероятности возникновения конфликта между ними;

– теоретические модели, предназначенные для логического анализа тех или иных содержательных концепций, когда затруднена возможность измерения основных параметров и переменных (возможные межгосударственные конфликты и др.).

– имитационные модели, реализованные в виде алгоритмов и программ для ЭВМ и отражающие сложные зависимости, не поддающиеся аналитическому анализу¹.

Заметим, что информация о моделируемом конфликте очень разнообразна и противоречива, как правило, сбор и обработка данных проходят в несколько этапов, где проводится их качественный и количественный анализ. На каждом этапе обработки информации увеличивается уровень абстракции и оторванности от действительности (происходит утеря единичных признаков конфликта), поэтому логико-математические модели не всегда являются руководством к действию. Перефразируем тезис Н.С. Розова применительно к конфликтологическим исследованиям: математическое моделирование конфликта «должно быть не самоцелью, а инструментом для главной познавательной стратегии – построения объяснительных (а в идеале также предсказательных) теорий»² относительно причин и закономерностей протекания различных конфликтов.

Всякое научное знание формируется с помощью специфических методов исследования, которые «должны удовлетворять цели теоретизации самого

¹ См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 187–190.

²Розов Н.С. Теоретизация истории и роль математики [Электронный ресурс]. –URL; http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=30 (дата обращения 01.10.2014).

научного знания»¹, и одним из таких методов в конфликтологии является моделирование, которое позволяет внести в конфликтологическое знание необходимую однозначность и формальную определенность.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Одним из явлений, играющих ключевую роль в жизни человека, начиная с момента появления его на свет, является конфликт. Каждый конфликт может быть охарактеризован рядом неповторимых (единичных) признаков, присущих именно данному конфликту, относящихся к субъектам конфликтного взаимодействия, мотивам, которыми они руководствуются, а также к причинам его возникновения и этапам развития. Всякое единичное в конфликте является в некоторой степени сходным, всякое сходное – есть сторона единичного. Сходное и общее – это не синонимы. То, что объединяет различные социальные явления в некоторое одно, выражается не в том, что одинаково (и возможно случайно) свойственно и тому, и другому (такой же состав субъектов, такие же мотивы, побуждающие их к действию), у них может и не быть вообще никаких видимых сходных признаков, но все же что-то их связывает друг с другом. Общность этих явлений создается на основе связи между ними, отражающей принцип порождения сходного в них.

2. В отдельном конфликте общее неотделимо от единичного, оно обнаруживается в многообразных формах проявления конфликта, в его особенных признаках и не должно рассматриваться в отрыве от особенного и единичного.

3. Если рассматривать конфликт как состояние некоторой системы (личности, группы индивидов, общества), то общим для всех таких состояний будет наличие хотя бы двух позиций, для которых имеет место: исполнение одной из них блокируется исполнением другой. Если система конфликтна, то можно говорить о существовании отрицательной обратной связи между ее

¹ Луговцев Ю.М. Философско-методологические предпосылки теоретизации политической науки // Наука. Философия. Общество. Материалы V философского конгресса. Том 1. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 250.

элементами, главной функцией которой является переход от одних форм поведения к другим ради достижения внутренних целей данной системы.

4. Цель познания состоит в теоретическом воспроизведении объекта (явления) как целого, в выявлении тех отношений, из которых вытекает особенное и единичное, присущее данному объекту или явлению. Специфическим методом выделения определенной системы связей и отношений для их специального изучения является моделирование.

5. Моделирование конфликта необходимо для исследования причин возникновения конфликтов, а также их эскалации; рассмотрения различных вариантов решения конфликта; определения соотношения и равновесия сил в оборонительных или наступательных действиях; прогнозирования эффективности применения той или иной стратегии в конфликтной ситуации; планирования переговоров в части выработки оптимального решения.

6. Под моделью конфликта будем понимать объект, воспроизводящий те или иные характеристики конфликта, исследование которого позволяет определить способы регулирования, разрешения или предупреждения моделируемого конфликта. Моделирование конфликта – это построение (или выбор) и изучение моделей конфликта с целью получения новых знаний о нем, а также с целью управления сложившейся ситуацией конфликта или прогнозирования возможного ее развития.

7. В обобщенном виде процесс моделирования конфликта состоит из постановки задачи, выбора модели, исследования модели и интерпретации результатов.

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

§1. Логико-структурные модели конфликта

Рассматривая формально-логические модели конфликта, мы будем исходить из того, что выявляя особенное, мы должны «видеть» единичное, поскольку особенное есть способ существования общего в единичном. Следовательно, для описания особенностей различных подходов к созданию модели конфликта нам потребуются примеры реальных конфликтных ситуаций.

Используя формализованный язык алгебры высказываний для анализа взаимодействующих субъектов, можно построить модель конфликта, которую условно мы будем называть логической. Выше мы уже рассматривали понятие аттитюда субъекта с точки зрения алгебры высказываний. В единой теории конфликта это понятие определяется следующим образом: «Аттитюд игрока – устойчивая и наиболее целесообразная (предпочтительная) с его точки зрения аффективно-когнитивная поведенческая реакция на предполагаемые действия (требования) своих соперников (противников) в данной ситуации»¹.

Как правило, аттитюд имеет форму условного правила: «Если мой соперник предпримет действие X, разумней мне на него ответить действием Y». Действия X и Y могут оказаться одинаковыми, могут быть комбинацией элементарных действий. Аттитюд игрока рационален, если он исключает из предполагаемого множества исходов конфликта собственный односторонний проигрыш. Таким образом, в качестве аттитюда игрока можно рассматривать или его собственную реакцию на действие противника, или какое-либо следствие из выбранной им позиции.

Для отыскания решения конфликта нам необходим результирующий аттитюд, который определяется В.А. Светловым как «общее необходимое условие, которому должны подчиняться индивидуальные действия всех

¹ Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 176.

игроков»¹. Из этого определения вытекает, что результирующий аттитюд как отражение полной совместимости индивидуальных аттитюдов может быть получен в результате операции конъюнкции над аттитюдами всех участников конфликта.

Итак, для построения логической модели конфликта необходимо:

1. Выявить всех участников конфликта, от действий которых зависит принципиальное решение проблемы.

2. Определить позиции каждого участника, выяснить, в каком состоянии находится рассматриваемая система, — синергизма, антагонизма или конфликта.

3. Определить аттитюды участников.

4. Вычислить общий аттитюд (конъюнкцию аттитюдов), который будет содержать все возможные способы решения рассматриваемого конфликта.

В качестве иллюстрации рассмотрим анализ басни Эзопа «Крестьянин и змея»

Змея подползла к сыну крестьянина и ужалила его насмерть. Крестьянин, не помня себя от горя, схватил топор и засел возле ее норы, чтобы убить ее сразу, едва она покажется. Выглянула змея, и ударил он топором, но по змее не попал, а расколол возле норы камень. Однако потом стало ему страшно, и стал он просить змею помириться с ним. «Нет, - ответила змея, - ни я не могу тебе добра желать, глядя на трещину в камне, ни ты мне - глядя на могилу сына»².

1. Участник конфликта – Крестьянин.

2. Его позиции: А: «Необходимо отомстить Змее за смерть сына»; В: «Необходимо избегать опасности для сохранения собственной жизни». Система (Крестьянин и его позиции) конфликтна, поскольку исполнение одной

¹ Светлов В.А. Практическая логика. – СПб.: Питер, 2003. – С. 426.

² Эзоп. Басни [Электронный ресурс] / Пер. с греч. и лат М. Гаспарова. – URL: <http://ezop.su/basny/>(дата обращения 15.01.2014).

позиции блокируется неисполнением другой: невозможно мстить, если боишься за свою жизнь.

3. Аттитюды участника.

$A \Rightarrow C$, где C : «Предпринять попытку убить Змею»;

$B \Rightarrow E$, где E : «Помириться со Змеей».

4. Результирующий аттитюд:

$$(A \Rightarrow C) \wedge (B \Rightarrow E) \equiv (A \vee C) \wedge (B \vee E) \equiv (A \wedge \bar{B}) \vee (A \wedge E) \vee (C \wedge \bar{B}) \vee (C \wedge E)$$

Четыре члена образовавшейся дизъюнкции дают четыре возможных решения данного конфликта.

$\bar{A} \wedge \bar{B}$ – отказаться от мести Змее и избавиться от страха за собственную жизнь;

$\bar{A} \wedge E$ – отказаться от мести и помириться со Змеей;

$C \wedge \bar{B}$ – не избегать опасности и попытаться убить Змею;

$C \wedge E$ – помириться со Змеей и попытаться убить ее.

По сравнению с толкованием этой басни: «после сильной вражды не легко бывает примирение»¹ построенная модель дает нам новую информацию о данном конфликте, а именно предлагает нам все его формальные решения, которые можно проверить на реалистичность. Такая проверка в басне и делается Змеей; она называет первое, второе и четвертое решения нереалистичными: крестьянин не сможет оказаться от мести, поскольку могила сына не позволит ему забыть о его смерти, а Змее сложно пойти на примирение, так как в камне возле ее норы появилась трещина как напоминание о том, что крестьянин покушался на ее жизнь. Впрочем, четвертое решение вполне может оказаться реалистичным. Все зависит от того, какой смысл проецируют субъекты на позицию «помириться». Заметим, что данный пример был приведен нами только в качестве иллюстрации простейшей логической модели конфликта, и при выборе этой модели (равно как и любой другой) необходимо

¹Эзоп. Басни [Электронный ресурс] / Пер. с греч. и лат М. Гаспарова. – URL: <http://ezop.su/basny/> (дата обращения 15.01.2014).

руководствоваться правилом: не должно быть построения модели ради ее построения.

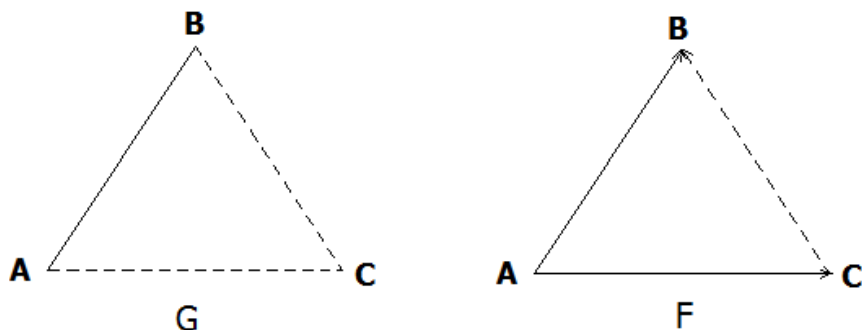
Подведем некоторые итоги:

– логическая модель конфликта представляет собой непустое множество позиций субъектов и последствий, вытекающих из этих позиций; из них с помощью логических операций конструируются различные выражения, которые преобразуются с использованием основных равносильностей и, в конечном итоге, интерпретируются по отношению к субъектам и их позициям.

– возможности и границы применения данной модели, а также исследование ее свойств могут стать предметом дальнейшего исследования.

Более изученной в этом плане является возможность использования элементов теории графов в моделировании конфликта, такой подход авторы единой теории конфликта называют структурным¹. Для построения структурной модели используются различные виды графов. Граф, в котором направление линий не выделяется, называется *неориентированным*; граф, в котором направление линий принципиально, называется *ориентированным* или *диграфом*. В единой теории конфликта вводится определение означенного графа: «Означенный граф (диграф) – это граф (диграф), все или некоторые линии которого обозначены как положительные (позитивные), а остальные как отрицательные (негативные)»².

Например:

G – означенный граф (неориентированный);

¹См.: Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. – СПб: Питер, 2005. – 540 с.; Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.

²Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 144.

F – означенный диграф (ориентированный граф).

На этих графах позитивные (положительные) линии сплошные, негативные (отрицательные) – прерывистые. Так, на графе G позитивная линия АВ, негативные – АС и ВС. На диграфе F позитивные линии АВ и ВС, негативная – СВ.

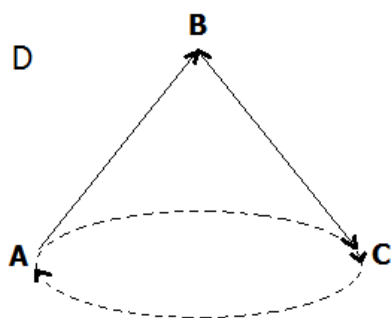
Еще одно понятие, которое вводится в единой теории конфликта – понятие цикла (полуцикла). Линии графа образуют цикл (полуцикл) в том случае, если конец одной из них является началом другой. Принципиальное отличие полуцикла от цикла состоит в том, что двигаясь по линиям цикла от какой-либо вершины, мы к ней же и вернемся, в случае полуцикла такой возврат не гарантируется¹. Каждый цикл является полуциклом, но обратное неверно.

Для любого цикла (полуцикла) можно определить знак в соответствии со следующим правилом:

⊗	+	-
+	+	-
-	-	+

Следовательно, цикл (полуцикл) имеет знак «+», если содержит четное число отрицательных (негативных) линий, в противном случае цикл (полуцикл) имеет знак «-».

Например:

¹ См.: Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 145.

1) АВ, ВС, СА (цикл); $s = \langle + \rangle \otimes \langle + \rangle \otimes \langle - \rangle = \langle - \rangle$

2) АС, СВ (полуцикл); $s = \langle - \rangle \otimes \langle + \rangle = \langle - \rangle$

3) АС, СА (цикл); $s = \langle - \rangle \otimes \langle - \rangle = \langle + \rangle$.

4) ВС, СА, АВ – цикл, будем считать его тем же циклом, что и АВ, ВС, СА, поскольку набор линий и в том, и в другом случае один и тот же, отличаются они только вершиной, от которой начинается движение по линиям графа.

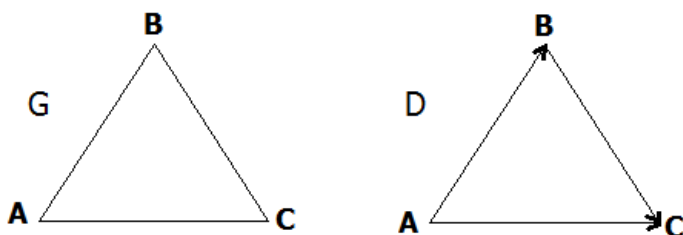
5) ВС, СА, АС (цикл); $s = \langle + \rangle \otimes \langle - \rangle \otimes \langle - \rangle = \langle + \rangle$

6) СВ, ВС (цикл); $s = \langle + \rangle \otimes \langle + \rangle = \langle + \rangle$

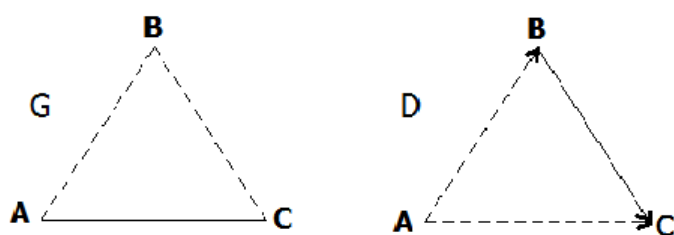
Диграф D состоит из четырех циклов: отрицательного и трех положительных, и одного отрицательного полуцикла. Как было сказано выше, каждый цикл является полуциклом, но при анализе конфликта различие между ними теряет свое значение, принципиальным остается их знак, который свидетельствует о совместимости или несовместимости их элементов. Поэтому в дальнейшем, определяя знаки циклов, будем называть их полуциклами.

Полуцикл *сбалансирован*, если его знак «+» и *несбалансирован* при знаке «-». Диграф *сбалансирован* тогда и только тогда, когда все его циклы (полуциклы) сбалансированы. Несбалансированный диграф является *конфликтным*. Рассмотренный в предыдущем примере диграф является конфликтным, так как два его полуцикла несбалансированы (имеют отрицательный знак). Сбалансированные графы (диграфы), характеризующие бесконфликтное состояние системы, делятся на синергетические и антагонистические.

Например: Синергетический граф G и синергетический диграф D:

Антагонистический граф G и антагонистический диграф D:

Смысл синергизма состоит в объединении всех элементов системы в одну общую «дружественную» коалицию, члены которых относятся друг к другу и к самим себе положительно. В бесконфликтной системе, содержащей негативные связи, все элементы разделены на две и только две «враждующие» коалиции, члены каждой из которых относятся друг к другу и к самому себе положительно, а к каждому члену «враждебной» коалиции – отрицательно.

В единой теории конфликта формулируются следующие теоремы о структурных свойствах конфликтных и бесконфликтных систем:

1. **Фундаментальная структурная теорема анализа и разрешения конфликтов (ФСТ).** Система находится в бесконфликтном состоянии, если и только если множество всех ее элементов X можно разделить на два взаимно исключающих и совместно исчерпывающих подмножества X_1 и X_2 , $X=X_1 \cup X_2$ и $X_1 \cap X_2 = \emptyset$, одно из которых может быть и пустым (случай синергизма), таким образом, что каждая позитивная линия соединяет элементы из одного и того же подмножества, а каждая негативная линия соединяет элементы из разных подмножеств (случай антагонизма)¹.

2. Независимо от сложности системы, измеряемой числом ее элементов, число конфликтных и бесконфликтных состояний всегда одно и то же и равно 2^{n-1} (n – число элементов системы)².

3. Конфликтные состояния могут различаться по степени своей конфликтности. Мера конфликтности $M=1-\frac{b^+}{b}=\frac{b^-}{b}$, где b^- – число всех

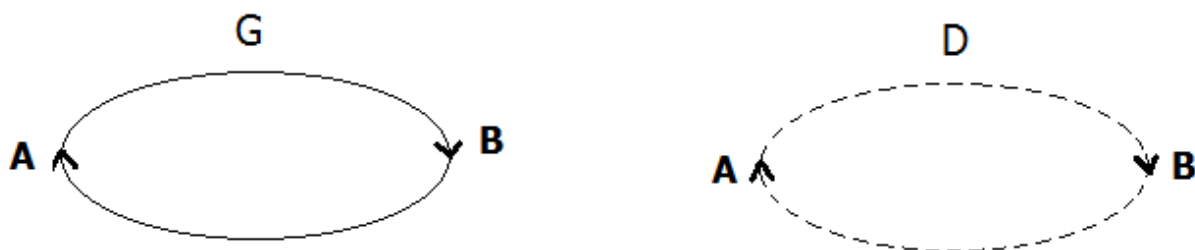
¹ См.: Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 89.

² Там же. С. 94.

полуциклов, b^+ – число неконфликтных (сбалансированных) полуциклов, b^- – число конфликтных (несбалансированных) полуциклов¹. Мера конфликтности изменяется от 0 до 1 и в определенном смысле представляет показатель готовности системы перейти в новое, более устойчивое состояние.

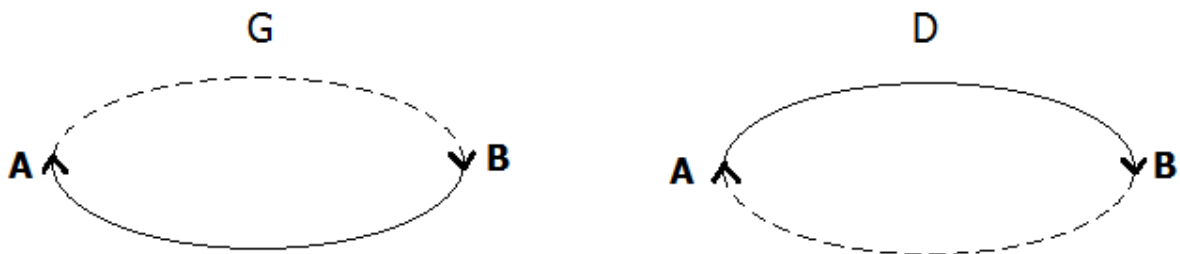
Для системы, состоящей из двух элементов А и В, возможно $2^{2-1}=2$ конфликтных и столько же бесконфликтных состояний.

Бесконфликтные состояния:

G – синергетическое бесконфликтное состояние, D – антагонистическое.

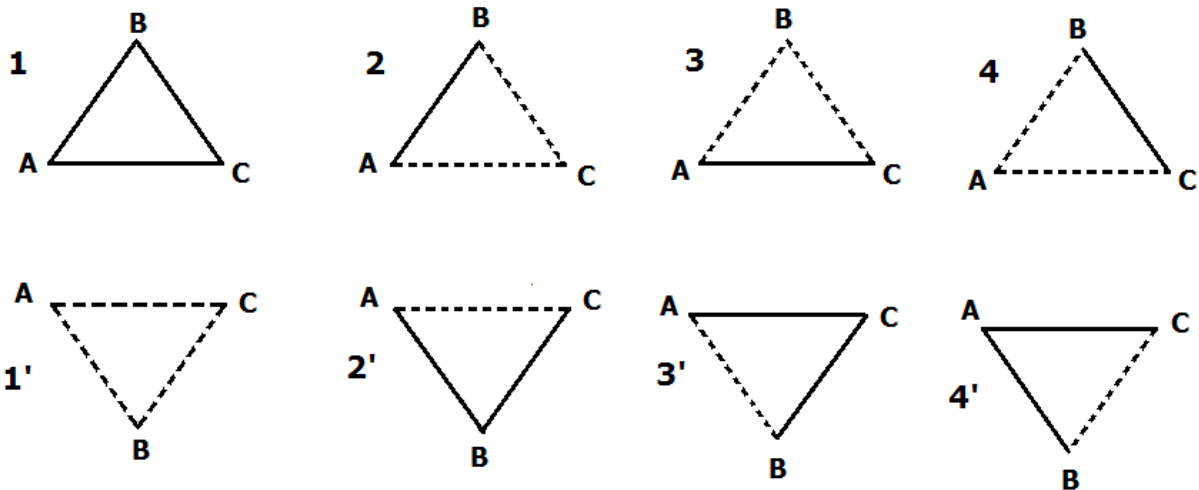
Конфликтные состояния:

Для системы, состоящей из трех элементов, конфликтные и бесконфликтные состояния получили название «треугольников Хайдера» в честь американского социального психолога Фрица Хайдера, использовавшего трехэлементные структуры для изучения динамики межличностных отношений². Для таких систем возможно $2^{3-1}=2^2=4$ бесконфликтных и 4 конфликтных состояний:

¹Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С.96.

² См.: Теоретические подходы социальной психологии. Часть 2. Когнитивитская ориентация [Электронный ресурс]. –URL: [http:// becmology.ru/blog/psychology/soc_psy02.htm](http://becmology.ru/blog/psychology/soc_psy02.htm) (дата обращения 16.05.2012)

Для графов 1 – 4 умножение знаков по периметру треугольника дает знак «+», следовательно, все они сбалансированы (бесконфликтны). В системе «1» элементы А и В позитивно относятся друг к другу, так как одинаково позитивно относятся к элементу С. В системе «2» А и В позитивно относятся друг к другу, поскольку одинаково негативно относятся к элементу С. В системах «3» и «4» элементы А и В негативно относятся друг к другу, так как противоположным образом относятся к С (один позитивно, а другой негативно). Однако позитивные или негативные отношения не должны пониматься как психологические категории и отождествляться с отношениями «любви», «дружбы», «поддержки»; с точки зрения единой теории конфликта они являются, прежде всего, символами совместимости и несовместимости.

Графы 1' – 4' отражают конфликтные состояния. В системах 1' и 3' элементы А и В одинаково относятся к С, но негативно относятся друг к другу. В системах 2' и 4' элементы А и В позитивно относятся друг к другу, но различным образом относятся к С.

В любом конфликте должен быть хотя бы один участник конфликта – субъект, вынужденный решать свои проблемы с учетом противодействия других субъектов, внутренних и (или) внешних обстоятельств, препятствующих достижению поставленной цели. Участники конфликта осуществляют последовательность действий и противодействий, направленных

на решение значимой проблемы. Каждый конфликт имеет свой объект и предмет. В общем смысле объектом конфликта можно назвать ту часть реальности, которая вовлечена во взаимодействие с субъектами конфликта, а предметом конфликта являются те противоречия, которые возникают между взаимодействующими сторонами и которые они пытаются разрешить посредством противоборства¹.

Авторы единой теории конфликта выделяют предмет и причину конфликта, определяя их следующим образом. Предмет конфликта – потребности участников конфликта, требующие удовлетворения. Причина конфликта – препятствие, порождающее несовместимость потребностей участников конфликта и способов их удовлетворения, вынуждающее заинтересованные стороны искать или разрабатывать новые способы достижения поставленных целей².

Поскольку предмет существует внутри объекта и неотделим от него, то при построении структурной модели конфликта одна из вершин графа (диграфа) должна обозначать именно предмет. Что касается выделения причины конфликта при построении его структурной модели, то мы предлагаем два варианта в зависимости от того, в отношении какого субъекта определяются способы разрешения моделируемого конфликта.

Первый вариант создания структурной модели конфликта предполагает следующую последовательность шагов.

1. Определить участников конфликта.
2. Сформулировать предмет конфликта – потребность, побуждающую участников конфликта к поведению, направленному на удовлетворение этой потребности.
3. Выявить отношения участников к предмету конфликта и друг к другу.
4. Построить означенный граф (диграф).

¹ См.: Конфликтология: Учебное пособие / сост. Е.В. Буртовая. – М.: РГИУ, 2002. – С. 36.

² См.: Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 78.

Далее для разрешения конфликта необходимо выявить, какие отношения между элементами графа являются устойчивыми, сбалансированными, а какие вызывают ситуацию дискомфорта (несбалансированности), и изменить последние с целью приведения этой ситуации вновь в состояние баланса. Рекомендации по изменению ситуации будут адресованы каждому участнику конфликта.

Второй вариант структурной модели предполагает выделение одного участника конфликта, принимающего решение в отношении сложившейся конфликтной ситуации. В этом случае будем выделять предмет и причину. Последовательность шагов:

1. Определить всех участников конфликта.
2. Выделить одного участника (коалицию участников) в качестве лица, принимающего важное, с точки зрения исследователя, решение.
3. Сформулировать предмет конфликта.
4. Установить причину конфликта – препятствие, мешающее выделенному участнику достигнуть поставленной цели.
5. Выявить отношения участника к предмету и причине конфликта.
6. Построить означенный граф (диграф).

Очевидно, что описанные нами варианты структурной модели конфликта не имеют принципиальных отличий, но во втором случае рекомендации к разрешению конфликтной ситуации будут адресованы одному из субъектов конфликта (принимающего решение), а в первом – каждому из них.

Итак, структурная модель конфликта предполагает следующие компоненты:

- 1) непустое множество элементов социальной системы;
- 2) непустое множество отношений (оценки или принадлежности) между этими элементами, каждое из которых является либо позитивным (+), либо негативным (-);
- 4) результирующий знак системы: положительный или отрицательный.

Необходимым и достаточным условием несбалансированности означенного диграфа и тем самым конфликтности моделируемой системы является наличие в нем нечетного числа негативных отношений (отрицательный знак), что свидетельствует о том, что «конфликт представляет определенную (структурно-функциональную) асимметрию существования живых систем»¹.

При описании двух вариантов построения структурной модели конфликта мы рассматривали трехэлементную систему (два участника + предмет конфликта, участник + предмет + причина конфликта), однако к ней может быть редуцирован посредством умножения знаков отношений цикл сколь угодно большой длины. В зависимости от сложности рассматриваемой системы (числа элементов и стрелок на графе) можно использовать один из двух алгоритмов анализа конфликта с использованием структурной модели².

1. Алгоритм анализа конфликта:

1. Построить структурную модель конфликта.
2. Найти все несбалансированные полуциклы (имеющие знак «-») и установить причины их несбалансированности.
3. Для каждого такого цикла определить возможные пути трансформации из конфликтного в бесконфликтное состояние, оценить условия и вероятность осуществления каждого из них, а также его достоинства и недостатки.

2. Алгоритм распознавания конфликтных и бесконфликтных состояний³:

1. Составить список X всех элементов анализируемой системы в произвольном порядке. Пусть X_1 и X_2 – взаимно-непересекающиеся и

¹ Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 35.

² См.: Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент; Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология.

³ Авторы ЕТК называют данную последовательность шагов «алгоритмом распознавания», хотя на самом деле речь идет все о том же анализе конфликта с целью отыскания его возможных решений. – Прим. авт.

совместно исчерпывающие список X ($X_1 \cup X_2 = \emptyset$) множества, до начала разбиения они являются пустыми.

2. Выбрать произвольным образом элемент $A \in X$ и включить его во множество X_1 .

3. Выбрать из X новый элемент B и сравнить его с A . Если сравниваемые элементы связаны позитивно, то элемент B включается во множество X_1 . В противном случае он включается во множество X_2 . Выбрать новый элемент из X и описанную процедуру повторять до тех пор, пока все элементы X не будут распределены по двум подмножествам.

4. Если множество X исчерпывающим образом удалось разбить на два непересекающихся подмножества (одно из множеств X_1 или X_2 может оказаться пустым, но не оба), тогда анализируемая структура бесконфликтна. В противном случае система конфликтна.

5. Решение конфликта будет связано с необходимостью изменения отношений между элементами, которое позволит провести описанное разбиение.

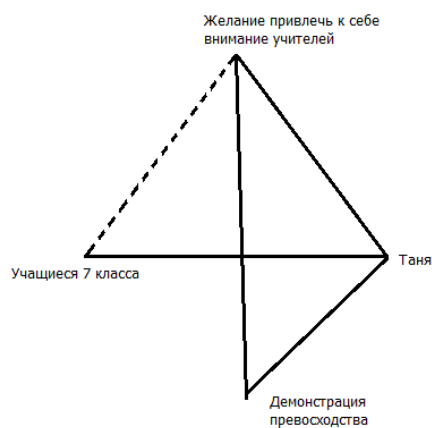
Ситуация «Педагогический конфликт». В седьмой класс общеобразовательной школы в середине учебного года приходит новая ученица Татьяна. С момента своего первого появления в классе она пытается привлечь к себе внимание учителей и классного руководителя различными способами: постоянно одевается в яркую, броскую одежду, часто выдумывает различные истории, якобы с ней происходящие. Желание быть внешне не такой, как все, сопровождается претензиями на признание окружающими ее высоких учебных достижений, среди учащихся класса растет недовольство Таниным поведением. На одном из уроков физики учитель сказал, что с проверочной работой лучше всех в классе справилась Юля, Танина одноклассница. На следующий день Таня вытащила из Юлиной сумки личный дневник и прочитала в нем о первой любви девочки. Все, о чем Таня узнала из дневника, она стала рассказывать одноклассникам, пытаясь высмеять Юлю. Подруги Юли пытались поговорить об этом с классным руководителем, но

услышали в ответ, что Таня на такое не способна, а они просто ей завидуют. Ситуация в классе накаляется, – на одной стороне Таня и учителя, а на другой – весь класс.

Постановка задачи. В школьную службу примирения обратились подруги Юли с просьбой о помощи в разрешении данного конфликта.

Выбор и исследование модели. В данном случае мы имеем конфликт между личностью и группой, субъекты, объект и предмет конфликта определены, предполагается поиск всевозможных решений конфликта и последующая их проверка на реалистичность. С учетом данных особенностей уместно использовать структурную модель конфликта.

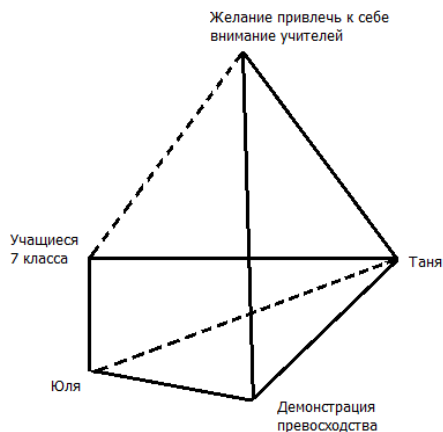
1. Конфликтная ситуация:

В данном случае для построения графа мы использовали первый вариант структурной модели, – участники конфликта + предмет. Отношения между Таней и учащимися, Таней и желанием привлечь к себе внимание учителей – позитивные отношения принадлежности, т.к. Таня является ученицей 7 класса и это желание она испытывает. Отношение между учащимися 7 класса и желанием Тани привлечь к себе внимание – негативное отношение оценки. Демонстрация превосходства – один из способов привлечь к себе внимание, поэтому данный элемент соединен сплошной (позитивной) линией и с вершиной графа, обозначающей Таню, и с вершиной, обозначающей ее

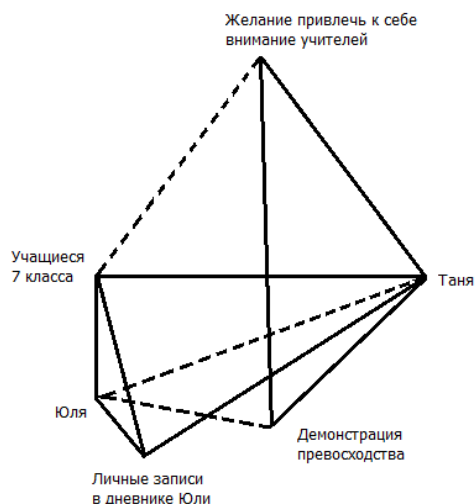
желание привлечь к себе внимание. Граф состоит из двух циклов, один из которых несбалансирован (конфликтен).

2. Появляется повод для перерастания конфликтной ситуации в конфликт:

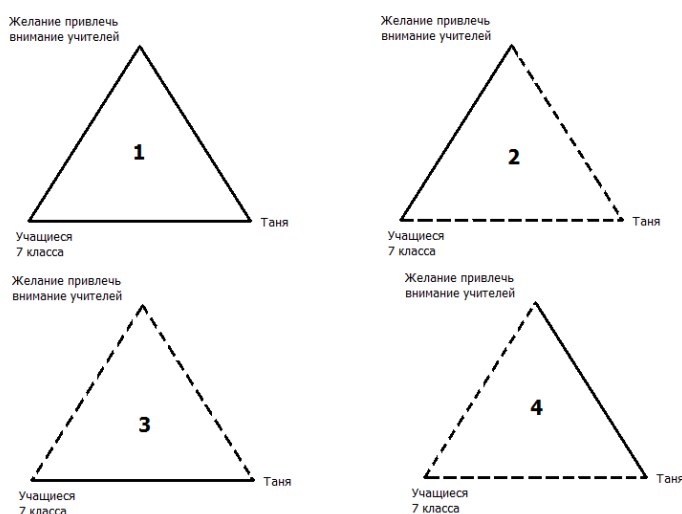
На данном графе уже три несбалансированных цикла. Юля проявила свое превосходство невольно, преуспев в решении задач по физике (линия позитивная), при этом Юля стала объектом, блокирующим возможность для Тани выделяться своими способностями (линия негативная).

3. Инцидент с личным дневником Юли:

Очевидно, если конфликт будет развиваться, то число вершин и линий на графе будет увеличиваться, однако решение конфликта следует искать в исходном треугольнике.

Интерпретация результатов. Любая трехэлементная система имеет 4 бесконфликтных состояния. Оценим возможность осуществления каждого из них. Для этого необходимы дополнительные исследования, например, выявить у Тани уровень самооценки. Возможно, ее желание привлекать к себе внимание — это защитная реакция на неуверенность в своих силах. Нужно поговорить с мамой девочки и учителями школы, в которой она обучалась ранее. Возможно, Тане не хватает внимания в семье, поэтому она старается этот недостаток внимания компенсировать в школе.

Вариант 1 предполагает, что класс изменит свое отношение к желанию Тани выделяться среди одноклассников. Этот вариант маловероятен, но мог бы быть реализован на первой стадии развития конфликта. Вариант 3 самый предпочтительный, но требует вмешательства школьного психолога, кроме того, коррекция поведения Тани может занять немало времени. Варианты 2 и 4 означают, что Таню переводят либо в другой класс, либо в другую школу. При этом вариант 2 бессмысленный (Таня не является ученицей 7 класса, а класс при этом одобряет ее желание выделяться). Вариант 4 дает лишь временное решение проблемы. Скорее всего, в новом коллективе все начнется сначала.

Итак, использование в моделировании конфликта элементов математической логики и теории графов, позволяет создать модели, названные нами логико-структурными. Особенность логической модели состоит в том, что она может учитывать и позиции субъектов, и их возможные контрдействия,

и последствия этих действий и контрдействий, следовательно, ее целесообразно использовать для прогнозирования последствий выбора субъектами той или иной стратегии в конфликтной ситуации. Структурная модель конфликта позволяет найти все его возможные решения. Однако для выбора наиболее оптимального и вероятного из них необходимо иметь полную базу данных об участниках конфликтного взаимодействия. Разрешение же конфликта с использованием этих моделей возможно только при сочетании моделирования с другими методами его исследования.

§2. Игровые модели конфликта

Потребность играть заложена в самой природе человека. Являясь основополагающей характеристикой человеческой сущности, игра пронизывает всю человеческую культуру: «игровые формы обнаруживаются в самой серьезной человеческой деятельности»¹. По Х.-Г. Гадамеру игра имеет место и там, «где нет субъектов, ведущих себя по-игровому»². Для него игра – это совершение движения как такового. Игра предписывает игрокам свои правила, они же познают игру «как превосходящую их действительность»³. Сущность игры составляют ее правила, субъектом игры является сама игра: она «привлекает игрока, вовлекает его и держит»⁴. Однако это не означает, что игроки занимают абсолютно пассивную позицию. Гадамер пишет: «Каждая игра ставит задачу перед человеком, который в нее играет»⁵. Для выполнения игровой задачи игроку необходимо преобразовать «целевые установки своего поведения в задачи игры»⁶.

В соответствии с концепцией игры, предложенной И. Хейзингой, не только игра структурирует бытие человека в качестве *homoludens*, но и человек

¹Гадамер Х.-Г. Игра искусства // Вопросы философии. – 2006. – №08. – С. 165.

²Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 148.

³Там же. С. 155.

⁴Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 152.

⁵Там же. С. 153.

⁶Там же.

способен к расширению игрового поля. В данной концепции можно выделить следующие устойчивые характеристики игры:

1. Всякая игра есть в первую очередь свободное действие, игра по принуждению не может оставаться игрой¹.

2. Игра всегда замкнута, она существует в определенных границах места и времени.

3. Внутри игрового пространства господствует присущий только ему порядок, «игра сама и есть порядок»².

4. В каждой игре свои правила, они бесспорны и обязательны.

5. Если в игре участвуют не менее двух игроков, то появляется понятие выигрыша; играют всегда «ради чего-то»³.

6. Играющий со временем теряет ощущение того, что он «просто играет»⁴, игра серьезна в своих проявлениях и результатах.

У Хейзинги формальные признаки игры присутствуют в состязании, вызове, опасности, схватке: «Игра – это битва, битва – это игра»⁵. Можно убедиться в том, что любой конфликт в полной мере обнаруживает все указанные признаки игры.

Во-первых, конфликтующие субъекты свободны в своих действиях. Они выбирают ту или иную стратегию поведения в конфликте, определяющую то или иное их действие или контрдействие. Можно говорить о вынужденном участии в конфликте или о вынужденном продолжении конфликта. Но невозможно быть стороной конфликта *по принуждению*. В этом случае стороной конфликта становится тот, кто принуждает субъекта к некоторым действиям ради достижения своих целей, последний же становится инструментом «принуждающего» в конфликтном взаимодействии и, в конечном итоге, жертвой данного конфликта.

¹ См.: Хейзинга Й. *Homo ludens*; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – С. 27.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 55.

Во-вторых, любой конфликт имеет временные и пространственные границы. В-третьих, развитие любого конфликта предполагает наличие вполне определенных стадий, с необходимостью следующих друг за другом; в этом смысле конфликт есть порядок. В-четвертых, действия конфликтующих субъектов подчинены определенным правилам, продиктованным самой логикой конфликтного взаимодействия. Основополагающими правилами можно считать следующие: на каждое действие стороны А сторона В отвечает своим контрдействием; действия сторон направлены на причинение ущерба противнику (морального, физического, экономического и др.). Очевидно, субъекты всегда конфликтуют из-за чего-то и ради чего-то, и это пятый признак игровой деятельности. И, наконец, лишь в редком случае субъект, оказавшийся в ситуации конфликта, считает происходящее шуткой или некой забавой. Как правило «истинное и всеохватывающее состояние погруженности»¹ в конфликт отличается для субъекта крайней серьезностью. Таким образом, конфликт демонстрирует существенные признаки игры и может быть рассмотрен в качестве игры.

Каждая конфликтная ситуация содержит множество субъективных факторов, влияющих на окончательный исход противодействия. Участники конфликта могут правдиво информировать друг друга о своих мотивах и целях, но могут и скрывать их, специально дезинформируя друг друга. Исчерпывающий анализ конфликта предполагает обязательный анализ подобной субъективной составляющей. Знание о намерениях, истинных и ложных, явных и скрытых, о возможных действиях субъектов очень важно при мониторинге или управлении реально развивающимся конфликтом. Чтобы получить и использовать подобное знание, можно воспользоваться одной из возможных моделей конфликта – теоретико-игровой.

Теорию игр часто определяют как математическую дисциплину, «которая устанавливает правила поведения в конфликтных ситуациях, обеспечивающие

¹Хейзинга Й. *Homo ludens*; Статьи по истории культуры С. 39.

достижение лучших (в некотором заранее заданном смысле) результатов»¹. Теория игр – это анализ стратегии в отношениях двух взаимодействующих сторон. Взаимоотношения эти могут проявляться в самых разных качествах, от сотрудничества до конфликта, и в самых разных сферах, от шахмат до бизнеса и войн между государствами. Однако модель остается всегда одна и та же. Существует набор правил, которые определяют развитие конфликта при столкновении двух систем. Существует также набор определенных приемов, необходимых для того чтобы побудить соперника, врага, конкурента принять твою позицию. Такие тематические области, как стратегическое поведение, конкуренция, кооперация, риск и неопределенность, являются ключевыми в теории игр и непосредственно связаны с задачами конфликто разрешения.

Рассмотрим основные понятия и определения теории игр, которые понадобятся нам в дальнейшем для описания игровой модели конфликта.

Д.А. Новиков и А.Г. Чхартишвили предлагают следующее определение: «Игра – это взаимодействие сторон, интересы которых не совпадают»².

Н.П. Мешковой и Р.Ш. Закиров определяют это понятие следующим образом: «Игрой называется всякая конфликтная ситуация, изучаемая в теории игр и представляющая собой упрощенную, схематизированную модель ситуации. От реальной конфликтной ситуации игра отличается тем, что не включает второстепенные, несущественные для ситуации факторы и ведется по определенным правилам, которые в реальной ситуации могут нарушаться»³.

Приведем еще несколько определений:

«Игра – конфликтная ситуация, в которой ни один из участников не имеет полного контроля над развитием событий. Планы каждого из них в любое время могут быть нарушены действиями остальных участников. Рациональное планирование своих действий с учетом возможных

¹Льюис Р.Д., Райфа Х. Игры и решения: Введение и критический обзор. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – С. 5.

²Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. – М.: Синтег, 2003. – С. 5.

³Мешковой Н.П., Закиров Р.Ш. Теория игр: конспект лекций. – Челябинск: Челябинский политехнический институт имени ленинского комсомола, 1974. – С. 4.

контрдействий остальных участников конфликта – это основная проблема теории игр»¹.

«Ситуация называется конфликтной, если в ней участвуют стороны, интересы которых полностью или частично противоположны. Игра– это действительный или формальный конфликт, в котором имеется по крайней мере два участника (игрока), каждый из которых стремится к достижению собственных целей»².

«Игра – это ситуация, в которой одно или несколько лиц («игроков») совместно управляют некоторым множеством переменных и каждый игрок, принимая решения, должен учитывать действия всей группы, «платеж», приходящийся на долю каждого игрока, определяется не только его собственными действиями, но и действиями других членов группы. Некоторые из «ходов», или индивидуальных действий, в ходе игры могут носить случайный характер»³.

Таким образом, игра подразумевает наличие нескольких сторон (минимум двух), обладающих собственными целями, интересами. Каждая из сторон принимает такие решения (т. е. выбирает стратегию действий), которые, как полагает сторона, обеспечит ей наибольший выигрыш или наименьший проигрыш, причем самой стороне известно, что результат зависит не только от нее, но и от действий других сторон. Важные особенности игры – взаимозависимость решений и действий и принятие решений сторонами в условиях неопределенности (мы ожидаем, как себя поведет другая сторона в ответ на наши действия). Игра, по сути, – это управляемый конфликт, где стороны, осознавая это, принимают решения и действуют для достижения своих целей. Уметь играть – значит уметь принимать решения и действовать в условиях конфликта, причем действовать успешно. Изучение и использование

¹Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 292

²МПТ: Математические методы и исследование операций [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.matmet.mpt.ru> (дата обращения 25.03.2013).

³ИгрТеория //Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения 02.04.2013).

теории игр помогает выбрать лучшие стратегии с учетом представлений о других участниках, их ресурсах и их возможных поступках.

В любой игре выделяются следующие основные элементы:

1. **Игроки**– участники конфликта, могут быть как индивидуальными, так и коллективными (коалиционными). Конфликт с одним игроком принято называть игрой с природой. Будем считать, что участники конфликта (игроки) образуют множество $N=\{1, 2, 3, \dots, n\}$, где $n(N)\geq 1$. Таким образом, ни один участник не может «выйти из игры», а также никто не может вмешаться в конфликт.

2. **Правила игры**– система условий, регламентирующих возможные действия игроков и объем информации каждой стороны о поведении другой.

3. **Ходы (выборы)** – действия игроков, которые они могут совершать или не совершать для разрешения конфликта. Ходы могут быть личными или случайными. При личном ходе игрок реализует сознательный выбор и осуществление своих действий (например, ход при игре в шахматы). Случайный ход реализуется некоторым неуправляемым механизмом (бросание игральной кости, вытягивание карты и т.п.). Протекание любой игры во времени происходит в виде последовательных ходов, совершаемых игроками.

4. **Стратегии игрока**. Существуют различные подходы к определению этого элемента игры. Так, например, В.А. Светлов стратегией игрока называет «набор последовательностей действий по одному для каждого игрока»¹. Н.П. Мешковой и Р.Ш. Закиров под стратегией игрока понимают «план его действий при каждом ходе для всей партии с учетом возможной ситуации, вызванной случайностью и ходами других игроков»². Похожим образом определяет стратегию Р. Фелькер, как «возможные действия, позволяющие игроку на каждом этапе игры выбирать из определенного количества альтернативных вариантов такой ход, который представляется ему «лучшим

¹Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 292.

²Мешковой Н.П., Закиров Р.Ш. Теория игр: конспект лекций. С. 5.

ответом» на действия других игроков»¹. Другим подходом к определению стратегии является отождествление ее с ходом (выбором) игрока. Н.С. Кукушкин стратегией называет *любоедействие*, которое игрок может предпринимать для достижения своих целей². Аналогичное определение предлагают Е.В. Шикин и А.Г. Чхартишвили: «Любое возможное для игрока действие (в рамках заданных правил игры) называется его стратегией. В условиях конфликта он выбирает свою стратегию, в результате чего складывается набор стратегий, называемый ситуацией»³. Условимся в дальнейшем не отождествлять понятия «выбор» и «стратегия», а использовать первый подход к определению стратегии игрока.

5. **Исходы** – результаты осуществления стратегий (в первом их понимании), т.е. определенные способы разрешения конфликта. Элементы множеств стратегий и исходов находятся во взаимно-однозначном соответствии. При этом понятие «выигрыш» выражает благоприятный с точки зрения данного игрока исход, а понятие «проигрыш» – неблагоприятный.

6. **Платеж** – значение объективной или субъективной полезности, которым обладает исход для игрока. Платеж выражается в некоторых измеримых ценностях (деньгах, потерях воюющих сторон и т.п.). Если такая количественная мера отсутствует, ее вводят условно (очки, баллы, места). Вычисление платежей исходов представляет, как правило, специальную техническую задачу. Однако не каждое социальное явление допускает количественную квантификацию (количественное измерение качественных

¹Фелькер Р. Использование теории игр в практике управления (из архивов журнала «Проблемы Теории и Практики Управления») [Электронный ресурс].– URL:http://www.cfin.ru/management/game_theory.shtml (дата обращения 15.02.2013).

²Кукушкин Н.С., Меньшикова О.Р., Меньшиков И.С. Конфликты и компромиссы. – М.: «Знание», 1986. (Новое в жизни, науке и технике, серия «Математика, кибернетика», №9) . – С. 5.

³Шикин Е.В., Чхартишвили А.Г. Математические методы и модели в управлении: Учебное пособие / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет государственного управления. – М.: Дело, 2002. – С. 310.

признаков), и не всякое квантифицированное социальное явление может признано объективным в общепризнанном смысле.

7. **Предпочтения** игроков – упорядочение каждым игроком исходов конфликта в соответствии со своими интересами от наилучшего к наихудшему.

8. **Решение игры** – это исход, который представляет рациональное разрешение конфликта для всех его участников.

8. **Цена игры** – математическое ожидание выигрыша (проигрыша) игроков при применении ими своих оптимальных стратегий.

Модель конфликта (реального или возможного), построенную с использованием терминологии и методов решения теории игр, В.А. Светлов называет теоретико-игровой моделью конфликта и определяет следующим образом: «Теоретико-игровой моделью конфликта является игра G , описываемая множеством допустимых действий S_i и множеством несовпадающих функций предпочтения исходов M_j , каждого из $n \geq 2$ игроков:

$$G = \{S_1, S_2, \dots, S_n; M_1, M_2, \dots, M_m\} \gg^1.$$

Теоретико-игровая модель конфликта воспроизводит не целостную конфликтную ситуацию со всеми ее многообразными проявлениями, а лишь ограниченный комплекс свойств, связанных с возможными исходами и выбором оптимальных стратегий поведения в сложившейся ситуации. Использование таких моделей особенно уместно в тех ситуациях социального взаимодействия, где необходимо учесть интересы и побуждения сторон и принять оптимальное решение. При создании игровой модели конфликта необходимо:

а) определить множество игроков;

б) для каждого игрока определить множество возможных действий;

в) определить множество всевозможных исходов, поставив в соответствие каждому элементу декартова произведения, определенного на множествах действий игроков, единственное численное значение, отражающее объективную или субъективную полезность данного исхода;

¹Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 57.

г) вычислить стабильные исходы, которые и будут возможными решениями данного конфликта, определить их достоинства и недостатки.

Ситуация «Трудовой конфликт». На предприятии участились случаи недовольства работников действующей системой оплаты труда. Между работодателем в лице генерального директора и профсоюзным комитетом, представляющим интересы работников предприятия, заключен коллективный договор, в одном из пунктов которого говорится, что система оплаты и стимулирования труда устанавливается работодателем с учетом мнения выборного профсоюзного органа. Для разрешения конфликтной ситуации представители работников выступили с инициативой внести в коллективный договор изменения, касающиеся оплаты труда. Для согласования этих изменений планируется провести коллективные переговоры между администрацией предприятия и профсоюзом работников.

Постановка задачи. Профсоюзу работников и администрации необходимо подготовить предложения по совершенствованию системы оплаты и стимулирования труда и выработать совместное оптимальное решение.

На данном предприятии используется повременная форма оплаты труда (для аппарата управления и сотрудников отдела кадров) и сдельная форма (для всех остальных работников). В качестве компенсации на предприятии организовано горячее бесплатное питание. Преимуществами повременной формы являются простота и легкость реализации, поскольку она базируется на тарифных ставках и разрядах работников. Недостатками являются низкий уровень стимулирования и «терпимость» к плохим производственным показателям. Преимуществами сдельной формы являются непосредственная связь вознаграждения с результатами труда, стимулирование к высокой производительности труда, дух соревнования между работниками. Недостатками являются возможность возникновения конфликтных ситуаций, если не будет гарантирован минимальный доход, удовлетворяющий материальные потребности всех работников коллектива. Что касается

бесплатного питания, то многие работники высказывают пожелание заменить его другой, на их взгляд более выгодной формой компенсации, например, оплатой проезда к месту работы и обратно.

Администрация предлагает помимо имеющихся форм оплаты труда внедрить новые, а именно: «ставка + надбавка на группу» и «ставка + надбавка по результатам работы предприятия». Эти формы тоже имеют свои достоинства и недостатки, кроме того они не могут применяться одновременно по отношению ко всем работникам. «Ставка + надбавка на группу» (за высокие показатели работы бригады, цеха, отдела) может быть использована там, где трудно определить индивидуальные показатели и где хороший социально-психологический климат в рабочих группах. Преимуществом этой формы является высокая мотивация труда, а недостатком – возможность возникновения конфликтов как внутри группы из-за неравных индивидуальных усилий ее членов, так и межгрупповых конфликтов по поводу неравных условий труда отдельных бригад, отделов, цехов. «Ставка + надбавка по результатам работы предприятия» может быть использована в условиях хорошего психологического климата, стимулирующего сотрудничество в отношениях администрации и работников. Преимуществом ее является более широкое вовлечение работников в дела предприятия, недостатком – нечеткая связь между индивидуальным вкладом каждого работника и получаемым вознаграждением.

Со своей стороны профсоюз, выражая мнение работников предприятия, предлагает установить следующие дополнительные виды компенсаций: оплата проезда к месту работы и обратно, оплата сотовой связи (корпоративный тариф), компенсационные выплаты услуг детского сада в размере 50% от стоимости платы за услуги или оплату санаторно-курортного лечения в таком же объеме.

Необходимо найти оптимальное решение поставленной задачи. При этом явного конфликта на предприятии пока нет, но работники изначально с недоверием относятся к любым нововведениям со стороны руководства, считая,

что новые формы оплаты труда вводятся исключительно для сокращения расходов на заработную плату. Аргумент «экономический отдел все просчитал» также вызывает протест, поскольку сотрудники этого отдела и так самые высокооплачиваемые на предприятии и, по мнению коллектива, «о своей заработной плате уж точно смогут позаботиться». Итак, можно говорить о конфликтной ситуации, которая может перерасти в конфликт. С целью его предотвращения и планируются коллективные переговоры.

Выбор модели. В рассматриваемой ситуации есть две стороны, у каждой из которых есть конечное множество предложений. Необходимо выработать решение, которое устраивало бы максимально обе стороны. При этом работники стремятся к увеличению оплаты труда, администрация – к увеличению прибыли и сокращению расходов, в том числе и на заработную плату. Следовательно, мы имеем все условия для создания варианта модели конфликтной ситуации в виде матричной игры, что позволит пользоваться методами теории игр для поиска оптимального решения.

Для построения игровой модели:

1. Определим множество игроков. Игрок А – профсоюз работников, игрок В – администрация предприятия. Моделируя ситуацию, мы допускаем, что как среди членов профсоюза, так и среди представителей администрации наблюдается «групповое единомыслие», и, следовательно, каждую из этих групп можно считать одним игроком.

2. Определим множества выборов игроков.

Для игрока А: $\{A_1, A_2, A_3, A_4\}$, где

A_1 – согласиться с установлением повременной оплаты труда;

A_2 – согласиться на сдельную оплату труда;

A_3 – согласиться на оплату труда по системе «ставка + надбавка на группу»;

A_4 – согласиться на внедрение оплаты труда по системе «ставка + надбавка по результатам работы предприятия».

Для игрока В: $\{B_1, B_2, B_3, B_4\}$, где

B_1 – ежедневно оплачивать горячее питание работникам предприятия;

B_2 – компенсировать транспортные расходы (либо проезд к месту работы и обратно, либо стоимость ГСМ для личных автомобилей работников);

B_3 – компенсировать расходы на сотовую связь;

B_4 – компенсировать расходы на услуги детского сада в размере 50% от стоимости платы (либо на санаторно-курортное лечение в таком же объеме, поскольку не у каждого работника есть дети, посещающие детский сад).

3. Составим платежную матрицу игры. Для этого экономический отдел просчитал все возможные сочетания формы оплаты труда и компенсации (всего 16 вариантов). Данные расчеты представлены в платежной матрице. В каждой ячейке записаны расходы на оплату труда за год (в миллионах рублей).

	B_1	B_2	B_3	B_4
A_1	75	105	65	45
A_2	70	60	55	40
A_3	80	90	35	50
A_4	95	100	50	55

Как было сказано выше, работники заинтересованы в увеличении, а работодатель – в уменьшении значений платежной матрицы. Следовательно, данную игру можно рассматривать как антагонистическую или игру с нулевой суммой (выигрыш одного игрока равен проигрышу другого).

Итак, моделью данной ситуации является антагонистическая игра двух лиц, каждое из которых имеет по 4 возможных хода, и предпочтения которых отражены в платежной матрице.

Исследование модели

1. Выясним, имеет ли игра решение в чистых стратегиях. Для этого найдем максимин и минимакс и сравним полученные значения.

	B₁	B₂	B₃	B₄	min a_{ij}
A₁	75	105	65	45	45
A₂	70	60	55	40	40
A₃	80	90	35	50	35
A₄	95	100	50	55	50
max a_{ij}	95	105	65	55	

$$\max \min a_{ij} = 50,$$

$$\min \max a_{ij} = 55,$$

$\max \min a_{ij} \neq \min \max a_{ij} \Rightarrow$ игра не имеет решения в чистых стратегиях.

2. Найдем решение игры в смешанных стратегиях.

Заметим, что каждый элемент первой строки больше соответствующего элемента второй. Это означает, что вторая стратегия в чистом виде заведомо менее эффективна, чем первая. В этом случае говорят, что первая строка платежной матрицы доминирует над второй. Аналогично: каждый элемент первого столбца больше соответствующего элемента третьего столбца. Поскольку для игрока В выгодны меньшие расходы, то третий столбец доминирует над первым. Удаляя вторую строку и первый столбец (как неоптимальные), получаем матрицу размерностью 3×3 .

	B₂	B₃	B₄
A₁	105	65	45
A₃	90	35	50
A₄	100	50	55

В этой матрице первая строка доминирует над второй строкой, и второй столбец доминирует над первым, удаляем вторую строку и первый столбец.

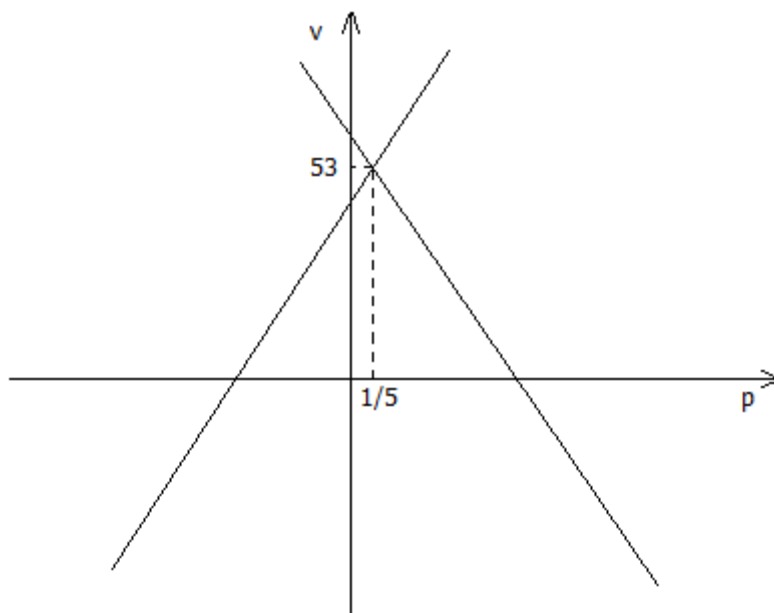
	B₃	B₄
A₁	65	45
A₄	50	55

Пусть смешанная стратегия игрока А определяется упорядоченной парой $(p_1; p_4)$, где p_1 – вероятность, с которой А делает выбор A_1 , p_4 — вероятность, с которой А делает выбор A_4 . Компоненты упорядоченной пары удовлетворяют следующим условиям: $0 \leq p_i \leq 1$, $p_1 + p_4 = 1$.

Будем использовать графический метод решения.

$$\begin{cases} p_1 \cdot 65 + p_4 \cdot 50 \geq v \\ p_1 \cdot 45 + p_4 \cdot 55 \geq v \end{cases} \begin{cases} p_1 \cdot 65 + (1 - p_1) \cdot 50 \geq v \\ p_1 \cdot 45 + (1 - p_1) \cdot 55 \geq v \end{cases} \begin{cases} 65p_1 + 50 - 50p_1 \geq v \\ 45p_1 + 55 - 55p_1 \geq v \end{cases}$$

$$\begin{cases} 15p_1 + 50 \geq v \\ -10p_1 + 55 \geq v \end{cases}$$

Итак, $p_1 = 1/5$, $p_4 = 4/5$, $v = 53$.

Для игрока В смешанная стратегия определяется парой (q_3, q_4) , $0 \leq q_j \leq 1$, $q_3 + q_4 = 1$. Рассуждая аналогично (опустив построение графика), получим:

$$\begin{cases} q_3 \cdot 65 + q_4 \cdot 45 \leq v \\ q_3 \cdot 50 + q_4 \cdot 55 \leq v \end{cases} \begin{cases} q_3 \cdot 65 + (1 - q_3) \cdot 45 \leq v \\ q_3 \cdot 50 + (1 - q_3) \cdot 55 \leq v \end{cases} \begin{cases} 65q_3 + 45 - 45q_3 \leq v \\ 50q_3 + 55 - 55q_3 \leq v \end{cases}$$

$$\begin{cases} 20q_3 + 45 \leq v \\ -5q_3 + 55 \geq v \end{cases} \quad q_3=2/5, \quad q_4=3/5$$

Смешанные стратегии игроков определены следующим образом:

A(1/5; 0; 0; 4/5) B(0; 0; 2/5; 3/5);

цена игры $v=53$.

Интерпретация результатов

Оптимальным решением в данной ситуации является:

– для 20% работников установить временную оплату труда, для 80% установить оплату труда по системе «ставка + надбавка по результатам работы предприятия;

– для 40% работников предприятия установить ежемесячную компенсацию расходов на сотовую связь, для 60% – компенсацию расходов либо на услуги детского сада в размере 50% от стоимости платы, либо на санаторно-курортное лечение в таком же объеме;

– ежегодные расходы на оплату и стимулирования труда составят 53 млн. руб.

Возникает вопрос: в чем преимущество решения возникшей проблемы посредством игрового анализа конфликта по сравнению с традиционным для практики управления решением, – воспользоваться экономическими расчетами и ввести новые формы оплаты и компенсаций директивно. Во-первых, конфликтолог (особенно если он «приглашен со стороны» профсоюзом работников), вызывает больше доверия, нежели специалисты экономического отдела, представляющие, по мнению коллектива, интересы работодателя. Конфликтолог – лицо нейтральное. Во-вторых, в процессе «ведения торгов» на переговорах можно выйти только на одно из 16 значений, указанных в таблице (значения «53» в ней просто не существует, а оно и является оптимальным). В-третьих, в коллективном договоре фиксируются, как правило, лишь формы оплаты труда, установленные на предприятии, но не указывается, в отношении каких именно работников они применяются. Если профсоюз договаривается с

администрацией об оптимальном процентном соотношении введения форм оплаты, и это находит отражение в коллективном трудовом договоре, то любое отступление от рекомендованного решения со стороны работодателя лишь увеличит «выигрыш» работника (при условии, что в договоре закреплены возможные формы компенсации). В этом и заключается устойчивость по Нэшу найденного стабильного решения.

В рассмотренной ситуации платежная матрица была составлена на основании расчетов специалистов при абсолютном допущении о правильности этих расчетов. То есть, адекватность модели в этом случае напрямую зависит от профессионализма работников экономического отдела. Но это не единственная проблема в использовании игрового подхода. Существуют ситуации, в которых действия игроков легко определяемы, но платежи не могут быть выражены в денежном (объем заработной платы) или вероятностном эквиваленте (вероятность уничтожения военного объекта). В этом случае предпочтения игроков представляются в виде числовых значений с использованием некоторой шкалы. Сложность состоит в том, что для представления результата сравнения двух суждений (какое из них более предпочтительно) в виде чисел требуется понимание того, в какой степени свойства объектов, фиксируемые в этих суждениях, влияют на достижение цели. Предполагается, что источником таких суждений является опрос экспертов. Томас Л. Саати предлагает шкалу важности объектов, которую можно использовать при опросе для установления ранга предпочтения игроков. Мы приводим ее в сокращенном виде, опуская возможность выполнения арифметических операций с числами данной шкалы¹.

Степень важности	Определение	Пояснения
0	Объекты несравнимы	Сравнение двух объектов бессмысленно

¹ См.: Саати Т. Математические модели конфликтных ситуаций. С. 35–36.

1	Объекты одинаково важны	Оба объекта вносят одинаковый вклад в достижение поставленной цели
3	Один немного важнее другого (слабое превосходство)	Есть некоторые основания предпочесть один объект другому, но их нельзя считать неопровержимыми
5	Один существенно важнее другого (сильное превосходство)	Существует веские свидетельства того, что один из объектов более важен
7	Один явно важнее другого	Имеются неопровержимые основания, чтобы предпочесть один другому
9	Один абсолютно важнее другого	Превосходство одного из объектов столь очевидно, что не может вызывать ни малейшего сомнения
2, 4, 6, 8	Значения, предписываемые промежуточным суждениям	Используются, когда выбор между двумя соседними нечетными числами вызывает затруднения
Числа, обратные выше перечисленным	Если при сравнении с объектом j объект i получил один из вышеуказанных рангов важности, то j при сравнении с i получает обратное значение	

Мы считаем, что одним из направлений дальнейшего исследования вопроса о возможности применения игрового подхода к анализу и разрешению

конфликтов является развитие идеи Т. Саати о методе сравнительных оценок важностей выбора игрока, в частности, разработка опросников в соответствии с предложенной шкалой важности.

Итак, эффективность использования теоретико-игровых моделей для предупреждения, регулирования и разрешения конфликтов зависит в первую очередь от того, насколько они соответствуют требованиям адекватности, приближенности и истинности. Чем точнее платежная матрица отражает реальную ситуацию, тем точнее результат. Теоретико-игровая модель конфликта ограничена, так как она не может выявить природу конфликта, скрытые пружины человеческой деятельности в конфликтной ситуации.

Структурный анализ конфликта позволяет находить все возможные способы его разрешения, однако он не позволяет определить, какое из найденных решений следует считать оптимальным относительно предпочтений участников конфликта. Классическая игровая модель позволяет находить стабильные исходы в соответствии с действиями и предпочтениями игроков, но не объясняет их связь с возможными способами решения конфликта. Результат объединения структурной и игровой модели конфликта получил название структурно-игровой модели.

В игровой модели конфликта исходными единицами анализа выступают действия игроков, которые они могут выполнять независимо друг от друга. В структурной модели исходными единицами анализа являются означенные графы и диграфы (*s*-структуры). Каждая *s*-структура задает определенное отношение изоморфизма на непустом подмножестве множества всех действий игроков. Изоморфизм (греч. *isos* – одинаковый, *morphe* – форма) – понятие, характеризующее соответствие между структурами объектов. Две системы, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой связи в одной системе соответствует связь в другой и обратно. Такое взаимоднозначное соответствие и называется изоморфизмом. Полный изоморфизм может быть лишь между

абстрактными, идеализированными объектами, например, между геометрической фигурой и ее аналитическим выражением в виде формулы. Изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными в познавательном акте свойствами и отношениями сравниваемых объектов, которые в других своих отношениях могут отличаться¹.

Отношение изоморфизма относительно некоторой s -структуры делит все действия игроков, независимо от их содержания, на три категории (класса): позитивные, негативные и иррелевантные (англ. *irrelevant* – не относящийся к делу). Любые действия индивида A , направленные на индивида B и выполняющие требования позитивного (негативного, иррелевантного) отношения в заданной s -структуре, должны считаться изоморфными, представляющими одно и то же действие категории «+» («-», «0»). Допустим, дано множество сбалансированных s -структур, символизирующих решение некоторого конфликта. Очевидно, что такое множество вводит отношение изоморфизма на множестве всех независимых действий игроков, обеспечивающих синергетическое или антагонистическое решение конфликта. Следовательно, стабильные решения можно искать не среди всех действий, а только среди тех, которые являются репрезентативными относительно сбалансированных s -структур. Это означает, что с помощью отношения изоморфизма любую игру можно привести к определенной минимальной форме.

Из ФСТ (фундаментальной структурной теоремы анализа и разрешения конфликтов, сформулированной выше) вытекает, что любая сбалансированная s -структура не может иметь более двух полюсов. Добавление или уменьшение элементов не увеличивает и не уменьшает число самих полюсов. Значит, минимальное множество решений любого конфликта равно множеству трехполюсных сбалансированных s -структур (два полюса и предмет

¹ См.: Изоморфизм и гомоморфизм // Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Национальная философская энциклопедия. –URL: <http://www.term.ru/dictionary/180> (дата обращения 10.10.2012)

конфликта). Выше было рассмотрено, что таких структур может быть только четыре. Следовательно, независимо от числа игроков и доступных им действий игра, приведенная к минимальной форме, имеет одно и то же число исходов, равное четырем.

Отношение изоморфизма – первое необходимое условие структурно-игрового моделирования конфликта. Вторым необходимым условием является определение предпочтений на множестве s -изоморфных действий. При этом векторы предпочтений на множестве всех доступных действий игроков могут быть заданы. Тогда в качестве репрезентативного веса предпочтения s -структуры выбирается вес исхода, наибольшего для всех игроков. Если предпочтения игроков неизвестны, то изоморфные действия рассматриваются как одно действие, и векторы предпочтения определяются только для действий, которые репрезентируют сбалансированные s -структуры.

Третьим условием структурно-игрового моделирования является использование аналитической процедуры поиска стабильных исходов. Это условие выполняется посредством вычисления результирующего аттитюда на основании индивидуальных аттитюдов игроков и исключения всех несовместимых с ним сбалансированных s -структур.

Таким образом, структурно-игровая модель конфликта – это теоретико-игровая модель, на множестве действий игроков которой, реализующих синергетическое или антагонистическое разрешение базисного конфликта, задано отношение изоморфизма и непустое подмножество сбалансированных и упорядоченных s -структур, совместимое с результирующим аттитюдом игроков¹.

Алгоритм анализа конфликта (структурно-игровой подход)

1. Определить основных игроков, от действий которых зависит принципиальное решение проблемы.

¹ См.: В.А. Светлов. Конфликт: модели, решения, менеджмент. С. 460.

2. Определить все возможные действия каждого игрока. Действия должны контролироваться игроками, иметь прямое отношение к решению проблемы, приниматься одними игроками и отвергаться другими.

3. Привести игру к минимальной форме (построить s-исходы, исчерпывающие все ее возможные классические исходы).

4. Определить предпочтения игроков.

5. Записать игру в матричной форме.

6. Найти решение полученной биматричной игры.

Ситуация «Международный конфликт»

Постановка задачи. Истоки грузино-осетинского конфликта находятся в событиях конца 1980-х годов, когда активизация грузинского национального движения за независимость от союзного центра (при одновременном отказе малым народам Грузии в праве на автономию) и радикальные действия его руководителей на фоне слабости центрального руководства СССР привели к резкому обострению отношений между грузинами и этническими меньшинствами (в первую очередь, абхазами и осетинами, имевшими собственные автономные образования и уже тогда выдвигавшими требования повышения их статуса – и, в конечном счете, самостоятельности)¹.

В 1989 году Юго-Осетинская автономная область провозглашает автономную республику, а через год объявляет о своем суверенитете. В ответ Верховный совет Грузии 10 декабря 1990 года упраздняет осетинскую автономию вообще, разделив ее территорию по шести административным районам Грузии. В 1990 году закон СССР «О порядке разрешения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза ССР» предоставил право автономным образованиям самостоятельно решать вопрос о выходе из СССР в составе выходящей республики или о пребывании в составе СССР. Статьи 3 и 4 этого закона предусматривали, что автономии в составе выходящей республики

¹Плиев, И. Независимость Южной Осетии базируется на юридически безупречных аргументах [Электронный ресурс] // Информационно-политический портал «Евразия». – URL: [http:// www.evrazia.org](http://www.evrazia.org) (дата обращения 15.12.2012).

могут сами определить свою судьбу путем референдума. Согласно этому Закону Южной Осетии как автономной области в составе Грузинской ССР было официально предоставлено право определиться –выйти из состава СССР вместе с Грузинской ССР, остаться в составе СССР или провозгласить себя суверенным государством. Исполком народных депутатов Южной Осетии воспользовался предоставленным правом, и, когда 9 апреля 1991 года Грузия вышла из состава СССР, Южная Осетия осталась в его составе. В 1990 году высший законодательный Верховный Совет Грузии принял постановление, которое объявило незаконными и недействительными все органы власти на территории Грузии (а значит – и их решения), созданные после 25 февраля 1921 года (Дня советизации Грузии). Таким образом, в полном соответствии с законодательством самой Грузии, Южная Осетия перестала быть частью грузинской республики, ибо она вошла в состав ГССР согласно решению, принятому только в 1922 году. При этом Южная Осетия продолжала оставаться частью Советского Союза¹.

Несмотря на то, что Верховный Совет Грузинской ССР объявил о приостановке действия этого Закона на территории Грузинской ССР, данное решение грузинской стороны не имеет юридической силы и выходит за рамки правового поля, так как в тот период Грузия была частью единого государства – СССР, и в случае противоречия между законодательными актами Грузинской ССР и законодательными актами СССР на всей территории СССР юридической правомочностью обладали Законы СССР. В тот период именно СССР был субъектом международного права, членом ООН, Грузия же не была суверенным государством, а была одним из субъектов СССР.

19 января 1992 года в Южной Осетии состоялся референдум по вопросу «о государственной независимости и (или) воссоединении с Северной Осетией». Большинство участвовавших в референдуме поддержало это

¹Плиев, И. Независимость Южной Осетии базируется на юридически безупречных аргументах [Электронный ресурс] // Информационно-политический портал «Евразия». – URL: [http:// www.evrazia.org](http://www.evrazia.org) (дата обращения 15.12.2012).

предложение. Весной 1992 года, после некоторого затишья, вызванного государственным переворотом и гражданской войной в Грузии, военные действия в Южной Осетии возобновились. Под давлением России Грузия начала переговоры, закончившиеся 24 июня 1992 года подписанием Дагомысского соглашения о принципах урегулирования конфликта. Оно предусматривало создание Смешанной контрольной комиссии (СКК) из представителей четырех сторон – Грузии, Южной Осетии, России и Северной Осетии. 14 июля 1992 года был прекращен огонь, и в зону конфликта для разъединения противоборствующих сторон были введены Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) в составе трех батальонов – российского, грузинского и осетинского. В Цхинвали была размещена Миссия наблюдателей от ОБСЕ.

После 1992 года Южная Осетия была де-факто независимым государством, обладала собственной конституцией (принятой в 1993 году) и государственной символикой. Власти Грузии по-прежнему рассматривали ее как административную единицу Цхинвальский регион, но активных действий по установлению контроля над ней не предпринималось.

В начале 2008 года происходило нарастание напряженности в зоне конфликта, а также в отношениях между Россией и Грузией, в конце июля – начале августа начались перестрелки и огневые налеты разной степени интенсивности.

Выбор и исследование модели. Исходя из вышеизложенного, в начале августа 2008 года конфликт между Грузией и Южной Осетией имел следующую структурную модель:

Южная Осетия считает себя суверенным государством, в свою очередь Грузия рассматривает ее как свою административную единицу – Цхинвальский район (положительные линии на диграфе), Грузия не признает независимости Южной Осетии – отрицательная линия.

Проведем структурно-игровой анализ этого конфликта, поскольку нас будут интересовать не только все возможные его решения, но и последствия их выбора. При этом заметим, что событиям в Южной Осетии посвящено множество политологических публикаций и исследований, нашей целью является проанализировать логику поведения основных участников этого конфликта с точки зрения структурно-игрового подхода к его анализу и разрешению.

1. Основными игроками (до 8 августа) являются Грузия и Южная Осетия.

2. Действия (позиции) игроков:

A: «Грузия признает независимость Южной Осетии»;

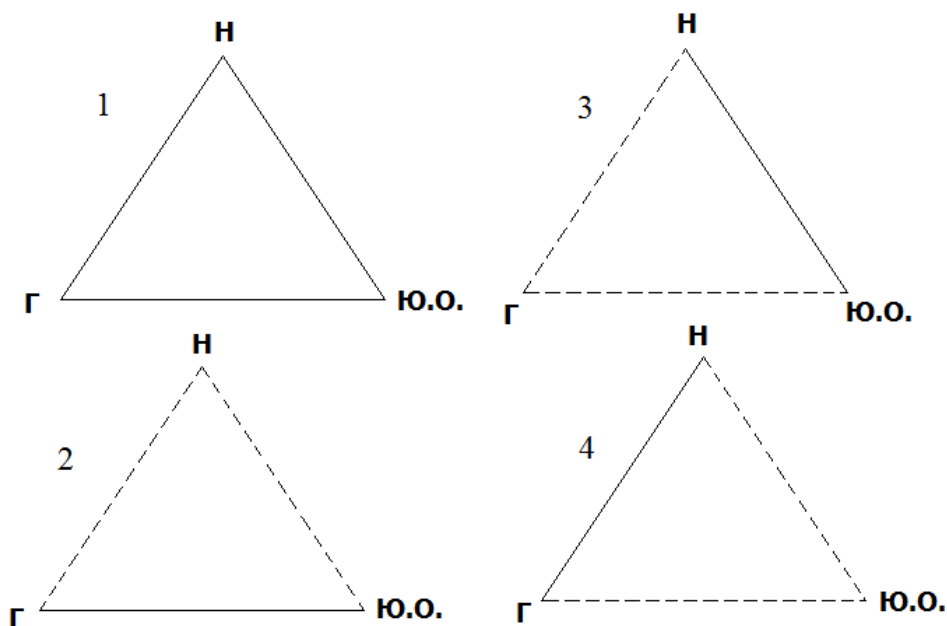
B: «Южная Осетия не находится в составе Грузии».

Отрицания этих действий (позиций):

\bar{A} : «Грузия не признает независимости Южной Осетии»;

\bar{B} : «Южная Осетия входит в состав Грузии».

3. Строим все возможные *s*-исходы, стабилизирующие данный конфликт:

1) Первый исход отражает синергетическое решение конфликта: Грузия могла бы предоставить настолько полную автономию Южной Осетии, возможно, с гарантом России и других государств и организаций, что Южная Осетия согласилась бы признать юрисдикцию Грузии¹. $\overline{A \wedge B}$

2) Южная Осетия лишается независимости и входит в состав Грузии $\overline{A \wedge B}$. По сообщению некоторых российских источников, еще в 2006 году в Грузии существовал план под кодовым названием «Бросок тигра», который предполагал до 1 мая 2006 года при поддержке США и ОБСЕ принудить Россию вывести своих миротворцев из Южной Осетии. Далее предполагалось организовать несколько резонансных провокаций против населения грузинских анклавов на территории Южной Осетии. Затем под предлогом локализации района конфликта и обеспечения безопасности населения Грузии, проживающего в непосредственной близости от него создать группировки грузинских войск на границе с Южной Осетией и осуществить захват всех

¹ Так, например, в 1926 году областной съезд Советов Северной Осетии признал необходимость в слиянии с Южной Осетией в составе Грузинской ССР. Делегаты знали, что Сталин годом ранее дал на это согласие / «Можно было бы согласиться на объединение Северной и южной Осетии в составе Грузии» // Ежедневник «Коммерсант», №41 (945) от 17.10.2011 г.

крупных населенных пунктов Южной Осетии при одновременном полном блокировании границы с Российской Федерацией. Далее по плану следовал арест фактического руководства Южной Осетии и предание его суду, введение военного положения и назначение временного правительства. Всего на эту операцию грузинским военным отводилось 7 суток. В реальности эти события не произошли¹. Изоморфным действием было бы также «переманивание» осетинского населения под грузинскую юрисдикцию, осуществляемое «Союзом национального освобождения Южной Осетии» под руководством Д.Санакоева. Эта альтернатива вследствие своего крайне незначительного влияния на разрешение конфликта в дальнейшем игнорируется.

3) Южная Осетия получает признание своей независимости в международном сообществе (вопреки непризнанию Грузии), – $A \wedge B$.

4) Южная Осетия входит в состав России, воссоединяясь с Северной Осетией, теряя при этом статус самостоятельного государства, Грузия этот факт признает – $A \wedge B$.

4. Следующий шаг – установление предпочтений игроков.

Для Грузии предпочтительнее видеть Южную Осетию в своем составе (варианты 1 и 2). Об этом свидетельствует вся предыстория конфликта. Очередное усиление напряженности совпадает с приходом к власти Михаила Саакашвили, объявившего курс на восстановление территориальной целостности Грузии. В августе 2004 года в ходе кровопролитных столкновений грузинские войска безуспешно пытались установить контроль над стратегическими высотами вокруг Цхинвали, но, потеряв несколько десятков человек, были отведены². Из этих вариантов предпочтительнее силовое решение проблемы (2), т.к. в случае успешного нападения на Цхинвал Грузия решила бы проблему сохранения территориальной целостности, что открыло бы ей прямой путь в члены НАТО уже в декабре 2008 года. Их двух оставшихся

¹ См.: Вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008) [Электронный ресурс] // История Кавказа. –URL: <http://www.roroubigl.info/?p=153> (дата обращения 10.12.2012).

² См.: Там же..

вариантов, наименее предпочтителен вариант присоединения к России (4), поскольку в этом случае Грузия не оправдывает свои претензии на статус активного антироссийского плацдарма на Южном Кавказе.

Итак, вектор предпочтений игрока Грузия:

$$\bar{A} \wedge \bar{B} > A \wedge \bar{B} > \bar{A} \wedge B > A \wedge B$$

Для Южной Осетии предпочтительнее варианты «не находиться в составе Грузии», наиболее предпочтительный из них – (3), о чем свидетельствуют результаты референдума, состоявшегося 12 ноября 2006 года, когда 98% населения республики высказались за ее независимость. На следующей позиции, по нашему мнению, находится вариант присоединения к России (4). В Меморандуме правительства Южной Осетии от 15 ноября 2005 года говорится о том, что в результате предпринятых Грузией попыток разрешить грузино-осетинский конфликт силовым путем в нарушение ранее подписанных Грузией соглашений, имеющих статус норм международного права, произошли «потеря доверия к грузинской стороне и отброс процесса урегулирования на десяток лет назад»¹. К тому же к концу июля 2002 года количество российских граждан в Южной Осетии превышало 60 % населения, к 2006 году – 80 % населения². Из двух оставшихся вариантов наименее предпочтителен вариант силового решения проблемы (2).

Итак, вектор предпочтений игрока Южная Осетия:

$$\bar{A} \wedge B > A \wedge B > A \wedge \bar{B} > \bar{A} \wedge \bar{B}$$

5. На следующем этапе определим, имеет ли этот конфликт решение в чистых стратегиях. С этой целью каждому исходу игрока присвоим значение от 1 до 4 (от наименее до наиболее предпочтительного) и построим платежную матрицу:

¹ См.: Меморандум правительства Республики Южная Осетия от 15.11.2005 г. / Республика Южная Осетия: вчера, сегодня, завтра... // Официальный сайт Министерства по особым делам Республики Южная Осетия. –URL: [http:// www. iryston.ru](http://www.iryston.ru)>16-11-2005-3.htm (дата обращения 17.12.2012).

² См.: Вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008) [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.roroubigl.info/?p=153>. (дата обращения 10.12.2012).

	B	\bar{B}
A	1, 3	3, 2
\bar{A}	2, 4	4, 1

Первый элемент пары в каждой ячейке – платеж Грузии, второй – платеж Южной Осетии. Данную биматричную игру можно разбить на две антагонистические игры и решить каждую из них. При этом, рассматривая платежную матрицу первого игрока, мы находим стабильное решение для второго, и, наоборот, рассматривая платежную матрицу второго игрока, мы находим стабильное решение для первого¹.

Платежная матрица Грузии:

	B	\bar{B}	min
A	1	3	1
\bar{A}	2	4	2
max	2	4	

Платежная матрица Южной Осетии:

	B	\bar{B}	min
A	3	2	2
\bar{A}	4	1	1
max	4	2	

Определяя $\max \min$ в строках и $\min \max$ в столбцах этих матриц, получаем, что стабильным исходом для Южной Осетии является исход с платежом «2», т.е. $\bar{A} \wedge B$ (Южная Осетия получает признание своей независимости в международном сообществе). Для Грузии стабильным исходом является также исход с платежом «2», для этого игрока – $A \wedge \bar{B}$ (вариант автономии в составе Грузии). Из этих исходов репрезентативным является исход $\bar{A} \wedge B$, т.к. сумма

¹ См.: Кукушкин Н.С., Морозов В.В. Теория неантагонистических игр. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 104 с.

весов его порядкового предпочтения равна 6 (2 для Грузии и 4 для Южной Осетии), в то время как аналогичная сумма для $A \wedge \bar{B}$ равна 5 (3+2). Таким образом, решением для данного конфликта является s-структура (3) – $\bar{A} \wedge B$. Однако Грузия попыталась реализовать наилучший для нее исход (не являющийся стабильным), а именно вариант силового решения проблемы.

Имеем следующие позиции игроков:

А: «Грузия признает независимость Южной Осетии», С: «Грузия нападает на Южную Осетию», В: «Южная Осетия не входит в состав Грузии»; D: «Южная Осетия просит Россию о военной помощи».

Аттитюд Грузии: $\bar{A} \wedge \mathbb{B} \Rightarrow C^-$ – Грузия не признает независимости Южной Осетии, и если Южная Осетия отказывается войти в ее состав, нападает на нее.

Аттитюд Южной Осетии: $B \wedge \mathbb{C} \Rightarrow D^-$ – Южная Осетия не входит в состав Грузии, и если Грузия на нее нападает, обращается за помощью к России.

Результирующий аттитюд: $\bar{A} \wedge \mathbb{B} \Rightarrow C^- \wedge B \wedge \mathbb{C} \Rightarrow D^- \equiv$

$$\bar{A} \wedge \mathbb{B} \vee C^- \wedge B \wedge \mathbb{C} \vee D^- \equiv \bar{A} \wedge B \wedge \mathbb{B} \vee C^- \wedge C^- \vee D^- \equiv \bar{A} \wedge B \wedge \mathbb{B} \wedge C^- \vee C^- \wedge C^- \vee \mathbb{B} \wedge D^- \vee C^- \wedge D^- \equiv \bar{A} \wedge \mathbb{B} \wedge C^- \vee \mathbb{B} \wedge \bar{B} \wedge D^- \vee \mathbb{B} \wedge C^- \wedge D^- \equiv \bar{A} \wedge \mathbb{B} \vee 0 \vee \mathbb{B} \wedge C^- \wedge D^- \equiv \bar{A} \wedge B \wedge C^- \wedge D^- -$$

Грузия не признает независимости Южной Осетии, та в свою очередь не присоединяется к ней, Грузия начинает военные действия против Южной Осетии, которая просит помощи у России.

Дальнейший анализ конфликта будет построен по тому же алгоритму, но для новых игроков, – Грузии и России.

1. Множество игроков – {Грузия, Россия}.

2. Доступные действия:

А: «Грузия внезапно нападает на Южную Осетию»;

В: «Россия оказывает военную помощь Южной Осетии».

3. Предпочтения игроков.

Грузия предпочитает исходы, согласно которым она внезапно начинает военные действия против Южной Осетии, так как ее вооруженные силы, особенно с учетом обученного американцами батальона спецназа, в принципе

могут быть достаточны для разгрома вооруженных сил Южной Осетии. К тому же вторжение и силовое присоединение Южной Осетии Грузией, стремящейся в НАТО, рассматривается не столько как военная, сколько политическая проблема. Среди этих исходов предпочтительнее внезапное нападение без вмешательства России – $A \wedge \bar{B}$. Среди оставшихся исходов для Грузии предпочтительнее тот, при котором она не нападает на Южную Осетию и Россия не оказывает последней военной поддержки, – $\bar{A} \wedge \bar{B}$.

Вектор предпочтений Грузии: $A \wedge \bar{B} > A \wedge B > \bar{A} \wedge \bar{B} > \bar{A} \wedge B$.

Россия более всего предпочитает исходы, согласно которым Грузия не нападает на Южную Осетию и среди них тот, где не требуется оказания военной помощи. Среди оставшихся исходов менее предпочтителен тот, при котором в случае нападения Грузии Россия помощь Южной Осетии не оказывает¹.

Вектор предпочтений России: $\bar{A} \wedge \bar{B} > \bar{A} \wedge B > A \wedge B > A \wedge \bar{B}$.

4. Платежная матрица игроков:

	B	\bar{B}
A	3, 2	4, 1
\bar{A}	1, 3	2, 4

В каждой ячейке первый элемент – платеж (вес исхода) Грузии, второй элемент – платеж (вес исхода) России.

Платежная матрица Грузии:

¹ «В случае перехода грузино-абхазского или грузино-осетинского конфликтов в военную стадию, Россия окажет помощь непризнанным государствам военными методами». Об этом заявил 25 апреля на пресс-конференции в Москве посол по особым поручения МИД РФ Валерий Кеняйкин / Новости – главные новости России, СНГ и мира – лента новостей ИА REGNUM [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.regnum.ru/news/992726.html#ixzz1isGrOdUy> (дата обращения 21.12.2012).

	B	\bar{B}	min
A	3	4	3
\bar{A}	1	2	1
max	3	4	

Оптимальный исход для России – $A \wedge B$

Платежная матрица России:

	B	\bar{B}	min
A	2	1	1
\bar{A}	3	4	3
max	3	4	

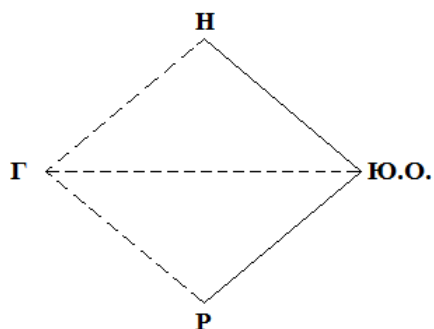
Оптимальный исход для Грузии – $\bar{A} \wedge B$.

Сумма порядковых предпочтений: $A \wedge B - 5 (3+2)$

$\bar{A} \wedge B - 4 (1+3)$

Репрезентативный исход – $A \wedge B$: «Грузия внезапно нападает на Южную Осетию, и Россия оказывает Южной Осетии военную помощь».

Решение грузино-осетинского конфликта:

Насколько устойчивым является это решение? Пусть А: «Грузия признает независимость Южной Осетии»; В: «Грузия готовится к новой войне»; С: «Россия денонсирует акт о признании независимости Южной Осетии»; D: «Россия оказывает помощь (военную и иную) Южной Осетии».

Аттитюд Грузии: $\bar{A} \wedge \mathbb{C} \Rightarrow B$ – Грузия не признает независимости Южной Осетии, и если Россия не денонсирует акт о признании независимости Южной Осетии, будет готовиться к новой войне.

Аттитюд России: $\bar{C} \wedge \mathbb{B} \Rightarrow D$ – Россия не денонсирует акт о признании независимости Южной Осетии, и если Грузия будет готовиться к новой войне, Россия будет оказывать Южной Осетии помощь.

Результирующий аттитюд:

$$\bar{A} \wedge \mathbb{C} \Rightarrow B \wedge \bar{C} \wedge \mathbb{B} \Rightarrow D \equiv$$

$$\bar{A} \wedge (\mathbb{C} \vee B) \wedge (\bar{C} \wedge \mathbb{B} \vee D) \equiv \bar{A} \wedge (\mathbb{C} \wedge \bar{C}) \vee (\mathbb{B} \wedge \bar{C}) \wedge (\mathbb{B} \vee D) \equiv \bar{A} \wedge \mathbb{B} \wedge \bar{C} \wedge (\mathbb{B} \vee D) \equiv$$

$\bar{A} \wedge \mathbb{B} \wedge \bar{C} \wedge B \vee \bar{A} \wedge \mathbb{B} \wedge \bar{C} \wedge D$: Грузия не признает независимость Южной Осетии, готовится к новой войне, Россия не денонсирует акт о признании независимости Южной Осетии и оказывает последней военную и иную помощь. Достигнутое решение грузино-южноосетинского конфликта с участием России устойчиво и будет развиваться в направлении усиления антагонизма.

Итак, игровые и структурно-игровые модели целесообразно использовать для выбора оптимальной стратегии поведения сторон в конфликте, поскольку они учитывают интересы и побуждения сторон социального взаимодействия и способствуют достижению стабильности и согласованности в их действиях. Использование логической модели в сочетании с игровой позволяет исследовать устойчивость найденного решения конфликта.

§3. Рефлексивная модель конфликта

Как было отмечено выше, в подавляющем большинстве исследований конфликт понимается как взаимодействие, характеризующееся желанием субъектов, в него вовлеченных, воспрепятствовать в достижении поставленных ими целей, нанести определенный ущерб друг другу. С точки зрения системного подхода конфликт можно рассматривать как особое состояние

системы, при котором существует хотя бы одна пара субъектов таких, что исполнение позиции одного из них блокируется исполнением позиции другого. Такое понимание конфликта не противоречит предыдущему, оно лишь делает наличие противодействия сторон признаком не общим, а особенным, свойственным не всем конфликтам. Противодействие сторон, выбор ими соответствующей стратегии поведения – это лишь внешняя оболочка, под ней всегда скрываются их представления о той ситуации конфликта, в которой они оказались.

В отечественной психологии наиболее распространенным является понимание ситуации как «системы объективных обстоятельств, в условиях которых разворачивается деятельность»¹. Существует и другой подход, представляющий ситуацию как единство объективного и субъективного, – внешних обстоятельств в интерпретации отдельным человеком². Когда говорят об «обстоятельствах», то имеют в виду не все реальные условия жизнедеятельности человека, а лишь те, которые определяют его активность. Ситуация же является не просто пребыванием человека в таких условиях, когда он совершает некие бессознательные действия, она предполагает индивидуальное восприятие, переживание и интерпретацию (истолкование) человеком этих условий, – выявление объективного содержания, придание им определенного смысла. Таким образом, ситуация от внешних обстоятельств, отличается взаимопроникновением мира и субъекта, «с необходимостью вызывающего к жизни смысл»³. Любая ситуация объективна, однако присутствие в ней различных субъектов порождает различные ее интерпретации, различные смыслы. Возникновение, развитие и исход ситуации зависит от смысла, проецируемого субъектом на обстоятельства⁴.

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 166.

² Гришина Н.В. Психология конфликта. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008.– С. 189.

³ Векленко П.В. Ситуационный подход в познании: Монография. – Омск: Изд-во «Амфора», 2012. – С. 9–10.

⁴ См.: Там же. С. 23–24.

Среди всевозможных ситуаций особое место занимают конфликтные ситуации. Заметим, что существуют различные подходы к определению данного понятия. Так, Н.В. Гришина, определяя конфликт как ситуацию, в которой имеет место противоречие (противодействие, противостояние, противоборство), говорит далее о том, что существенные признаки конфликта «дифференцируют» его «от других социальных ситуаций и образуют категорию явлений, имеющих значение «конфликтная ситуация»¹, тем самым отождествляя понятия «ситуация конфликта» и «конфликтная ситуация».

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов, описывая особенности ситуационного исследования конфликтов, определяют конфликтную ситуацию как наименьшую целостную неделимую «часть конфликта», обладающую «всеми его основными свойствами»². В.А. Светлов и В.А. Семенов конфликтной ситуацией называют специфическое *состояние социальной системы*, которое характеризуется «дисбалансом в отношениях между социальными секторами»³. По мнению Г.И. Козырева конфликтная ситуация – это «*противоречия, возникающие между субъектами по поводу объекта*»⁴. Б.И. Хасан и П.А. Сергоманов определяют конфликтную ситуацию как совокупность обстоятельств, которая содержит предпосылки конфликта⁵.

Ю.Ф. Лукин считает конфликтную ситуацию первым этапом в развитии конфликта. По его мнению, конфликтная ситуация свидетельствует о возникновении объекта и предмета конфликта, а также его сторон с противоположными интересами. Именно такое стечение обстоятельств в дальнейшем создает почву для реального конфликта, в который могут быть вовлечены отдельные люди, социальные группы или организации⁶. В.П.

¹ Гришина Н.В. Психология конфликта. С. 204.

² Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 168.

³ Светлов В.А., Семенов В.А. Конфликтология. С. 327.

⁴ Козырев Г.И. Конфликтология: учебник. – М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2010. – С. 25.

⁵ См.: Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Разрешение конфликтов и ведение переговоров: Учебное пособие. – Москва, 2001. – С.33–38.

⁶ См.: Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учебник для вузов. – М.: Академический Проект; Трикста, 2007. – С. 127.

Ратников рассматривает предконфликтную ситуацию как предпосылку конфликта¹. Первым этапом конфликта (латентным) конфликтную ситуацию также называют Е.И. Степанов², О.З. Муштук³, А.Р. Аклаев⁴. Даже этот далеко неполный перечень дефиниций свидетельствует о том, что среди специалистов нет единства по поводу трактовки такого базового понятия конфликтологии, каковым является понятие конфликтной ситуации.

Ситуационный метод исследования не является новым для современной конфликтологии. В учебнике А.Я. Анцупова и А.И. Шпилова ситуационным анализом конфликта называется изучение его характеристик на основе систематизации «конкретной информации о поведении конкретных людей и социальных групп»⁵ в данном конфликте, из чего вытекает, что анализ любого реального конфликта и есть ситуационный анализ. Здесь же предлагается бланк ситуационного анализа, содержащий 60 вопросов, касающихся временных и структурных параметров конфликта, а также личностных особенностей конфликтантов. Безусловно, невозможно понять, как субъект воспринимает ту или иную ситуацию (в данном случае ситуацию конфликта), не проясняя ее событийного компонента. Важно в данном случае, и здесь нельзя не согласиться с Н.В. Гришиной, чтобы это понимание не подменялось изучением того, как субъект «воспринимает окружающих его людей»⁶. А далее возникает вопрос, лежащий в плоскости практической: каким должен быть (хотя бы в первом приближении) алгоритм управления анализируемым конфликтом, учитывающий восприятие каждой стороной данной конфликтной ситуации?

¹ См.: Конфликтология / под ред. проф. В.П. Ратникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити–Дана, 2007. – С. 114–115.

² Степанов Е.И. Современная конфликтология: Общие подходы к моделированию, мониторингу менеджменту социальных конфликтов: Учебное пособие. – М.: Издательство ЛКИ. 2008. – С. 66–67.

³ Муштук О.З., Деев А.Ю., Которова О.С. Конфликтология: учеб.пособие. – М.: Маркет ДС, 2008. – 160 с. (Университетская серия). – С. 99.

⁴ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – С. 274–275.

⁵ Анцупов А.Я., Шпилов А.И. Конфликтология. С. 169.

⁶ Гришина Н.В. Психология конфликта. С. 193.

Для ответа на этот вопрос обратимся к идее представления конфликта в виде рефлексивной игры, описанной В.А. Лефевром и Г.Л. Смоляном, в которой игрокам (участникам конфликта) необходимо предвидеть не только собственные поступки, но и действия противника. Описание конфликта с использованием символического языка, особой алгебры, – алгебры рефлексивных процессов, получило название рефлексивной модели конфликта¹. В отличие от теоретико-игровых моделей, которые создаются с целью выбора оптимальной стратегии поведения для субъектов в заданных и неизменных условиях, рефлексивная модель учитывает процесс восприятия ими конфликтной ситуации и предполагает возможность управления этим процессом. Рефлексивная модель позволяет находить решение конфликта, оперируя не только с действительностью, но и с теми ее картинами, которые отражаются в головах его участников и заполняют их внутренний мир.

Субъекты конфликта объединены не только процессами физического взаимодействия, предполагающего действие одной и противодействие другой стороны, они связаны между собой информационно-психологически. Способность понять логику назревающего либо развивающегося конфликта, равно как и способность избрать верную позицию, стратегию и тактику поведения, во многом определяют шансы на успех конфликтующего субъекта. Основное потенциальное преимущество слабой стороны может заключаться как раз в том, что на ранних стадиях конфликта самоуверенная сильная сторона часто не утруждает себя вниманием к интересам, способностям, целям, ресурсам, «доктринам», планам, психологическим состояниям и психическим особенностям, представлениям и ожиданиям своего противника. В тот момент, когда хотя бы один субъект осознает наличие предконфликтной либо конфликтной ситуации и пытается моделировать представления, интенции и ожидания контрагента, возникают рефлексивные отношения, основывающиеся

¹ См.: Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. – М.: Знание, 1968. – 64 с.; Лефевр, В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Изд-во «Советское радио», 1973. – 158 с.

на способности к мысленному отражению позиции противника или его представлений об особенностях собственного видения проблемы. Если участник конфликта обладает способностью к рефлексии, то он получает потенциальную возможность как бы проникнуть во внутренний мир другого субъекта и деформировать этот мир выгодным для себя образом. Он может вырабатывать разнообразные формы воздействия на противника, принуждающие того «видеть» то, чего нет и не видеть то, что есть, либо видеть в другом «свете»¹.

В алгебре рефлексивных процессов объективная обстановка представляется как некоторый плацдарм Π , на котором разворачиваются события. Плацдарм Π отображается субъектом (игроком) X на особый планшет Π_x . Очевидно, что отображение плацдарма Π может быть произведено с различной точностью. Например, некоторые пункты могут быть пропущены, их расположение может быть искажено и т. д. Но X оперирует с Π_x , а не с Π , и решение, которое он примет, будет соотнесено с Π_x и лишь затем переведено на реальный плацдарм Π . Игрок X имеет цель C_x . Чтобы принять решение, в результате которого цель будет достигнута, X должен произвести определенные операции на своем планшете. Предположим, что X владеет каким-либо методом решения задачи, называемым доктриной и обозначаемым D_x . Используя D_x , игрок X находит решение задачи R_x . Решением задачи в данном случае является выбор стратегии поведения в конфликте (игре), обеспечивающей X максимально благоприятный исход.

Процедура принятия решения игроком X изображается следующим образом:

1) Реальная обстановка «переводится» на планшет: Π_x .

2) Цель особым образом соотносится с планшетом, или «наносится» на

планшет: $\frac{C_x}{\Pi_x}$

¹ Бирштейн Б.И., Боршевич В.И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – №1. – Т.2. – С. 32.

3) К планшету с нанесенной на него целью применяется доктрина $\frac{Ц_x}{П_x} Д_x$

4) В результате этой операции вырабатывается решение, отнесенное к планшету $П_x$: $\frac{Ц_x}{П_x} Д_x \rightarrow \frac{Р_x}{П_x}$

Описанная процедура принятия решения одним из игроков конфликта предполагает, что его цель не зависит от изображения плацдарма на планшете. Однако цель может определяться или изменяться в результате оперирования с планшетом $П_x$. Тогда решение игроком будет вырабатываться следующим образом: $П_x \rightarrow Ц_x \rightarrow \frac{Ц_x}{П_x} Д_x \rightarrow \frac{Р_x}{П_x}$ ¹.

Заметим, что конфликт в алгебре рефлексивных процессов понимается как интеллектуальное взаимодействие игроков, которые стремятся «перехитрить друг друга»², т.е. каждая из сторон ставит своей целью достижение одностороннего преимущества, для чего проникновение в замысел противника, делается жизненно необходимым. Чтобы принять решение, обеспечивающее успех, Y должен проимитировать рассуждение X и проделать

процедуру: $\frac{Ц_{xy}}{П_{xy}} Д_{xy} \rightarrow \frac{Р_{xy}}{П_{xy}} \rightarrow \frac{Р_{xy}}{П_y} \rightarrow \frac{Р_{xy} Ц_y}{П_y} Д_y \rightarrow \frac{Р_y}{П_y}$

В этом выражении $Ц_{xy}$ — это цель игрока X с точки зрения Y, соответственно $П_{xy}$, $Д_{xy}$ и $Р_{xy}$ — планшет, доктрина и решение X, какими их видит Y. И только после того как Y получил $\frac{Р_{xy}}{П_{xy}}$, он должен перевести это

решение на свой собственный планшет $П_y$: $\frac{Р_{xy}}{П_{xy}} \rightarrow \frac{Р_{xy}}{П_y}$. Теперь Y должен нанести

на свой планшет свою цель, применить свою доктрину и выработать свое решение, соотнесенное со своим планшетом³.

¹ Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. С. 21–23.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 23.

Попытаемся сформулировать в общем виде алгоритм построения рефлексивной модели межличностного конфликта, взяв за основу данную концепцию принятия решения игроками в рефлексивной игре, а также следующие положения ситуационного подхода, описанные П.В. Векленко:

1. Смысл – атрибут ситуации, бессмысленные ситуации невозможны, есть лишь обстоятельства, смысл которых не найден.

2. Возникновение, развитие и исход ситуации зависит от смысла, проецируемого субъектом на обстоятельства.

3. Смысл не сводим к обстоятельствам, как и обстоятельства не сводимы к смыслу. Субъект генерирует смыслы под действием обстоятельств и воплощает смыслы – созидает обстоятельства, тем самым выступая в роли универсального опосредующего звена между объективной и субъективной реальностью.

4. Смысл, проецируемый субъектом, способен увеличить или уменьшить интенсивность воздействия обстоятельств на субъекта.

5. Смысл, проецируемый субъектом, способен трансформировать негативные (деструктивные) обстоятельства в позитивные (конструктивные) и наоборот¹.

Будем считать, что в структуре конфликта присутствует третья сторона (Z), основная задача которой – способствовать его разрешению. Для построения рефлексивной модели конфликта необходима следующая последовательность шагов:

1. На первом этапе необходимо выявить обстоятельства, значимые для достижения целей, которые, возможно и неосознанно, преследуют конфликтующие стороны. Плацдарм (П) в нашей интерпретации и есть обстоятельства, внешние по отношению к субъектам X и Y. Заметим, что любая схема анализа конфликта этот шаг предполагает.

2. Далее следует прояснить смысл, который субъекты X и Y проецируют на данные обстоятельства, тем самым третья сторона Z получает в свое

¹ Векленко П.В. Ситуационный подход в познании. С. 23–24.

распоряжение P_{xz} и P_{yz} —планшеты сторон конфликта такими, как она их видит. Это уже вторичное отражение реальных обстоятельств (реального плацдарма) и при этом, очевидно, могут появиться существенные отличия от P_x и P_y . Описывая последовательность разрешения межличностных конфликтов с участием третьей стороны, А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов предлагают побеседовать о причинах конфликта с друзьями оппонентов (или их ближайшим окружением), поскольку они дадут «более объективную информацию об интересах и опасениях» сторон¹. Но в этом случае Z придется иметь дело с планшетами P_{xaz} , P_{xbz} , P_{xcz} , ... (где A , B , C ...—друзья, родственники, коллеги X и Y). Очевидно, чем больше планшетов окажется в распоряжении Z , тем сложнее будет управлять ими. В отношении же объективности такой информации мы разделяем позицию У. Томаса и В. Знанецкого: «Индивидуальный субъект реагирует только на свой опыт, и его опыт — это не то, что абсолютно объективный наблюдатель может обнаружить в части мира, доступной индивиду, но только то, что сам индивид там находит»².

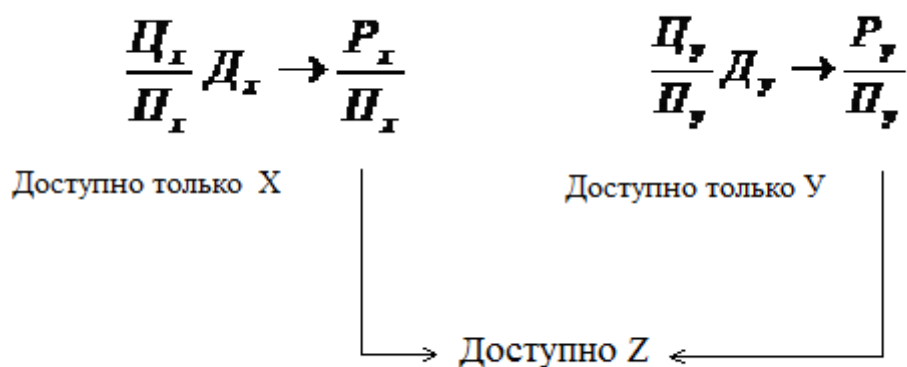
3. В подавляющем большинстве случаев конфликт определяется как *активное* противоречие, предполагающее наличие некоторого результата, на достижение которого направлены действия сторон. Следующим шагом в создании рефлексивной модели является выявление целей сторон конфликта, — C_{xz} и C_{yz} . При этом следует помнить, что из отсутствия целенаправленного поведения конфликтующих сторон не вытекает отсутствия у них целей. Кроме того, субъекту бывает сложно сформулировать, чего он хочет добиться от оппонента в данной ситуации и чего он опасается, и проще в этом случае выявить C_{xz} и C_{yz} через частноотрицательные суждения: чего не хотят субъекты X и Y . В любом случае эти цели интерпретируются со своей позиции третьей стороной Z .

¹ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 497.

² Цит. по: Гришина Н.В. Психология конфликта. С. 195.

4. Представим доктрину как все то, чем субъект обладает для принятия решения, – как набор личностных и ситуационных факторов. В личностном плане это психологические особенности, направленность личности, ее когнитивная ориентация, воспитание, личностные ценности, принадлежность к определенному социальному, культурному, профессиональному слою, владение специальными психотехническими методиками. К ситуационным факторам можно отнести характер отношений сторон (кооперативный или конкурентный), общий эмоциональный фон этих отношений, наличие заинтересованных лиц, поведение другой стороны и т.п. Отметим также, что в общем случае $D_x \neq D_{xz}$ и $D_y \neq D_{yz}$.

5. Определим решения субъектов, соотнесенные к их планшетам ($\frac{P_x}{\Pi_x}$ и $\frac{P_y}{\Pi_y}$), как выбор ими стратегии реагирования на возникшие противоречия. При таком подходе именно этот элемент «цепочки», имитирующей процесс принятия решений в ситуации конфликта, становится доступным внешнему объективному наблюдателю, которым, по нашему допущению, является Z.

6. На следующем этапе происходит корректировка $\frac{P_x}{\Pi_x}$ и $\frac{P_y}{\Pi_y}$, целью которой является достижение $\frac{P_x}{\Pi_x} = \frac{P_y}{\Pi_y}$. Никакого количественного смысла это равенство не имеет. Но так же как равные между собой обыкновенные дроби, являющиеся различными записями одного и того же рационального числа,

могут иметь неравные друг другу соответственно числители и знаменатели, так и отношения различных решений к соответствующим им планшетам могут представлять одно и то же решение исходного конфликта. Такая корректировка возможна как самими субъектами, так и третьей стороной Z. Поскольку изначально мы исходили из наличия такой стороны, то в символическом виде процесс корректировки будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{Ц_{xz}}{П_{xz}} D_{xz} \rightarrow \left(\frac{P_x}{П_x} \right)_z \rightarrow \frac{P_x}{П_x} \quad \text{и} \quad \frac{Ц_{yz}}{П_{yz}} D_{yz} \rightarrow \left(\frac{P_y}{П_y} \right)_z \rightarrow \frac{P_y}{П_y},$$

при условии, что $\frac{P_x}{П_x} = \frac{P_y}{П_y}$.

Превращение $\left(\frac{P_x}{П_x} \right)_z \rightarrow \frac{P_x}{П_x}$ (аналогично и для Y) становится возможным

посредством рефлексивного управления, которое может осуществляться посредством хотя бы одного из следующих превращений:

$$П_{xz} \rightarrow П_x; Ц_{xz} \rightarrow Ц_x; D_{xz} \rightarrow D_x; P_{xz} \rightarrow P_x; П_{yz} \rightarrow П_y; Ц_{yz} \rightarrow Ц_y; D_{yz} \rightarrow D_y; P_{yz} \rightarrow P_y.$$

Управление решением противника при рефлексивном взаимодействии (рефлексивное управление) осуществляется не прямо, не грубым принуждением, а путем передачи ему оснований, из которых тот мог бы логически вывести свое, но predetermined другой стороной решение¹. Рефлексивное управление конфликтом основано на глубоком осмыслении причин и сущности противоречия, проникновении в мотивацию противоборствующих сторон, прогнозировании дальнейшего развития конфликта. Такое управление может быть как внутренним, когда его осуществляют сами конфликтующие субъекты (или один из них), так и внешним, при котором рефлексивным анализом занимается третья (нейтральная) сторона, и его результаты служат основой для выбора способа решения конфликта.

¹См.: Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. С. 36.

Один из наиболее распространенных приемов рефлексивного управления заключается в том, что противнику предоставляется определенная информация с целью либо маскировки существующих, либо создания ложных объектов ($\Pi_{xz} \rightarrow \Pi_x$, $\Pi_{yz} \rightarrow \Pi_y$). Но в том случае, когда мы говорим не о достижении одностороннего преимущества в конфликтном взаимодействии, а о разрешении конфликта, предполагающем относительно полное удовлетворение интересов всех его участников, данный прием можно интерпретировать как получение максимально достоверной информации об обстоятельствах, значимых для достижения целей, которые, возможно и неосознанно, преследуют конфликтующие стороны. Фокусируя свое внимание на этом направлении, субъекты получают в качестве оснащения своей рефлексивной позиции целый комплекс новых смыслообразующих средств, т.е. они начинают воспринимать факты и события («планшет» в терминологии А. Лефевра¹) по-другому. Безусловно, субъект с более высоким рангом рефлексии в большинстве случаев не устоит от искушения передать противнику именно свое видение планшета. Задача же посредника – добиться с использованием данного приема относительной идентичности вторичного отражения внешних обстоятельств в сознании конфликтующих субъектов с учетом смысла, который они вкладывают в эти обстоятельства.

Рефлексивное управление посредством формирования цели противника ($\Pi_{xz} \rightarrow \Pi_x$, $\Pi_{yz} \rightarrow \Pi_y$) традиционно связывается с применением различных форм провокаций вплоть до диверсий². Исходя из допущения, сделанного выше, относительно тех результатов, которых мы хотим добиться в процессе управления конфликтом, данный прием будет состоять, во-первых, в определении того, насколько цель конфликтующего субъекта является его собственной целью, соответствует его жизненным ценностям, а не навязана оппонентом, внешними обстоятельствами либо окружением. И, во-вторых, в коррекции целей участников конфликта на основе детального анализа

¹См.: Лефевр В.А. Конфликтующие структуры.

²См.: Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. С. 37.

конфликтной ситуации. При этом следует помнить, что из отсутствия целенаправленного поведения конфликтующих сторон не вытекает отсутствия у них целей. Кроме того, субъекту бывает сложно сформулировать, чего он хочет добиться от оппонента в данной ситуации и чего он опасается.

Еще одним приемом рефлексивного управления является формирование доктрины противника ($D_{xz} \rightarrow D_x, D_{yz} \rightarrow D_y$)¹, – набора факторов, необходимых субъекту для принятия решения. В последнее время все большую популярность получают методы индивидуальной и групповой психокоррекции конфликтного поведения: социально-психологический тренинг, конфликтологическое консультирование, аутогенные тренировки и т.д.². Очевидные сложности использования данного приема состоят в том, что, с одной стороны, доктрина может формироваться путем длительного обучения субъекта, а с другой, – «затягивание» конфликта оставляет все меньше шансов для его конструктивного завершения. К тому же темпы обучения субъектов индивидуальны, в то время как в рамках единой системы рефлексивного взаимодействия в конфликте они образуют целостный, единый организм. И еще один момент – каждая конфликтная ситуация содержит существенный элемент непредсказуемости, иррациональности, и все усилия, направленные на формирование доктрины, могут оказаться напрасными.

Самым же неконструктивным (да и по большому счету нежелательным) приемом рефлексивного управления является передача конфликтующим сторонам готового решения конфликта ($P_{xz} \rightarrow P_x, P_{yz} \rightarrow P_y$). Ведь неспособность самоопределиться ведет к блокировке рефлексии и становится симптомом бессубъектности. Подсказанное или навязанное решение становится решением отвлеченным, «решением вообще», а не решением конкретного конфликта для конкретных субъектов с их

¹ См.: Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. С. 37.

² См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. С. 387–391.

индивидуальными проекциями смыслов на возникшие обстоятельства, с реальными для них последствиями.

Для построения рефлексивной модели конфликта рассмотрим события, происходящие в фильме «Супружеская жизнь» (Франция – Италия, 1963 год, режиссер Андре Кайат).

Ситуация «Супружеский конфликт»

Обстоятельства, значимые для достижения целей (плауцдарм).

Молодые люди Жан-Марк и Франсуаза состоят в браке 6 лет, у них есть дочь Кристин. Жан-Марк адвокат, его жена работает в крупной рекламной кампании, имеет стабильный доход. Супруги живут в Париже, мать Жан-Марка умерла несколько лет назад, родители Франсуазы живы. Молодые люди решили расторгнуть брак. После подачи заявления о разводе была попытка примирения сторон, но она оказалась неудачной. Супруги расстались.

Для того чтобы зритель мог увидеть «*планшеты*» *игроков*, создатели фильма показывают нам одни и те же события глазами своих героев, которые интерпретируют их по-разному. Более того, каждый из них замечает только то, что укладывается в его идею, в его планшет, игнорируя при этом «неподходящие» факты. Основную идею Жан-Марка можно сформулировать так: «Я – серьезный, мечтаю найти свое признание и нахожу его; она – трогательная, нежная, но думает только о развлечениях и деньгах». Основная идея Франсуазы: «Я – целеустремленная, активная, хочу всего добиться сама, он – мягкий и нежный, но безвольный, неспособный самостоятельно без моей поддержки сделать карьеру и обеспечить нашей семье достойное существование». Планшеты наших игроков расходятся, поскольку они подчинены различным идеям, определяющим различное понимание одних и тех же фактов, сопряженное к тому же с их желаниями оправдать себя в сложившейся ситуации семейного конфликта. Как правило, нижнюю временную границу латентной стадии конфликта обозначить сложно. Думается, что в данном случае ее началом можно считать «провал на экзамене» Франсуазы. В соответствии со своей концепцией ОН уверен, что причина этого

провала – ее нежелание готовиться к экзамену, несерьезное отношение к делу, безответственность. ОНА считает, что намеренно не сдала экзамен, так как увидела мужа, сидящим перед чистым листом бумаги, и решила таким образом его поддержать. При этом ОН не помнит, что испытывал какие-либо затруднения при сдаче экзамена. Супруги по-разному видят и образ жизни Франсуазы в этот период. ОН говорит о том, что ей были необходимы только приемы и общество, ОНА: «Я развлекалась только на свадьбах и похоронах, а для этого нужно было иметь мужество». Назревающий конфликт приводит к тому, что образы друг друга, сложившиеся у молодых людей в первые дни знакомства, изменяются. Мягкий и добрый, но безвольный муж для Франсуазы превращается в маленького чиновника, пределом мечтаний которого является покой, готового отказаться от выгодного дела только из-за боязни его проиграть. Беззаботная, но милая и обаятельная жена, мечтающая только о шубах и драгоценностях, становится для Жан-Марка равнодушной и расчетливой, использующей болезнь дочери для презентации перед журналистами своего образа деловой женщины и любящей матери. При этом ОНА видит себя женщиной, вынужденной зарабатывать, чтобы как-то обеспечить семью. ОН считает, что нашел свое признание, но был вынужден от него отказаться. Чем дольше длится латентная стадия конфликта, тем больше планшеты игроков отдаляются друг от друга. Отдаляются настолько, что начало открытого конфликта стороны помнят и видят по-разному. Для него появление жены в нетрезвом виде и ее развязное поведение стало поводом к инциденту: «Я ее ударил, так как она вела себя непристойно». В ее воспоминаниях этот факт не находит места, на планшете Франсуазы вообще отсутствует открытый конфликт. Ситуацию развода стороны также видят по-разному. ОН говорит о том, что решение о разводе приняла Франсуаза, ОНА: «Жан-Марк сказал, что все кончено».

Предположим, что стороны обращаются к посреднику за помощью в разрешении данного конфликта. Покажем, как мог бы посредник им управлять с использованием рефлексивной модели. Изучив плацдарм и планшеты, на

следующем этапе было бы необходимо прояснить цели наших игроков. Последняя фраза Франсуазы: «Я еще докажу, что только ты был в моей жизни и так будет всегда». Означает ли это, что ЕЕ цель – сохранить семью? Или ключевым словом здесь является «докажу»? Ранее ею было сказано: «Ты вернулся только для того, чтобы уличить меня в неверности». «Уличить», «докажу», «так будет», – все это свидетельствует о некой состязательности со стороны Франсуазы. ОН: «Только мое призвание поможет мне начать новую жизнь без тебя». И ранее: «Она не хотела отказаться от своих привычек», «она не сделала попытку приблизиться», «она вернулась, чтобы забрать воспоминания». И здесь мы можем предположить, что целью нашего игрока является отнюдь не та, которую он декларирует: «Я хочу все забыть и начать сначала», мы видим все те же претензии на лидерство и в профессиональном, и в личностном плане. Возможно, именно претензии на статус лидера и являются предметом данного конфликта. И, возможно, наши игроки преследуют одну и ту же цель: доказать свое превосходство, утвердить свое главенствующее положение в семье. К сожалению, мы не можем ответить на эти вопросы, поскольку у нас, в отличие от предполагаемого посредника, нет возможности побеседовать со сторонами конфликта. Изучить доктрины наших игроков также не представляется возможным. Посредник в данной ситуации может использовать следующие приемы рефлексивного управления:

1. Управление планшетами игроков. Посредник должен помочь Жан-Марку и Франсуазе вспомнить, как произошло их знакомство. Ведь для НЕГО оно случайное, а для НЕЕ – спланированное ею. Необходимо вернуться к совместным профессиональным планам и прояснить, а были ли они на самом деле совместными. Перечислять все возможные детали плацдарма не представляется возможным: это и отношения Франсуазы с матерью Жан-Марка, и ее решение заняться рекламой, и его профессиональные успехи и неудачи. Очевидно, что любая, на первый взгляд и незначительная, деталь может оказаться существенной для того, чтобы планшеты игроков начали сближаться.

2. Корректировка целей игроков. Необходимо выяснить, насколько цели наших конфликтующих субъектов соответствуют их интересам и ценностям. Ведь в соответствии с ЕГО планшетами ей нужна «жизнь, где все дозволено», ОНА считает, что все, что ему нужно – «найти существо, слабее себя». Далее необходима коррекция целей участников нашего конфликта, которая возможна только лишь на основе детального анализа их доктрин и, как следствие, решений.

Очевидно, процесс построения рефлексивной модели данного супружеского конфликта не может быть осуществлен с исчерпывающей полнотой, поскольку нам доступны только те его единичные признаки, которые нам продемонстрировали создатели фильма «Супружеская жизнь». Однако, некоторые выводы относительно того, как должен «работать» рефлексивная модель сделать можно.

– Посредник не должен заниматься «расследованием» и создавать «правильный» планшет, поскольку такового в принципе не существует, каждый следующий планшет (матери Жан-Марка, его коллег, друзей Франсуазы) будет отличаться от предыдущих.

– Посредник должен сохранять абсолютную нейтральность, в противном случае он будет «навязывать» планшет одного из игроков другому или свой планшет каждому из них.

– Посредник не должен давать никаких советов и готовых решений конфликтующим субъектам.

Итак, рефлексивное управление конфликтом – это специфическое информационно-психологическое управление зарождением и превращением целей, ценностей, решений, образов мышления и психологических состояний конфликтующих субъектов, которое можно рассматривать как управление превращениями всей базовой рефлексивно-психологической системы целостного организма, которым является конфликт. Невозможно управлять конфликтом, не анализируя и не корректируя автономные процессы понимания, рефлексии, мышления и мышледействия участников конфликта, поскольку

перефразируя Л. Витгенштейна, «управлять можно только тем, что мы конструируем сами»¹.

Заметим, что построение любой модели конфликта, в том числе и рефлексивной, опирается на значительное упрощение ситуации. Вместе с тем даже грубая идеализация дает возможность разработки алгоритма управления этой ситуацией. Конфликт, с точки зрения внешнего исследователя, который занимается моделированием конфликта с использованием алгебры рефлексивных процессов, выступает как результат несовместимости картин окружающего людей мира, отраженного их сознанием. Однако существуют ситуации, в которых достичь желаемого равенства невозможно, поскольку каждая ситуация содержит существенный элемент непредсказуемости, иррациональности, и все усилия Z , направленные на передачу X или Y картины T (планшета, цели, доктрины или решения), которую Z специально для них запланировал, могут оказаться напрасными.

Мы рассмотрели некоторые подходы к моделированию конфликта. Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Моделируя конфликт, на этапе постановки задачи мы переходим от его единичных признаков к общим с различной степенью формализации.

2. Выбор модели должен происходить с учетом того особенного, что содержит в себе конфликтная ситуация.

3. Если в реальной действительности единичные и общие признаки неотделимы друг от друга, то в процессе моделирования общее отделяется от единичного, в противном случае оно не могло бы существовать в мысли. Важно, чтобы это автономно существующее в нашем сознании общее не подавляло единичное. В противном случае мы получим набор абстрактных

¹ Цит. по: Цой Л.Н. Рефлексивное управление конфликтами. (Доклад 18–19 октября 2011 г. в Институте философии РАН на VIII Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление») // Рефлексивные процессы в управлении. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18–19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито–Центр», 2011. – С.259–262.

символических выражений, оторванных от реальной действительности, созданных ради самого процесса формализации.

4. Моделирование конфликта в реальной действительности – это динамический процесс, создание композиции отображений, на каждом шаге приближающей нас к оригиналу.

5. Даже если мы просто пытаемся пересказать или описать ситуацию конфликта, чтобы разобраться ней, мы уже невольно моделируем конфликт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объективная связь явлений существует независимо от нашего знания о ней. Теоретический анализ и реконструкция таких связей имеют огромное значение для практики, которая, имея дело с единичными объектами в специфических условиях, направляется знанием всеобщих законов, действующих в отношении этих объектов, и учитывает их особенности, определяемые конкретными условиями.

В начальный период становления конфликтологии как самостоятельного научного направления основные подходы к теоретическому изучению социального конфликта были связаны с исследованием причин и функций данного феномена, динамики конфликтного поведения и попытками построения общей теории конфликта. Было определено значение конфликтов как естественных, всеобщих и неустраняемых форм общественной жизни и деятельности, способных при определенных условиях сыграть роль позитивного средства интеграции и стабилизации социальных групп, институтов и социальной системы в целом, как стимуляторов прогресса, факторов совершенствования социальных структур, общественных отношений и институтов. Тем самым был создан методологический и общетеоретический фундамент для моделирования конфликтов посредством выявления общих для всех их видов структурных и динамических показателей и индикаторов. Были

определены критерии, позволяющие осуществлять экспертизу конфликтов путем оценки их конкретного состояния.

Сегодня потребности общественного развития создают объективную необходимость в таком знании, на основании которого проблемы управления социальными процессами можно было бы решать оптимальным образом. Системный подход, использование логических и графических методов, компьютерное моделирование, неограниченные возможности синтеза математического, гуманитарного, социального и психологического знания открывают путь к действительному пониманию, объяснению и предсказанию социально-политических процессов. Использование математических моделей и методов позволяет учитывать все возможные варианты событий и поведенческих типов реакций субъектов при изменяющихся обстоятельствах в той или иной конфликтной ситуации. Модели могут помочь субъектам конфликтного взаимодействия в выборе разумных решений, поскольку математическая формулировка сложных проблем указывает на возможные исходы и способствует определению оптимальных стратегий. С другой стороны, создавая модель конфликта, необходимо строго указывать пределы и границы допустимых при моделировании упрощений, не допуская абсолютного растворения единичных признаков конфликта (и, следовательно, соответствующих им признаков модели) в общих формализованных описаниях.

При выявлении диалектической и формально-логической специфики моделирования конфликтов нами сделаны следующие выводы.

1. Каждый конфликт может быть охарактеризован рядом неповторимых (единичных) признаков, присущих именно данному конфликту, относящихся к субъектам конфликтного взаимодействия, мотивам, которыми они руководствуются, а также к причинам его возникновения и этапам развития. То, что объединяет различные социальные явления, называемые нами конфликтами, в некоторое одно, выражается не в том, что одинаково (и возможно случайно) свойственно и тому, и другому, у них может и не быть вообще никаких видимых сходных признаков. Общность этих явлений

создается на основе связи между ними, отражающей принцип порождения сходного в них.

2. Если рассматривать конфликт как состояние некоторой системы (личности, группы индивидов, общества), то общим для всех таких состояний будет наличие хотя бы двух позиций, для которых имеет место: исполнение одной из них блокируется исполнением другой.

3. В отдельном конфликте общее неотделимо от единичного, оно обнаруживается в многообразных формах проявления конфликта, в его особенных признаках и не должно рассматриваться в отрыве от особенного и единичного.

4. Цель познания состоит в теоретическом воспроизведении объекта (явления) как целого, в выявлении тех отношений, из которых вытекает особенное и единичное, присущее данному объекту или явлению. Специфическим методом выделения определенной системы связей и отношений для их специального изучения является моделирование.

5. Моделирование конфликта необходимо для исследования причин возникновения конфликтов, а также их эскалации; рассмотрения различных вариантов решения конфликта; определения соотношения и равновесия сил в оборонительных или наступательных действиях; прогнозирования эффективности применения той или иной стратегии в конфликтной ситуации; планирования переговоров в части выработки оптимального решения.

6. Модель конфликта – это объект, воспроизводящий те или иные характеристики конфликта, исследование которого позволяет определить способы регулирования, разрешения или предупреждения моделируемого конфликта. Моделирование конфликта – это построение (или выбор) и изучение моделей конфликта с целью получения новых знаний о нем, а также с целью управления сложившейся ситуацией конфликта или прогнозирования возможного ее развития.

7. Моделирование конфликта позволяет выделить для исследования наиболее важные свойства объекта, абстрагируясь от несущественных его

характеристик. Построение модели конфликта и формализация связей между ее элементами позволяет определить новые качественные проблемы, которые изначально могли быть и не предусмотрены.

8. Моделирование конфликтов повышает эффективность их прогнозирования, способствует разработке программ, целью которых является управление конфликтами, возникающими в обществе, через отбор альтернативных и наиболее оптимальных вариантов развития ситуации.

9. Поскольку любая модель конфликта является его образом, в ней должны быть воплощены не только его общие, но и особенные признаки, следовательно, выбор модели должен происходить с учетом того особенного, что содержит в себе конфликтная ситуация. Для выбора оптимальной стратегии поведения сторон в конфликте целесообразно использовать теоретико-игровые модели, которые учитывают интересы и побуждения сторон социального взаимодействия и способствуют достижению стабильности и согласованности в их действиях. При исследовании причин возникновения конфликта и рассмотрении всевозможных вариантов его решения возможно построение структурной модели, отражающей позитивные и негативные отношения участников к предмету конфликта и друг к другу. Для прогнозирования последствий применения той или иной стратегии в конфликтной ситуации возможно создание логической модели, которая может учитывать и позиции субъектов, и их возможные контрдействия, и последствия этих действий и контрдействий.

10. Невозможно управлять конфликтом, не анализируя и не корректируя автономные процессы понимания, рефлексии, мышления и мыследействования участников конфликта, т.е. его единичные признаки. Исследование проблемы управления конфликтом, осуществляемого с учетом восприятия каждой стороной данной конфликтной ситуации, приводит нас к созданию рефлексивной модели конфликта.

11. Каждая модель имеет свои достоинства и недостатки, свои границы применения, обусловленные особенными признаками анализируемого

конфликта. Решающим критерием жизнеспособности той или иной модели будет являться ее объяснительный потенциал, – способность давать ответы на вопросы, связанные с потребностью анализировать разнообразные формы проявления такого социального феномена, как конфликт.

12. Предметом дальнейшего исследования могут стать свойства и границы применения логической модели конфликта, а также возможности использования элементов теории вероятности в моделировании конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдильдин, Ж.М. Диалектико-логические принципы построения теории / Ж.М. Абдильдин, А.Н. Нысымбаев. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1973. – 420 с.
2. Авксентьев, В.А. Региональная конфликтология: эксперт. мнение / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев; под ред. М. К. Горшкова; Ин-т социологии РАН, Юж. науч. центр РАН. – М.: Альфа-М, 2007. – 207с.
3. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие / А.Р. Аклаев. – М.: Дело, 2005. – 472 с.
4. Александров, Ф.О. Неравновесная модель конфликта / Ф.О. Александров [и др.] // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – Вып. 21. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – с. 22–27.
5. Аликариев, Н.С. Моделирование социальных процессов / Н.С. Аликариев, А. Абдурахимов. – Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1979. – 80с.
6. Анцупов, А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – 4-е изд. испр. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 512 с. – (Психологическое образование).
7. Анцупов, А.Я. Российская конфликтология: аналит. обзор 607 дис., XX век / А.Я. Анцупов, С.Л. Прошанов. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 702 с.
8. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 3-е изд., исправ. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – 656 с. – (Библиотека словарей Эксмо).
9. Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: в четырех томах. Т.2. Ред. З.Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – 687 с. – (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).

10. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в четырех томах. Т.1. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975. – 550 с. – (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
11. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: в четырех томах. Т.3. Ред. И.Д. Рожанский – М.: Мысль, 1981. – 613 с. – (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
12. Баньковская, С.П. Роберт Парк / С.П. Баньковская // Современная американская социология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/sovremennaya-amerikanskaya-sotsiologiya>
13. Барановский, Е.Г. Методы анализа международных конфликтов / Е.Г. Барановский, Н.Н. Владиславлева. – М: Научная книга, 2002. – 240 с.
14. Барвайс, Дж. Ситуация и установки / Дж. Барвайс, Дж. Перри // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 264–292.
15. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / Э. Берн: пер. с англ. – СПб., М.: Университетская книга, 1998. – 398 с.: ил. – (Классики зарубежной психологии).
16. Бирштейн, Б.И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах / Б.И. Бирштейн, В.И. Боршевич // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – №1. – Т.2. – С. 27–44.
17. Блюмин, С.Л. Математические проблемы искусственного интеллекта: регулярность по Дж. фон Нейману в линейной и «линейной» алгебрах / С.Л. Блюмин // Системы управления и информационные технологии. – Воронеж, 2003. – №1-2(12). – С. 90–94.
18. Бордовских, А.Н. Политические риски: современные проблемы оценки и теоретического моделирования: дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук / А.Н. Бордовских. – М., 2009. – 196 с.
19. Бранский, В.П. Диалектика познания / В.П. Бранский, М.С. Каган, И.А. Майзель; Под ред. А.С. Кармина — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. — 304 с.

20. Бурков, В.Н. Элементы теории графов [Электронный ресурс]. / В.Н. Бурков, А.Д. Новиков // Электронная библиотека «BookFinder» – Режим доступа: <http://bookfi.org/book/476885>
21. Буртовая, Е.В. Конфликтология: Учебное пособие / Е.В. Буртовая. – М.: РГИУ, 2002. – 233 с.
22. Валиулина, Г.Р. Проблемы моделирования и экспертизы региональных конфликтов: дисс. на соиск. уч. степ. канд. социолог. наук / Г.Р. Валиулина. – М., 2002. – 172 с.
23. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – Пер. с англ. – Общ. ред. и послесл. И.Б. Новика и В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
24. Ватель, И.А. Математика конфликта и сотрудничества / И.А. Ватель, Ф.И. Ерешко. – М.: Знание, 1973. – 64 с.
25. Векленко, П.В. Ситуационные представления: генезис, сущность, перспективы: монография / П.В. Векленко; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Ом. акад. – Омск: ОМА МВД России, 2012. – 114 с.
26. Векленко, П.В. Ситуационный подход в познании: Монография / П.В. Векленко. – Омск: Изд-во «Амфора», 2012. – 144 с.
27. Векленко, П.В. Человек в опасной ситуации: учебное пособие / П.В. Векленко; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Ом. акад. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 111 с.
28. Вентцель, Е.С. Элементы теории игр / Е.С. Вентцель. – М.: Физматгиз, 1961. – 68 с.
29. Военная конфликтология: учебное пособие / [Смульский С. В. и др.]; под общ. ред. С.В. Смульского; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 206 с.
30. Возрастная психология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / [Т. Д. Марцинковская и др.] / под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 336 с.

31. Вооруженный конфликт в Южной Осетии (2008) [Электронный ресурс] // История Кавказа. – Режим доступа: <http://www.roroubigl.info/?p=153>
32. Воробьев, Н.Н. Основы теории игр. Бескоалиционные игры / Н.Н. Воробьев. – М.: Наука, 1984. – 495 с.
33. Гадамер, Х.-Г. Игра искусства / Х.-Г. Гадамер // Вопросы философии. – 2006. – №8. – С. 164–168.
34. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
35. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 452 с.
36. Гегель. Собрание Сочинений. В 14 томах. Т. 10. Лекции по истории философии. Книга вторая. – М.: Партийное изд-во, 1932. – 490 с.
37. Герасименко, И.Я. Социология конфликта: методы и модели / И.Я. Герасименко, Р.М. Юсупов. – СПб: Омега, 1999. – 127 с.
38. Гирусов, Э.В. Диалектика востребуется для научных открытий / Э.В. Гирусов // Актуальные вопросы диалектики (историко–философские аспекты). Тезисы XIII-й ежегодной научно-практической конференции кафедры философии РАН. – 31 января –1 февраля 2000 г. – М., 2000. – 256 с.
39. Глазунов, Н.Г. Моделирование социальных процессов: проблемы теории и практики ... [Электронный ресурс] / Н.Г. Глазунов // Вектор науки ТГУ. – №1(15).– 2011. – Режим доступа: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media66790/77-glazunov.pdf
40. Глинский, Б.А. Моделирование как метод научного познания (гносеологический анализ) / Б.А. Глинский [и др.] – М.: Изд-во Московского университета, 1965. – 248 с.
41. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с. – (Мастера психологии).

42. Далингер, В.А. Элективные курсы в системе профильного обучения [Электронный ресурс] / В.А. Далингер, А.Н. Зубков // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». – Омск, 2006. – Режим доступа: <http://www.omsk.edu>
43. Данилов, Ю.А. Джон фон Нейман / Ю.А. Данилов. – 2-е изд., доп. – М.: Знание, 1990. – 64 с. – (Новое в жизни, науке и технике, серия «Математика, кибернетика», №12).
44. Дегтярев, Д. Компьютерное моделирование международных отношений [Электронный ресурс] / Д. Дегтярев // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – Том 9, № 3(27). – Сентябрь-декабрь 2011. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-seventh/07.htm>
45. Денисов, С.Ф. Научное объяснение в гуманитарном познании / С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – №3. – С. 43–47.
46. Денисов, С.Ф. Понимание в науке и культуре / С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова // Омский научный вестник. – 2012. – №2. – С. 250–253.
47. Диалектика общего и особенного в историческом процессе / Редкол.: Х.Н. Момджян (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1978. – 216 с. – (Филос. проблемы обществ. развития).
48. Диалектика познания / В.П. Бранский, М.С. Каган, И.А. Майзель; Под ред. А.С. Кармина — Л.: Издательство Ленинградского университета. 1988. — 304 с.
49. Дмитриев, А. В. Конфликтология: учебник / А. В. Дмитриев. – 3-е изд., перераб. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2013. – 336 с.
50. Дмитриев, А.В. Социальный конфликт: общее и особенное / А.В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2002. – 526 с. – С. 13.
51. Дмитриев, А.К. Конфликтология / А.К. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2001. – 284 с.

52. Дружинин, В.В. Введение в теорию конфликта / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, М.Д. Конторов. – М.: Радио и связь, 1989 – 286 с.
53. Ельмеев, В.Я. Прикладная социология: очерки методологии / В.Я. Ельмеев, В.Г. Овсянников. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб: Изд-во С.–Петербургского государственного университета, 1999. – 296 с.
54. Звонарев, Н.Н. Моделирование динамики политических процессов: формальный подход: автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук / Н.Н. Звонарев. – Саратов, 2007. – 22 с.
55. Землянухина, С.Г. Диалектика общего и специфического в процессе развития производственных отношений (структурный аспект) / С.Г. Землянухина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 160 с. – С. 31.
56. Зиммель, Г. Избранное. Том 1. Философия культуры / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 671 с. – (Лики культуры).
57. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
58. История диалектики XIV–XVIII вв. – М.: Мысль, 1974. – 356 с. – (АН СССР. Ин-т философии).
59. История диалектики. Немецкая классическая философия / [редкол. А.С. Богомолов и др.]. – М.: «Мысль», 1978. – С. 20.
60. Казеннов, А.С. Диалектика как высший метод познания / А.С. Казеннов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 96 с.
61. Категории материалистической диалектики / Под ред. М.М. Розенталя и Г.М. Штракса. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. – 390 с.
62. Кашин, В.В. Формальная социология Георга Зиммеля / Кашин В. В. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – №89, июль. – С. 4–11.
63. Кини, Р. Принятие решений при многих критериях предпочтения и замещения / Р. Кини, Х. Райфа. – М.: Радио и связь, 1981. – 117 с.

64. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Дом интеллект. кн.: «Идея-Пресс», 2000. – 205 с.
65. Козырев, Г.И. Конфликтология: учебник / Г.И. Козырев. – М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2010. – 304 с. – (Высшее образование).
66. Козырев, Г.И. Политическая конфликтология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки ВПО 030200 «Политология» / Г.И. Козырев. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008. – 430 с. – (Высшее образование).
67. Конкин, М.И. Проблема формирования и развития философских категорий: Монография / М.И. Конкин. – М.: Высшая школа, 1980. – 245 с.
68. Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика: материалы Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов: [в 2 т.: сборник] / С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. философии и политологии, Фонд развития конфликтологии; [ред. совет: Ю.Н. Солонин (пред.) и др.]. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. Конфликтология – Съезды, совещания и т.п. Т. 1. – 2009. – 620 с. Т. 2. – 2009. – 176 с.
69. Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления (060000) и гуманитарно-социальным специальностям (020000) / В.П. Ратников [и др.]; под ред. проф. В.П. Ратникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 511 с.
70. Крапивин, В.Ф. Теоретико-игровые методы синтеза сложных систем в конфликтных ситуациях / В.Ф. Крапивин. – М.: Сов. радио, 1972. – 127с.
71. Краткая философская энциклопедия / Редакторы-составители Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблев, В.А. Лутченко. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – 576 с.

72. Кукушкин, Н.С. Конфликты и компромиссы / Н.С. Кукушкин, О.Р. Меньшикова, И.С. Меньшиков. – М.: «Знание», 1986. – 32 с. – (Новое в жизни, науке и технике, серия «Математика, кибернетика», №9).
73. Кукушкин, Н.С. Математические модели и теория «институтов согласия» / Н.С. Кукушкин [и др.] // Моделирование процессов мирового процесса и сотрудничества. – М., 1991. – С. 192–199.
74. Кукушкин, Н.С. Теория неантагонистических игр / Н.С. Кукушкин, В.В. Морозов. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 104 с.
75. Кулагин, О.А. Принятие решений в организациях [Электронный ресурс] / О.А. Кулагин. – Режим доступа: [http:// bank.orenipk.ru/Text/t12_6.htm](http://bank.orenipk.ru/Text/t12_6.htm)
76. Левин, Г.Д. Диалектико–материалистическая теория всеобщего / Г.Д. Левин. – Отв. ред. А.П. Шептулин. – М.: «Наука», 1987. – 176 с.
77. Ленин, В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // В.И. Ленин. ПСС. – 5-е изд. – Т. 5. – М.: Политиздат, 1967. – С. 95–268.
78. Ленин, В.И. К вопросу о диалектике // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 29. Философские тетради. – М.: Политиздат, 1969. – С. 316–322.
79. Лефевр, В.А. Алгебра конфликта / В.А. Лефевр, Г.Л. Смолян. – М.: Знание, 1968. – 64 с.
80. Лефевр, В.А. Алгебра совести / В.А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2003. – 426 с.
81. Лефевр, В.А. Конфликтующие структуры / В.А. Лефевр. – 2-е изд. перераб., доп. – М.: Изд-во «Сов. радио», 1973. – 158 с.: ил.
82. Лефевр, В.А. Лекции по теории рефлексивных игр / В.А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2009. – 217 с.
83. Лефевр, В.А. Рефлексия / В.А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2003. – 496 с.
84. Лефевр, В.А. Формула человека: контуры фундаментальной психологии / авторизованный перевод с английского / В.А. Лефевр. – Фототип. изд. – М.: Когито-Центр, 2012. – 107 с.

85. Лобовиков, В.О. Математическая логика естественного права и политической экономики / В.О. Лобовиков; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т философии и права. Математическая философия экономики и права. Ч. 1–2. – Екатеринбург: [б. и.], 2005. – 657 с.
86. Лобовиков, В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право: (алгебра метафизики как алгебра формал. аксиологии) / В.О. Лобовиков; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т философии и права. – Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2007. – 408 с.
87. Лобовиков, В.О. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права / В.О. Лобовиков. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1984. – 269 с.
88. Лобовиков, В.О., Логико-математические модели государственно-политического и морально-правового управления экономикой (Математическая философия экономики и права. Ч.1. Критика политической экономики: совершенная конкуренция и абсолютная монополия; состояние равновесия и предпринимательство; laissez-faire и государственное регулирование рынка) / В.О. Лобовиков. – Екатеринбург: Изд-во «Университет», 2003. – 392 с.
89. Лойфман, И.Я. Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы) / И.Я. Лойфман. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 104 с.
90. Лосев, А.Ф. «Учение» Платона об идеях / А.Ф. Лосев. – История античной эстетики (т. II). СОФИСТЫ. СОКРАТ. ПЛАТОН. М.: «Искусство», 1969. – С.169 – 193.
91. Луговцев, Ю.М. Философско-методологические предпосылки теоретизации политической науки / Ю.М. Луговцев // Наука. Философия. Общество. Материалы V философского конгресса. Том 1. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 250.
92. Лукин, Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Managementoftheconflicts: учебник для вузов / Ю.Ф. Лукин. – М.: Академический Проект; Трикта, 2007. – 799 с.

93. Льюис, Р.Д. Игры и решения: Введение и критический обзор / Р.Д. Льюис, Х. Райфа; пер. с англ. И.В. Соловьева; под ред. Д.Б. Юдина; с предисловием А.А. Ляпунова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 642 с.
94. Майданский, А.Д. Логический метод Р.Декарта и Б.Спинозы: Монография / А.Д. Майданский. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1998. – 124 с.
95. Макаридина, В.А. Математические методы моделирования и диагностики социальной напряженности: монография / В.А. Макаридина. – СПб: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2002. – 158 с.
96. Макаров, М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики / М. Г. Макаров. – Л.: Наука Ленингр. отд-ние, – 1988. – 184 с.
97. Малафеев, О.А. Математические модели конфликтных ситуаций и их разрешение / О.А. Малафеев, А.И. Муравьев. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ. – Т.1: Общая теория и вспомогательные сведения. – 2000. – 283 с.
98. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46, ч. 1. Издание второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – 317 с.
99. Марксистско-ленинская диалектика: в 8 книгах. Книга 1. Материалистическая диалектика как научная система / Под ред. проф. А. П. Шептулина — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 296 с.
100. Марксистско-ленинская диалектика: в 8 книгах. Книга 3. Диалектика процесса познания / Под ред. М.Н. Алексева, А.М. Коршунова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 367 с.
101. Матвеев, В.А. Конечные бескоалиционные игры и равновесия / В.А. Матвеев. – Псков: Изд-во ПГПИ им. С.М. Кирова, 2005. – 176 с.
102. Материалистическая диалектика. В 5-ти т. Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. Ф.Ф. Вяккерев. – М.: Мысль, 1981. – 374 с.
103. Меморандум правительства Республики Южная Осетия от 15.11.2005 г. / Республика Южная Осетия: вчера, сегодня, завтра... [Электронный

- ресурс] // Официальный сайт Министерства по особым делам Республики Южная Осетия. – Режим доступа: <http://www.iryston.ru>>16-11-2005-3.htm
104. Мешковой, Н.П. Теория игр: конспект лекций / Н.П. Мешковой, Р.Ш. Закиров. – Челябинск: Челябинский политехнический институт имени ленинского комсомола, 1974. – 56 с.
105. Морозов, К.Е. Математическое моделирование в научном познании / К.Е. Морозов. – М.: Изд-во «Мысль», 1969. – 212 с.
106. МПТ: Математические методы и исследование операций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.matmet.mpt.ru>,
107. Муштук, О.З. Конфликтология: учеб.пособие / О.З. Муштук, А.Ю. Деев, О.С. Которова. – М.: Маркет ДС, 2008. – 160 с. (Университетская серия).
108. Мысли о мыслях: сб. науч. ст. / отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск: Ин-т интеллект. инноваций и проблем консультирования, 1996. – Т. 2: Рефлексия в обучении и консультировании. – Ч. 2: Рефлексия в консультировании. – 177 с.
109. Нечипоренко, Л.А. Буржуазная «социология конфликта» / Л.А. Нечипоренко. – М.: Политгиздат, 1982. – 142 с. – (Социал. прогресс и бурж. философия).
110. Новиков, Д.А. Рефлексивные игры / Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили. –РАН, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова. – М.: Синтег, 2003. – 160 с.
111. Новиков, Д.А. Рефлексия и управление: математические модели / Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили – М.: Издательство физико-математической литературы, 2013. – 412 с.
112. Новости – главные новости России, СНГ и мира – лента новостей ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/992726.html#ixzz1isGrOdUy>
113. Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru>

114. Орловский, С.А. Проблемы принятия решений при нечеткой исходной информации / С.А. Орловский. – М.: Наука, 1981. – 208 с.
115. Основы марксистско-ленинской философии. Учебник / Богомолов А.С., Гак Г.М., Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., и др.. – 4-е изд., перераб. – М.: Политиздат, 1977. – 463 с.
116. Оуэн, Г. Теория игр: Учебное пособие / Г. Оуэн. – пер. с англ. под ред. А. А. Корбута со вступ. статьей Н. Н. Воробьева, – М.: Мир, 1971. – 230 с.
117. Палитай, И.С. Особенности применения метода моделирования в социологическом исследовании терроризма: автореферат на соиск. уч. степ. канд. социолог. наук / И.С. Палитай. – М., 2009. – 28 с.
118. Парк, Р. Конкуренция / Р. Парк // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.; под ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2001. – Ч. 1. – С. 393–399.
119. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Науч. ред. пер. М.С. Ковалева; Ин-т «Открытое о-во». – М.: Аспект-пресс, 1998. – 270 с.
120. Петросян, Л. А. Теория игр / Л.А. Петросян, Н.А. Зенкевич, Е.А. Семина. – М.: Высшая школа, 1998. – 300 с.
121. Плиев, И. Независимость Южной Осетии базируется на юридически безупречных аргументах [Электронный ресурс] / И. Плиев // Информационно-политический портал «Евразия». – Режим доступа: [http:// www.evrazia.org](http://www.evrazia.org)
122. Политология: Учебное пособие / Под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – 560 с.: ил. – (Учебное пособие).
123. Пономарев, Ю.П. Игровые модели: математические методы, психологический анализ: монография / Ю.П. Пономарев. – М.: Наука, 1991. – 155 с. : ил.
124. Разработка и апробация метода теоретической истории / Под ред. Н.С. Розова / Н.С. Розов, Ю.Б. Вертгейм, Г.С. Сизенцев и др. —

- Новосибирск: Наука, 2001. — 503 с. — (Теоретическая история и макросоциология; Вып. 1).
125. Рейльян, Я.Р. Аналитическая основа принятия управленческих решений / Я.Р. Рейльян. — М.: Финансы и статистика, 1989. — 205 с.
126. Робертс, Ф.С. Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам / Ф.С. Робертс. — М.: Наука, 1986. — 497 с.
127. Рыбаков, Н.С. Возвращение к диалектике / Н.С. Рыбаков // Преподавание философии: проблемы дидактики и содержания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Калуга, 2000. — С. 39–55.
128. Рыбаков, Н.С. О смысле всеобщего [Электронный ресурс] / Н.С. Рыбаков. — Режим доступа: http://filial.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_32.pdf.
129. Саати, Томас Л. Математические модели конфликтных ситуаций / Томас Л. Саати; пер. В.Н. Веселова и Г.Б. Рубальского; под ред. [и с предисл.] И.А. Ушакова. — М.: «Сов. радио», 1977. — 302 с.: ил.
130. Светлов, В.А. Аналитика конфликта: Учебное пособие для пед. вузов / В.А. Светлов. — СПб.: Росток, 2001. — 324 с.
131. Светлов, В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент / В.А. Светлов. — СПб: Питер, 2005. — 540 с.: ил.
132. Светлов, В.А. Конфликтология: Учебное пособие / В.А. Светлов, В.А. Семенов. — СПб.: Питер, 2011. — 352 с.
133. Светлов, В.А. Логика: Учебное пособие / В.А. Светлов. — СПб: Питер, 2011. — 320 с.
134. Светлов, В.А. Современная логика: Учебное пособие / В.А. Светлов. — СПб.: Питер, 2006. — 400 с.
135. Семенов, В.А. «Эсперанто для конфликтологов» (на пути к созданию единой теории конфликта) / В.А. Семенов // Известия

- Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Вып. 5.– Том 3. – 2003. – С. 37–48.
136. Степанов, Е.И. Современная конфликтология: общ. подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту соц. конфликтов: учеб. пособие по направлению Конфликтология–040300 / Е.И. Степанов. – М.: URSS, 2008. – 172 с.
137. Степанов, Е.И. Конфликтологический мониторинг и менеджмент как необходимые компоненты современных социологических исследований [Электронный ресурс] / Е.И. Степанов, П.И. Куконков // Научно-практический журнал «Конфликтология и жизнь». – Сайт международной ассоциации конфликтологов. – Режим доступа: <http://www.confstud.ru/content/view/50/2/>
138. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – 390 с.
139. Теоретические подходы социальной психологии. Часть 2. Когнитивитская ориентация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// becmology.ru>blog/psychology/soc_psy02.htm](http://becmology.ru>blog/psychology/soc_psy02.htm)
140. Угроза нападения Грузии на Южную Осетию [Электронный ресурс] // Polemica и дискуссии. – Режим доступа: <http://www.polemics.ru>
141. Усов, В.Н. Рефлексивное управление: философско-методологический аспект: монография / В.Н. Усов – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 220 с.
142. Фелькер, Р. Использование теории игр в практике управления (из архивов журнала «Проблемы Теории и Практики Управления») [Электронный ресурс] / Р. Фелькер. – Режим доступа: [http:// www.cfin.ru/management/ game_theory.shtml](http://www.cfin.ru/management/game_theory.shtml)
143. Филиппов, А.Ф. Обоснование теоретической социологии: Введение в концепцию Георга Зиммеля / А.Ф. Филиппов // Георг Зиммель. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. — М.: Юрист, 1996. – С. 569–600.

144. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Национальная философская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/180>
145. Хасан, Б.И. Разрешение конфликтов и ведение переговоров: учебно-метод. пособие / Б.И. Хасан, П.А. Сергоманов. – М.: Мирос, 2002.– 176 с.
146. Хейзинга, Й. *Homo ludens*; Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга; пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильверстова. – Коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
147. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза [Электронный ресурс] / К. Хорни. – пер. с англ. В. Светлова. – М.: Академический проект. – 2007. – Режим доступа: http://www.psychol-ok.ru/lib/horney/nvk/nvk_04.html
148. Цой, Л.Н. Рефлексивное управление конфликтами. (Доклад 18–19 октября 2011 г. в Институте философии РАН на VIII Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление») / Л.Н. Цой // Рефлексивные процессы в управлении. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18–19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского. – М.: «Когито-Центр», 2011. С.259–262.
149. Шевяков, Т. С мечтой о войне [Электронный ресурс] / Т. Шевяков // «Грузия Online» – информационно-аналитический сайт. – Режим доступа: <http://www.apsny.ge>
150. Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг; пер. с англ. Т.Данилова. – М.: ИРИСЭН. – 376 с.
151. Шептулин, А.П. К вопросу о сущности всеобщего / А.П. Шептулин // Проблемы всеобщего в марксистской философии. – Челябинск, 1982. – С. 7–13.
152. Шептулин, А.П. Диалектический метод познания: (Вопр. применения диалектики в качестве метода познания и революционного преобразования действительности) / А.П. Шептулин. – М.: Знание, 1984. – 64 с. – (Философия) (Новое в жизни, науке, технике).

153. Шептулин, А.П. Категории диалектики / А.П. Шептулин. – М.: Высшая школа, 1971. – 278 с.
154. Шептулин, А.П. Категории диалектики как отражение закономерностей развития / А.П. Шептулин. – М.: Знание, 1980. – 64 с. – (Философия) (Новое в жизни, науке, технике).
155. Шептулин, А.П. Категории диалектики как ступени познания / [А.П. Шептулин и др.; редкол.: А.П. Шептулин (отв. ред.) и др.]; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1971. – 252 с.
156. Шептулин, А.П. О сущности всеобщего / А.П. Шептулин // Философские науки. – 1984. – №1. – С. 29–37.
157. Шикин, Е.В. Математические методы и модели в управлении: Учебное пособие / Е.В. Шикин, А.Г. Чхартишвили. – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет государственного управления. 2-е изд., испр. – М.: Дело, 2002. – 440 с. – (Сер. «Наука управления»)
158. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – Ленинград: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1966. – 302 с.
159. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
160. Эзоп. Басни [Электронный ресурс] / Эзоп. –Пер. с греч. и лат. М. Гаспарова. – Режим доступа: <http://ezop.su/basny/>
161. Энгельс, Ф. Диалектика природы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – изд. 2-е. – Т. 20. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. – С. 343–628.